

**МЕТОДОЛОГИЯ
И ПРОЦЕДУРА
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

А. Г. ЗДРАВОМЫСЛОВ

МЕТОДОЛОГИЯ
И ПРОЦЕДУРА
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
МОСКВА 1969

ИМН
3-46

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ВПСИ и АОН при ЦК КПСС

1-5-3

127-69

Предисловие

Цель предлагаемой работы — не только ознакомление читателя с социологическими исследованиями. Задача состоит в том, чтобы в какой-то мере восполнить недостаток учебно-методической литературы по этим вопросам.

За последние годы наблюдается быстрый рост социологических исследований в стране. За сравнительно короткий промежуток времени советская социология прошла путь от создания первых социологических исследовательских групп (сектор изучения новых форм труда и быта в составе Института философии Академии наук и лаборатория социологических исследований Ленинградского университета) до образования самостоятельного Института конкретных социальных исследований АН СССР. Быстрый рост социологических исследований объясняется прежде всего потребностями практического порядка — социология должна занять важное место в обеспечении научного руководства социальными процессами, во всестороннем рассмотрении тех социальных проблем, которые возникают в ходе строительства новых общественных отношений.

Тематика социологических исследований, проводящихся в стране, очень широка и разнообразна. Достаточно упомянуть, что в составе Советской Социологической Ассоциации работают 24 постоянных исследовательских комитета, координирующих деятельность социологов. Отделения Ассоциации основаны в Новосибирске, Ленинграде, Киеве, Перми и других крупных центрах страны. Исследовательские группы и лаборатории создаются в системе различных министерств и ведомств, на промышленных предприятиях, при руководящих партийных и комсомольских органах.

Уровень проводимых исследований иногда еще недостаточно высок. Зачастую исследования носят лишь характер иллюстраций к общеизвестным положениям, во многих из них сквозит тенденция к эмпиризму, чувствуется недостаток теоретического обобщения материала. Эти и ряд других недостатков объясняются во многом тем, что в стране отсутствует система подготовки социологических кадров, свободно владеющих процедурой социологического исследования, методами сбора и анализа материала. Ведь для проведения исследований необходимо не только усвоение уже имеющегося содержания науки — нужно научиться добывать новое знание.

Решение этой задачи в свою очередь упирается в то, что книг, обобщающих опыт работы исследователя-социолога, очень мало. За последнее время вышло довольно много работ, в которых излагаются главным образом результаты исследований, рассматриваются важные теоретические вопросы социологии, дается всесторонняя критика методологических основ современной буржуазной социологии. В числе этих работ следует назвать такие монографические исследования, как книги Г. М. Андреевой «Современная буржуазная эмпирическая социология» (М., 1965), Б. А. Грушина «Мнения о мире и мир мнений» (М., 1967), И. С. Кона «Позитивизм в социологии. Исторический очерк» (Изд-во ЛГУ, 1964) и «Социология личности» (М., 1967), Ю. А. Левады «Социальная природа религии» (М., 1965), а также сборники «Человек и его работа» (М., 1967), «Классы, социальные слои и группы в СССР» (М., 1967), «Опыт и методика конкретных социологических исследований» (М., 1965), «Социология в СССР» (т. 1—2. М., 1965—66), «Количественные методы в социологии» (М., 1966).

Среди работ, посвященных анализу методов социологических исследований, можно назвать два ротапринтных издания, пользующиеся известностью среди советских социологов: «Социологические исследования. Вопросы методологии и методики» (сб. под ред. Р. В. Рывкиной, Новосибирск, 1966) и книгу В. А. Ядова «Методология и процедуры со-

циологических исследований» (Тарту, 1968). Настоящая работа наиболее близка по замыслу и содержанию к двум последним книгам, отличаясь от них прежде всего тем, что она рассчитана на более широкий круг читателей. Автор имеет в виду последовательное изложение тех задач, которые возникают перед исследователем на каждом из этапов его работы. Изложение рассчитано на человека, впервые приступившего к социологическим исследованиям. Этими соображениями определяется структура книги. В первой главе рассматриваются общие методологические вопросы, связанные с определением социологии как науки, с ее местом в системе знаний и ролью в жизни общества. Вторая глава также рассматривает вопросы методологического порядка, имея в виду проблемы, возникающие перед социологами при составлении программы исследования. В третьей главе описываются методы сбора материала в социологическом исследовании, и четвертая глава рассматривает некоторые из методов анализа материала.

Работая над книгой, автор опирался на тот опыт, который был накоплен коллективом лаборатории социологических исследований Ленинградского университета (1960—1965), на опыт сектора методологии социологических исследований Института философии АН СССР и социологической группы кафедры марксистско-ленинской философии Ленинградской Высшей партийной школы. Иллюстративный материал, который приводится в книге, собран, как правило, при участии самого автора. При изложении материалов исследования отношения к труду рабочей молодежи (для сокращения оно именуется в тексте как «ленинградское исследование») автор использовал ряд материалов, не вошедших в публикацию итогов исследования («Человек и его работа»).

Автор выражает глубокую признательность Г. М. Андреевой, Б. А. Грушину, Ю. А. Замошкину, Г. В. Осипову, В. В. Колбановскому, Ю. А. Леваде, В. А. Ядову, прочитавших рукопись книги и сделавших ценные критические замечания, которые были учтены в ходе подготовки книги к изданию.

Автор благодарит также участников социологической группы ЛВПШ Л. П. Абрамову, Ю. Я. Баскина, Г. М. Борисова, Б. З. Докторова, В. С. Овчинникова, Г. Г. Филиппова, оказавших большую помощь в подготовке и прочтении специального курса лекций, положенного в основу настоящей книги.

Большую помощь автору оказали также слушатели спецкурса по методологии, методике и технике социологического исследования, прочитанного в ЛВПШ в 1967/68 и 1968/69 учебных годах: Н. М. Борисов, Н. Ф. Воронцов, М. И. Иванов, М. Ф. Исупова, С. В. Катаев, А. С. Кемова, К. К. Козенкова, Б. А. Новиков, В. А. Носов, А. М. Макарова, Л. А. Орлова, В. Ф. Сапожников, А. Г. Свердлов.

Глава I
Предмет,
структура и функции
социологического
знания

1

Социология:
термин и содержание

Термин «социология» ввел в обращение французский ученый Огюст Конт (1798—1857). В силу этого обстоятельства его иногда называют основоположником социологии. Следует, однако, различать введение термина и формулировку и доказательство основных идей, связанных с содержанием этого термина. Сам термин в данном случае означает науку об обществе (*социо* — общество, общественный, *логос* — понятие, учение, наука). Конт известен в истории философской и социологической мысли как один из основоположников позитивизма — весьма противоречивой и непоследовательной философии, эклектически объединяющей в себе элементы материализма и субъективного идеализма. Важная сторона философии французского мыслителя — стремление преодолеть спекулятивное, абстрактное, чисто умозрительное отношение к действительности, преобладавшее в академической среде в начале прошлого века. Наука об обществе, по Конту, должна основываться на положительных (позитивных) фактах, а не на пустых рассуждениях, и строиться она должна по примеру наук естественных. В качестве образцовой науки Конт выдвигал физику.

В этой своей части программа О. Конта не содержала в себе ничего ошибочного. Более того,

идея строгого фактического обоснования социального знания должна быть оценена как правильная и прогрессивная. Конт, однако, почти полностью игнорировал историю социальной мысли, и в силу этого обстоятельства и отчасти по другим причинам он не смог реализовать своей собственной программы. Более того, при конкретном рассмотрении истории общества Конт отступил от принципов, сформулированных им же самим, и построил весьма умозрительную теорию трех стадий общественного развития¹.

Действительная реализация идеи соединения теоретического и эмпирического социального знания была достигнута в работах Маркса и Энгельса, хотя они и не употребляли термина «социология». Они выступили подлинными основоположниками научной социологии благодаря тому, что ими была критически пересмотрена вся история предшествующей социальной мысли. Эта работа была проделана Марксом и Энгельсом под углом зрения тех общественных проблем и задач, которые выдвигались развитием капиталистического общества в середине XIX в. С созданием марксистской социологии кончился период ее академического развития — наука тесно переплелась с политикой, и эта связь оказалась плодотворной для обеих сторон, поскольку политика в данном случае была наиболее прогрессивной, наиболее полно выражающей интересы, чаяния и надежды рабочего класса и трудящихся масс.

История термина «социология» в классической марксистской литературе начинается с работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894).

В этой работе В. И. Ленин противопоставляет подлинно научную социологию К. Маркса взглядам народников, которые характеризуются им как «ребячья мораль, претендующая на наименование социологии»². Три обстоятельства оказываются,

¹ Более подробную характеристику взглядов О. Конта см.: *И. С. Кон. Позитивизм в социологии. Исторический очерк.* Изд-во ЛГУ, 1964.

² См. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 134.*

по Ленину, наиболее важными для создания научной социологии: во-первых, выделение из всей совокупности общественных отношений производственных отношений в качестве главных и определяющих. Благодаря этому были выработаны критерии, разграничивающие важное от неважного в общественной жизни, был выработан в общественной науке «тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты»¹. Во-вторых, обнаружение повторяемости в общественных отношениях позволило Марксу и Энгельсу «обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*. Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что общее всем им»². Наконец, третье обстоятельство, позволившее создать научную социологию, состояло в том, что «только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом»³.

Заканчивая характеристику исходных положений марксистской социологии, В. И. Ленин пишет: «Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними, — так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

² Там же.

³ Там же, стр. 138.

экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»¹.

Итак, выделение производственных отношений, понятие общественно-экономической формации и взгляд на развитие и смену этих формаций как на естественноисторический процесс — вот три основных теоретических положения, характеризующие марксистскую социологию. В. И. Ленин, однако, не ограничивается констатацией этих положений и противопоставлением их субъективистской социологии в чисто теоретическом плане. Он исследует ту ступень развития, на которой находится русское общество в конце XIX в., выясняя особенности положения основных классов и социальных групп этого общества, определяя направленность их интересов, вскрывая основные тенденции изменения общественных отношений, осуществляющиеся в виде результата столкновения этих интересов.

В ходе работы В. И. Ленин конкретизирует методологические принципы марксистского социологического исследования. Один из главных принципов — конкретный подход к изучаемым явлениям. Характеризуя этот принцип, В. И. Ленин пишет: «Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения... истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их, — т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины... есть опoшление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом»².

Второй принцип марксистско-ленинского социологического мышления — всесторонний анализ сложившейся ситуации — учет по возможности всех интересов, сталкивающихся и взаимодействующих в данном обществе. Этот методологический прин-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 139.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 14.

цип теснее всего связан с тем, что на языке современной науки называется системным подходом к исследованию. Третий методологический принцип — связь теории с практикой — выделение для теоретического рассмотрения именно тех проблем, которые имеют наиболее актуальный, наиболее значительный характер, исходя из перспектив общественного развития, с точки зрения прогрессивных сил данного общества. Именно этим объясняется острая политическая направленность марксистской социологии, которая прежде всего рассматривает такие вопросы, как теория революции, государства, теоретические вопросы политических движений, теория организации и управления социальными процессами после победы социалистической революции.

Главная проблема, постоянно остающаяся в центре внимания марксистской социологической мысли, — проблема социальных преобразований, перехода существующей социальной системы от одного качественного состояния к другому.

Буржуазная социологическая мысль после Конта развивается на основе прямо противоположной проблематики. Главное, что волнует академический социологический мир, — описание и выявление закономерностей функционирования социальной системы, воспроизводства существующих социальных отношений, приспособления личности к заданным социальным условиям, социальный контроль со стороны группы или общества над поведением индивидуума.

При рассмотрении этих проблем буржуазным социологам удается достичь немаловажных результатов в накоплении фактов, в описании частных социальных процессов, в выявлении отдельных закономерностей, в методике исследования. Однако все эти частные достижения осуществляются на фоне искаженного представления об обществе в целом. Зачастую такого рода представление отсутствует вовсе, что позволяет современным буржуазным социологам ставить следующий диагноз состоянию дел в этой области: «Социология, по-видимому, не готова для своего Эйнштейна, потому что

она не нашла еще своего Кеплера». Это высказывание, принадлежащее одному из лидеров американской социологии, Р. К. Мертону, нельзя расценить иначе как признание засилия эмпиризма в буржуазном социологическом мышлении¹.

Как же должен социолог-марксист относиться к современной социологической мысли в капиталистическом мире?

Во-первых, путаным и эклектическим теоретическим концепциям должна быть противопоставлена целостная и последовательная картина общественных отношений, которую дает марксистско-ленинская наука. Необходим критический анализ каждого теоретического положения, выдвигаемого буржуазными социологами, с выявлением гносеологических и классовых корней тех или иных заблуждений, с позитивным решением тех вопросов, на которых спотыкается ограниченное эмпиризмом и реакционным классовым интересом мышление.

В общей оценке современной социологической мысли необходимо постоянно помнить, что социология и социологическое мышление являются ареной и средством обостренной идеологической борьбы, что «между социологией марксизма и буржуазной социологией лежит принципиальный и четкий рубеж — противоположность их социальных, политических и теоретических истоков, непримиримость идеалистического и материалистического понимания истории, научного конкретного исследования социальной жизни и эмпиризма»².

Во-вторых, необходимо умело использовать факты и частные теоретические выводы, значение которых не может быть полностью осмыслено с позиций ограниченного буржуазного мышления. Работы В. И. Ленина показывают образец того, как накопленные буржуазными исследователями факты, статистические материалы и другие данные получают подлинно научное освещение. В этой свя-

¹ Подробнее об этом см.: Г. М. Андреева. Современная буржуазная эмпирическая социология. М., 1965.

² А. М. Румянцев, Г. В. Осипов. Марксистская социология и конкретные социальные исследования. — «Вопросы философии», 1968, № 6, стр. 7.

зи важно отметить, что В. И. Ленин учил различать полученные общественной наукой знания от их использования. Именно с этих позиций он оценивает, например, систему Тэйлора, подчеркивая, с одной стороны, ее прогрессивное значение для совершенствования организации труда, а с другой стороны, характеризуя ее как «научную систему выжимания пота». Эта ленинская оценка может быть распространена на многие конкретные результаты исследований в области социологии труда, социальной психологии, теории массовой коммуникации.

В-третьих, в целях достижения большей эффективности критики, ее убедительности и обоснованности необходимо проводить более дифференцированный анализ современной буржуазной социологии с точки зрения ее классовых и политических позиций. Социологическая мысль США сегодня представляет собой довольно широкий диапазон политических воззрений. На крайних полюсах ее находятся такие социологи, как, например, Райт Миллс, выступавший в последние годы своей жизни страстным защитником кубинской революции и критиком американской правящей элиты, и У. Росту — один из авторов пресловутой теории единого индустриального общества. Неверно было бы не видеть серьезных теоретических и идеологических различий между этими социологами, выносить их за общую скобку буржуазных теоретиков. В условиях растущего влияния социалистической системы на развитие мировой истории заметно возросли возможности перехода все большего числа прогрессивных мыслителей на позиции марксистско-ленинской идеологии. Поэтому в полемике с буржуазными социологами недостаточно указывать на объективную роль тех или иных взглядов — необходимо уяснить и субъективные намерения того или иного автора, показывая, каким образом возникают противоречия между добрыми намерениями и реальными результатами.

Марксистская социология в наши дни развивается с учетом охарактеризованных выше обстоятельств.

Дискуссия о предмете марксистской социологии и ее некоторые итоги

Вопрос о предмете марксистской социологии не сходит со страниц философских журналов, социологических сборников и монографий уже добрый десяток лет¹.

Чтобы понять существо спора, обратимся к прениям сторон и приведем высказывания представителей полемизирующих точек зрения.

Еще в 1955 г. в журнале «Вопросы философии» появилась статья академика В. С. Немчинова под названием «Социология и статистика». Статья эта представляет интерес хотя бы потому, что в ней предпринималась одна из первых — после сравнительно долгого времени — попыток определить предмет социологии. Автор начинает с рассмотрения вопроса об общих и специфических законах социологии. «Законы, общие для всех исторических формаций, — пишет он, — называются социологическими законами. Социология как отрасль философских наук изучает эти законы. Исторический материализм и есть марксистская социология. Социология кроме общих законов изучает также специфические законы и закономерности социальной жизни, как, например, закономерности взаимоотношений различных форм сознания, закономерности формирования наций и развития националь-

¹ Вот основные авторы, участвовавшие в дискуссии только на страницах журнала «Вопросы философии»: 1955 г. — В. С. Немчинов; 1957 г. — Ю. Кучинский; 1958 г. — Э. А. Араб-оглы, А. И. Вербин, В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон, В. В. Колбановский; 1959 г. — И. С. Нарский; 1960 г. — Г. Е. Глезерман; 1961 г. — М. Н. Руткевич и Л. Н. Коган; 1962 г. — М. Т. Иовчук и Г. В. Осипов, Ф. В. Константинов, П. П. Маслов; 1963 г. — О. О. Яхот, В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон, Д. И. Чесноков; 1964 г. — Г. М. Андреева, Ю. А. Левада, Л. Н. Суворов; 1965 г. — Д. М. Гвишиани; 1966 г. — М. Б. Митин, В. А. Ядов; 1967 г. — Ю. А. Замошкин, В. Н. Шубкин, Я. Шепаньский; 1968 г. — А. М. Румянцев и Г. В. Осипов, Н. Д. Наумова, Е. В. Осипова.

ных движений, закономерности развития классовых отношений, в частности отношений между рабочим классом и крестьянством, закономерности развития культуры»¹.

Иной взгляд на предмет социологии представлен академиком А. М. Румянцевым и профессором Г. В. Осиповым. Характеризуя предмет и структуру социологического знания, они пишут: «Социология изучает общество как целостную, организованную систему социальных отношений, институтов, общественных групп, взаимодействующих друг с другом, то есть социальную структуру общества... Специфика и отличие социологии от других общественных наук (политической экономии, права и др.) состоит в том, что она изучает социальные системы и социальные явления с точки зрения их воздействия на развитие социальных отношений между людьми, на формирование человека, его сознание и поведение...»². Авторы выделяют четыре уровня в системе социологического знания, которые в совокупности своей дают целостную картину социального мира:

«— общая социологическая теория, то есть исторический материализм, исследует наиболее общие законы становления, развития и смены общественно-экономических формаций, то есть наиболее общие законы общества;

— теория социальной структуры общества. На этом уровне исследуются законы взаимодействия и функционирования различных социальных систем и организмов в рамках данной социальной структуры;

— теория различных социальных систем занимается специфическими закономерностями функционирования отдельных сторон и явлений социальной жизни (социология семьи, социология труда, социология города, социология деревни и т. д.);

— эмпирический уровень — исследования социальных фактов и их научная систематизация»³.

¹ В. С. Немчинов. Избранные произведения в шести томах, т. 1. М., 1967, стр. 374.

² «Вопросы философии», 1968, № 6, стр. 5.

³ Там же, стр. 7.

Сравнивая приведенные выше определения социологии, следует отметить более разносторонний и глубокий подход к проблеме со стороны представителей второй точки зрения.

Нетрудно заметить, что в основе полемики об определении предмета социологии лежит вопрос о соотношении философского и социологического знания. Первая точка зрения обнаруживает тенденцию к тому, чтобы включить всякое социологическое знание в философию. Взгляды ее сторонников могут быть резюмированы в следующих основных положениях:

1) социология представляет собой философскую дисциплину;

2) по своему содержанию она совпадает с историческим материализмом;

3) предметом социологии являются как общие законы развития человеческой истории, так и специфические законы функционирования и развития общественно-экономических формаций;

4) социология — исторический материализм — изучает общественную жизнь на разных уровнях. На всех этих уровнях она имеет дело с законами, закономерностями и их взаимодействием (например, взаимодействие различных форм общественного сознания, закономерности развития культуры, закономерности развития классовых отношений, национальных движений и т. д.);

5) социология — исторический материализм — определяется также в качестве экспериментальной, эмпирической науки.

Сторонники этой точки зрения избегают употребления термина «социологические исследования», считая понятие «социальные исследования» вполне достаточным.

На первый взгляд может показаться, что первая точка зрения усиливает позиции философии за счет расширения ее предмета. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что эти позиции серьезно подрываются, поскольку теряется специфика самого философского знания. Диалектико-материалистическая философия и исторический материализм как ее логическое продолжение и составной элемент

оперируют понятиями и законами гораздо более высокой степени абстракции, нежели социология. Именно благодаря этой особенности философия оказывается вдохновительницей многих новых идей. Но зачастую, возникнув в рамках философского мышления, та или иная идея получает самостоятельное развитие, обрастает своими следствиями, практическими приложениями, способами и средствами распространения и воспроизводства в сознании нового поколения теоретиков и мыслителей.

На протяжении всей истории развития философской мысли наблюдался процесс отпочкования от нее различных отраслей конкретного знания: эстетики, психологии, логики и др. Вначале все эти отрасли как бы включались в предмет философского знания, но со временем, по мере практических потребностей, оказывалось необходимым, чтобы определенные теоретические тенденции, возникшие в рамках философии, получали гораздо большее развитие и превращались в самостоятельные отрасли знания.

Сторонники второй точки зрения на предмет социологии считают, что философская наука и сейчас переживает процесс отпочкования от нее социологии. В ходе этого процесса социология становится самостоятельной областью знания, характеризующейся своим объектом исследования, своей системой понятий, своими законами, и эти законы не могут быть просто выведены из философского знания.

Возникая на основе отпочкования от философии, марксистская социология не разрывает, разумеется, связей с нею. Философия в целом и общая социологическая теория — исторический материализм — выполняют по отношению к другим уровням социологического знания определенные методологические функции, формируя определенный стиль мышления социолога, разрабатывая его концептуальный аппарат, вырабатывая определенные критерии при определении направлений конкретных социологических исследований.

В дискуссии о предмете социологии необходимо

обратить внимание на одно обстоятельство, которое зачастую остается незамеченным и которое наиболее ярко, пожалуй, характеризует слабость именно философских позиций сторонников первой точки зрения. Дискуссия доводится до сакраментальной формулы: «Наука изучает законы». Но ведь именно здесь и начинается существо дела. Всякий согласится, что наука изучает законы, но каким образом она это делает, какими средствами, с помощью каких процедур? И в чем именно состоит изучение законов? Зачастую под формулой: «Наука изучает законы» — имеется в виду, что наука — дисциплина, учебный предмет — излагает законы. Дело, по-видимому, в настоящий момент не в том, чтобы произносить магическую формулу заклинания — «Наука изучает законы», а в том, чтобы разработать реальную процедуру получения новых знаний об обществе и разобрать по существу те трудности, с которыми сталкивается исследователь на пути к этим новым знаниям.

Открытие нового закона — дело не столь уже частое в науке вообще и в общественной науке в особенности. Иногда исследователь занимается и сбором фактов, обработкой их, размышлениями по поводу той или иной точки зрения, и вряд ли многие могут похвалиться тем, что им удалось сформулировать определенную исследовательскую проблему, поставить задачу, которая в какой-то мере будет определять дальнейшее движение теоретической мысли.

Помимо приведенных выше крайних точек зрения существуют еще промежуточные позиции, которые пытаются найти компромиссное решение вопроса.

Так, в статье М. Т. Иовчука «Марксистско-ленинская социология в СССР и исследования проблем развития духовной жизни социалистического общества» имеется четко выраженная компромиссная линия: «...марксистская социология есть наука об общих закономерностях развития общества, его структуре и взаимосвязях общественных отношений людей, которые проявляются в конкретных социальных процессах и ситуациях. Социология в

системе марксизма-ленинизма, на наш взгляд, представляет собой единство общей научно-социологической теории марксизма, марксистского научного метода социального познания (в качестве которого выступает исторический материализм — составная часть марксистско-ленинской философии) и конкретных (прикладных) отраслей научного социологического знания. Последние («социология труда», «социология семьи», «социология образования и культуры», социальная психология и т. д.), не являясь непосредственно философскими науками, вместе с тем являются науками социологическими, поскольку они комплексно... исследуют взаимосвязанные процессы экономической, социальной, политической, духовной и т. п. жизни...»¹.

Каков же результат полемики по поводу предмета марксистской социологии? Прежде всего отметим, что неверно было бы полагать, что дискуссия эта носит чисто схоластический характер. За различиями в точках зрения по поводу предмета социологии скрывается масса вопросов, связанных с той функцией социологии или теми надеждами на нее, оправдывая которые она должна выступить в качестве определенного средства управления социальными процессами.

Отметим здесь в порядке перечисления те моменты, которые возникли в ходе дискуссии и оказались весьма существенными для понимания содержания и задач социологического знания.

Прежде всего была сформулирована и получила всеобщее признание мысль, что недостаточно определить социологию только как науку о законах общественного *развития*. Социология представляет собой науку о закономерностях *функционирования* и *развития* общественно-экономических формаций во всяком случае, а многие придерживаются и той точки зрения, что социология — это наука о закономерностях функционирования и развития социальных систем вообще. Термин «функционирование», как будто мало значащий, на самом деле обладает довольно большой смысловой нагрузкой. Он ориен-

¹ «Философские науки», 1967, № 4, стр. 22

тирует на гораздо более конкретное понимание того, каков механизм воспроизводства тех или других социальных явлений, указывает, что социальные явления не только развиваются, но и функционируют, воспроизводят самих себя, выполняют определенные функции в данном целостном социальном организме.

Рассмотрение проблем функционирования социальной системы требует более пристального внимания к вопросам структуры данной системы, ибо функционирование последней может быть понято лишь как взаимодействие структурных компонентов целого. Отсюда совершенно справедливым представляется вывод о включении *социальной структуры* того или иного общества в предмет социологии. Поскольку марксистская социология обращена к настоящему, то одна из основных ее задач состоит в рассмотрении структуры социалистического общества. Это означает, что необходимо рассматривать не только общество в целом, но и выделять в нем конкретные социальные слои и группы, выяснять их особенности, а также характер и способы их взаимодействия.

Трудность здесь состоит в том, что социалистическое общество представляет собой общество переходное, оно лишь фаза, этап в развитии коммунистической общественно-экономической формации. Следовательно, механизмы дифференциации социальных групп в нем не могут быть постоянными, они как бы смещаются по мере развития самого общества. Нельзя же в самом деле предполагать, что бесклассовое общество возникает без всяких промежуточных изменений в структуре классового общества. Само деление общества на классы основывается на отношениях собственности на орудия и средства производства. Этот важный механизм социальной дифференциации сохраняет свое значение и в настоящее время, но наряду с ним и во взаимодействии с ним в социалистическом обществе выдвигаются иные критерии и механизмы дифференциации. К числу последних следует прежде всего отнести характер и содержание трудовой деятельности, образование, участие в осуществлении

политической власти в обществе, отношение к ценностям духовной культуры.

Разумеется, все эти критерии дифференциации неравнозначны. Одна из задач социологии состоит в том, чтобы выяснить характер соподчиненности этих критериев у различных социальных групп. Во всяком случае материалы ряда исследований, проведенных как в нашей стране, так и в других социалистических странах, дают основание полагать, что на определенном этапе развития социалистического общества характер и содержание труда оказывают решающее дифференцирующее воздействие в пределах данного общества.

В связи с проблемами дифференциации и социальной структуры в качестве одного из центральных понятий социологии выдвигается *понятие социальной группы*. «Социолог изучает всю совокупность социальных отношений, определяющих поведение социальных групп, не только производственные, но и другие общественные отношения и связи, не только классы, но и группы, не только объективные, но и субъективные явления и процессы»¹. Понятие социальной группы оказывается весьма плодотворным в методологическом отношении именно в силу усложнения и переплетения критериев социальной дифференциации. Социальные группы могут образовываться как на базе «стирания» классовых различий, так и на основе внутриклассовой дифференциации. Общность социального положения и общность интересов — два признака сформировавшейся социальной группы.

Изучение социальных групп и их взаимодействия с необходимостью включает в себя изучение потребностей, интересов, целей этих групп. Одна из наиболее существенных и важных задач социологии — исследование интересов различных социальных слоев и групп в их взаимодействии. Отсюда внимание социологии к теоретическому анализу категории интереса. Понятие интереса соприкасается с понятием социального положения, с одной

¹ «Количественные методы в социологии» М., 1966, стр. 6.

стороны, и с понятием мотива деятельности — с другой. Интерес — это стремление чего-то достичь, общность интересов социальной группы обуславливается общностью ее социального положения, порождаемыми этим положением общими моментами в восприятии сложившегося образа жизни, общими намерениями, установками, целями. В интересе социальной группы содержатся, следовательно, и объективные элементы (социальное положение, образ жизни) и субъективные элементы (образ мышления, мотивы). Детальное изучение интересов социальных групп предполагает выделение таких моментов, как образ жизни, образ мышления и образ действия исследуемой группы.

Образ жизни в свою очередь складывается из ряда параметров. Наиболее важными характеристиками социального положения группы должны быть: характер и содержание трудовой деятельности, жизненный уровень, определенный способ распределения рабочего и вне рабочего времени, уровень образования и отношение к духовным ценностям. Образ жизни представляет собой устойчивый способ воспроизведения данных социальных потребностей, он предполагает как определенный уровень развития этих потребностей у интересующей нас социальной группы, так и определенные способы их удовлетворения.

Что касается образа мышления, то он представляет собой более или менее устойчивую совокупность стандартов в восприятии социальной действительности, стереотипов, ценностных ориентаций и целевых установок действия и способов осмысления (рационализации) деятельности.

Социальная структура для социолога-марксиста далеко не единственная и не исчерпывающая характеристика общества. Социальная структура в каждый данный момент находится в определенном состоянии. Это последнее может быть понято как специфическая социальная ситуация. Анализ социальной ситуации столь же необходимый элемент предмета марксистской социологии, как и анализ социальной структуры.

На это обстоятельство впервые обратили внима-

ние Г. В. Осипов, В. В. Колбановский, Ю. Н. Козырев и М. С. Айвазян. В их статье воспроизводятся соответствующие положения В. И. Ленина и Ф. Энгельса по поводу особенностей исторической ситуации и подводится определенный итог марксистской точки зрения по этому вопросу:

«Во-первых, при изучении конкретной ситуации необходимо учитывать всю совокупность действующих в ней сил, а не какую-либо одну из них, брать явление как сложное, многостороннее, испытывающее множество воздействий и влияний.

Во-вторых, необходимо тщательно учитывать «особые жизненные обстоятельства», определяющие сознание, волю и поведение людей, которые хотят того, к чему влекут их физическая конституция и внешние, в конечном счете экономические, обстоятельства (или свои собственные, личные или общесоциальные)...

В-третьих, постоянно должна учитываться и изучаться общая воля, действующая у нас по единому общему плану и представляющая могучий рычаг коммунистического преобразования социальной действительности, т. е. политическое и идейное единство общества»¹.

Еще два важных обстоятельства должны быть отмечены в качестве итогов дискуссии о предмете социологии.

Еще в 1959 г. И. С. Нарский высказал мысль, что помимо общесоциологических теорий, которые характеризуют структуру исторического материализма, правомерно допустить и признать необходимость развития и существования частных, или специальных, социологических теорий: «...как в диалектический материализм не входит изучение законов развития отдельных форм движения материи... так и в исторический материализм не входит изучение законов различных частных проявлений общественной формы движения материи, которые непосредственно не выражают взаимодействия общественного бытия и производного от него обществен-

¹ «Философские науки», 1962, № 5, стр. 26.

ного сознания. Изучение их является предметом различных частных социологических дисциплин».

Положение Ленина о том, что исторический материализм и есть научная социология, продолжает И. С. Нарский «следует понимать в том смысле, что исторический материализм представляет собой философско-методологическую основу социологических дисциплин»¹.

Предметом такого рода частных теорий могут быть специфические отношения, пронизывающие собой различные сферы человеческой деятельности. В качестве примера специальных социологических теорий могут быть названы: теоретическая модель социальной обусловленности сознания; теория фетишизма и символики социального в сознании; теория идеологии; теория науки и свободного духовного производства как особых форм деятельности сознания; теория сознания как орудия личностного развития человека и его ответственности в сфере культуры и исторического действия².

Наконец, последний момент — это мысль о признании права на существование отраслевых социологий, т. е. помимо общей социологии, общей социологической теории предполагается существование по крайней мере таких областей социологического знания, как социология труда, социология массовых коммуникаций, социология образования, социология культуры, социология семьи.

Здесь предметом исследования выступают не отношения, характерные для любой социальной деятельности, а определенные ее виды. Вместе с тем во всех этих областях имеется одна особенность, объединяющая их. Она заключается в том, что центральной проблемой социологических исследований, в каких бы областях они ни осуществлялись, остается проблема взаимоотношения общества и личности. Переплетение и сложное взаимодействие общественных и личных интересов ока-

¹ «Вопросы философии», 1959, № 4, стр. 127.

² См. М. К. Мамардашвили. Анализ сознания в работах Маркса. — «Вопросы философии», 1968, № 6, стр. 16—17.

зываются постоянно в центре внимания социолога. Общественный интерес выступает для социолога не в виде некоего общего понятия, а в конкретной форме интересов тех или иных общественных институтов, организмов, социальных систем. С этой точки зрения структура социологии может быть представлена схемой, изображенной на рисунке 1 (см. стр. 26).

Предложенная схема конкретизирует положение Маркса о том, что человек есть совокупность общественных отношений. Само общество — результат взаимодействия трех главных систем: экономики, политики, духовной жизни общества. Социология выясняет, каким образом человек участвует во всех сферах общественной жизни. Нелепо (а это иногда делается) понимать человека только как продукт экономических отношений. Не только экономика формирует личность. Конечно, экономика играет решающую роль в объяснении истории человеческого общества в целом, в смене общественно-исторических формаций и т. п., но она одна не может объяснить формирование личности.

Кроме того, рассматривая связи человека с обществом, нельзя говорить о личности вообще и обществе вообще. Каждый человек принадлежит к определенной социальной общности (народность, нация, деревня, город и др.). Все это разные параметры, определяющие структуру общения между людьми. Например, город отличается от деревни именно структурой общения — разнообразием средств воздействия на человека, стимулов деятельности, большими возможностями для развития и утверждения личности. Поэтому он столь притягателен для молодежи.

Социологи учитывают и другой элемент — процесс становления личности, или, выражаясь специальным языком, процесс социализации индивида. Превращение ребенка во взрослого происходит через посредство двух социальных институтов: семьи и системы общественного воспитания (под социальным институтом не нужно подразумевать какое-то учреждение — это может быть даже улица, влияющая на воспитание человека).

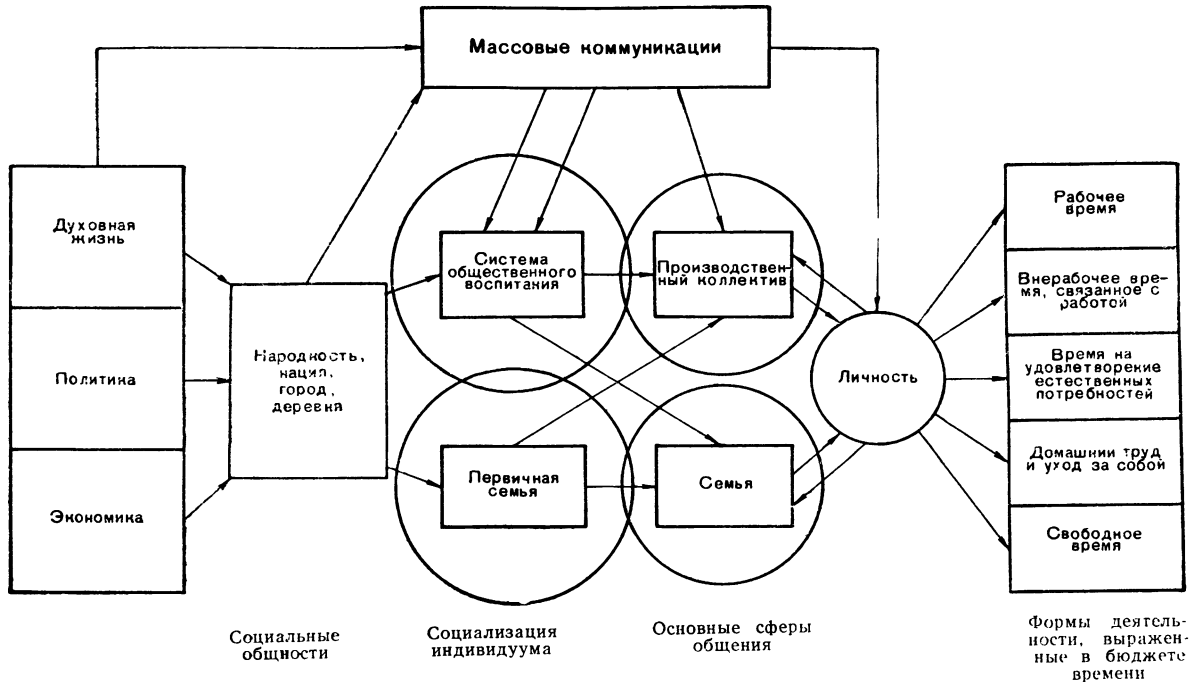

Рис. 1. Схема дифференциации основных направлений социологических исследований

Что же делает ребенка личностью? Человек в процессе своего становления — социализации — усваивает, во-первых, средства общения между людьми, например учится говорить. Кроме того, у него вырабатываются навыки деятельности — от умения держать ложку до овладения профессией. Затем он усваивает нормы поведения, овладевает определенной совокупностью знаний. И наконец, усваивает принятую в его социальной общности (или, если брать шире, в данном обществе) систему ценностей (упрощенно говоря, критерии, отличающие хорошее от плохого).

Но вот человек стал взрослым. На этом его связи с обществом не обрываются. Взрослый человек участвует по меньшей мере в двух системах отношений: в производстве (производственный первичный коллектив) и семье (семейное положение). Эти системы продолжают воздействовать на уже сформировавшуюся личность.

Вот как раскрывается в первом приближении «простая» фраза Маркса о том, что человек есть совокупность общественных отношений. Через взаимодействие общества и личности любая социальная система воспроизводит самое себя. Социология как раз и изучает различные механизмы системы этого взаимодействия. Социология труда берет одну совокупность, входящую в данную систему, социология города — другую ее сторону, социология семьи — третью и т. д. Таким образом, различные направления социологии рассматривают разные подсистемы взаимосвязей человека и общества.

3

Функции социологии. Социальная проблема как объект исследования

При всем внимании, которое в дискуссии было уделено вопросу о предмете социологии, очень немногое было сказано о функциях социологии отно-

сительно общества — как социалистического, так и капиталистического — и о соответствующих видах деятельности, без которых немислимо социологическое исследование. Участники дискуссии в подавляющем большинстве молчаливо исходили из того предположения, что социология имеет лишь одну функцию — теоретическую, объясняющую. Социальная, или классовая, роль социологии при этом понимается как следствие ее теоретической функции. Она либо помогает людям понять действительность и преобразовать ее, либо извращает реальную картину общественных отношений, оставляя массы трудящихся в плену действительности. Отнюдь не ставя под сомнение этот рационалистический взгляд на функции социологии, следует дополнить его более детальным анализом, имея в виду, что рассмотрение функций социологии прольет дополнительный свет и на вопрос о ее предмете. Вообще предмет теории в значительной степени определяется содержанием самой теоретической деятельности, т. е. в данном случае функциями социологического знания. Рассмотрим по порядку четыре основные функции социологии — теоретическую, идеологическую, критическую и инструментальную, оговорив, что эти функции выделяются нами не в целях противопоставления их друг другу, а для того, чтобы полнее осветить роль социологии в обществе. Каждая из функций раскрывает одну из сторон связи социологии и общества. Начнем с теоретической функции.

Теоретическая деятельность, как таковая, предполагает рассмотрение определенных вопросов, проблем, фактов и событий на основе уже сложившегося теоретического знания. Теоретизирование никогда не начинается с пустого места. Социолог прежде всего усваивает определенную, выработанную до него сумму знаний, благодаря чему становится в определенное отношение к сформировавшимся в социологии традициям и направлениям.

В результате знакомства с новой совокупностью фактов или изучения определенной социологической проблемы не создается сразу же новая теоре-

тическая концепция, наоборот, те или иные явления, факты и проблемы рассматриваются с точки зрения уже сформировавшейся теоретической традиции, определенной совокупности взглядов, понятий, определенной научной доктрины.

Главным моментом в теоретической деятельности является объяснение. Объяснение чего-либо и состоит в том, что устанавливается связь между новыми фактами и наблюдениями и сложившимся теоретическим знанием; новые данные включаются в существовавшую до сих пор теоретическую конструкцию или же для них создается новая теоретическая система. Поскольку процесс познания представляет собой переход от сущности одного порядка к сущности другого порядка, постольку можно поставить вопрос о глубине научного объяснения. По-видимому, наиболее полным видом объяснения может быть назван такой вид, который предполагает выявление причинных связей исследуемого процесса или явления. В свою очередь такого рода объяснение предполагает включение в систему всех имеющихся знаний по данному вопросу, всего накопленного к данному моменту знания касательно рассматриваемой области.

Но не эта сторона объяснения нас интересует в данном случае. В процессе объяснения новых фактов и новых проблем возможны четыре следующие ситуации:

1) новые факты могут быть объяснены полностью в рамках уже сложившейся системы понятий;

2) новые факты требуют для своего описания и объяснения введения новых терминов, понятий. При этом возникает вопрос о соотношении этих терминов и понятий с ранее сложившимися, о месте новых терминов в прежней теории;

3) новые факты и проблемы требуют для своего объяснения создания специальной теории, которая перерастает терминологические и смысловые границы прежде сложившейся системы понятий. Здесь возможен частный конфликт старых и новых теоретических представлений. Однако новая теоретическая схема не противоречит исходным принципам прежней системы взглядов;

4) новые проблемы требуют решительного пересмотра исходных принципов прежде существовавшего теоретического знания. Так, Марксом было создано учение о прибавочной стоимости и на этой основе пересмотрены исходные принципы трудовой теории стоимости А. Смита и Д. Рикардо.

Само собой разумеется, что задачи объяснения серьезно модифицируются в связи с особенностями каждой из перечисленных выше ситуаций.

При рассмотрении теоретической функции возникает вопрос об уровне объяснения и интерпретации — оставаться ли в пределах описания социальной действительности и объяснения ее специфическим языком социологии или подниматься на более высокий уровень обобщения, т. е. объяснять действительность в философских категориях развития, борьбы противоположностей, отрицания отрицания, содержания и формы или, более узко, способа производства, производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки и т. д.

Дискуссия о предмете социологии выявила явную неудовлетворенность чисто философским подходом не столько потому, что он оказывается неверным в принципе, сколько в силу проявляющейся здесь тенденции растворить специфические социальные процессы в общих рассуждениях. Здесь неизбежно возникает вопрос о самом способе объяснения или понимания. С одной стороны, понимание может рассматриваться как способ сведения частного к более общему; с другой стороны, понимание есть вычленение специфики и связано прежде всего с аналитическим подходом к действительности. Именно в этом последнем направлении развивались конкретно-социологические исследования — непосредственная задача состояла и состоит в том, чтобы понять специфику социальных процессов на вполне определенном этапе общественного развития и в рамках определенной формы. Причем сам этот этап в его отношении к другим этапам и сама социальная форма в целом остаются на некоторое время вне сферы внимания социологии. Представление о них в сознании социолога существует в качестве общей предпосылки, заимствован-

ной из философско-исторической концепции, но его непосредственное внимание направлено на специфику частных процессов, осуществляющихся в заданных рамках, с тем чтобы, разобравшись в частностях, затем более полно и всесторонне воспроизвести целое.

Интерпретирующая или теоретическая функция социологии тесно связана еще с двумя ее задачами: описанием социальных процессов, воспроизведением картины исследуемых социальных явлений и прогнозированием дальнейшего развития тех же самых процессов. Первая задача может быть названа информационной, вторая — функцией предвидения. Естественно, что достаточно полное описание исследуемых процессов является безусловной предпосылкой их теоретического анализа. Именно на этом этапе исследования необходима объективность, стремление воспроизвести процесс, хотя бы временно отвлекаясь от ценностной точки зрения социолога, от его теоретических предубеждений.

Поскольку описание предполагает не простое перечисление собранных фактов, а определенное их упорядочение хотя бы на основе простейшей классификации и систематизации, то оказывается, что теория уже включается в процедуру описания исследуемого процесса. Поэтому описательная, информационная задача социологии не является отдельной, самостоятельной функцией, она есть сторона теоретической ее функции. Описание, анализ, прогноз — таковы основные компоненты теоретической функции. Как уже отмечалось, анализ состоит в выявлении специфики исследуемого процесса и вместе с тем в выявлении связей данного процесса с более широким кругом действующих закономерностей, в обнаружении внутренних тенденций развития процесса. Отчасти это делается и на уровне описания, но это касается лишь каких-то иллюстративных моментов в обнаружении тенденций развития и в выявлении заданных в программе исследования специфических его особенностей. Однако описание, если оно выполнено достаточно добросовестно, содержит в себе гораздо больше воз-

возможностей для интерпретации и объяснения, нежели задавалось в программе исследования. Как правило, анализ показывает массу новых сторон, касающихся специфических особенностей исследуемого процесса и его внутренних тенденций.

Дальнейший шаг теоретического анализа — прогноз. Это результирующий момент социологического исследования, который может быть проверен в пределах обозримого будущего — таким образом окажется выявленной теоретическая и практическая ценность всей предшествующей работы. В случае, если прогноз не реализуется при соблюдении его наиболее необходимых условий, теоретическая концепция, в рамках которой происходила интерпретация исследуемых явлений и процессов, подвергается сомнению, проверке подлежат как программа исследования, так и все его этапы, включая достоверность описания и обоснованность теоретического анализа. Здесь кроются возможности пересмотра прежней концепции и развития теоретического знания.

Остановимся теперь на идеологической функции социологии. Суть ее состоит в постановке задач перед исследованием. Решающим вопросом для понимания этой функции является вопрос об источниках формирования задачи социологического исследования: является ли исходным пунктом постановки задачи сама социологическая теория, как таковая, или же некоторые внешние по отношению к ней обстоятельства. Несомненно, что определенная совокупность задач возникает из потребностей самой теории, ибо последняя всегда оказывается в какой-то степени незавершенной, незаконченной, несогласованной со всей совокупностью накопленного фактического материала. Особое место в этой группе задач принадлежит методическим вопросам исследования и проблемам методологического порядка, связанным со структурой социологического знания и с особенностями его развития. Однако не эта сторона дела оказывается наиболее важной для перспектив развития социологии. Рассмотрение реального процесса накопления социологических знаний обнаруживает иной механизм возникнове-

ния социологических задач: они формируются в сознании социолога в ходе его индивидуального развития, и решающим обстоятельством для выбора проблем исследования оказываются ценностные ориентации самого исследователя, которые и являются непосредственным каналом проникновения идеологии в «чисто научную» процедуру исследования. Вопрос, следовательно, состоит не в том, существует ли идеологическое влияние на социологию, а в том, каково это влияние, каково реальное содержание тех ценностей, во имя которых осуществляется исследование.

Такова одна сторона вопроса, другая же сторона состоит в выполнении определенной идеологической функции самой социологией. Идеальный вариант социологического исследования предусматривает не только прогноз на будущее, но и разработку возможных путей решения стоящих перед обществом социальных проблем, т. е. предусматривает обоснование задач социального действия, что связано уже с идеологией.

Остановимся еще на одном пути взаимодействия социологии и идеологии. Известно, что при теоретическом анализе возникает необходимость обращения к негативному результату исследования, к неосуществившемуся прогнозу. В такой ситуации всегда появляется не только чисто теоретическое отношение, но и ценностное, практическое. Именно в этом пункте взаимодействие ценностной и научной точек зрения оказывается наиболее весомым и значимым. В этом пункте идеологическая функция социологии переплетается с критической функцией, причем критика оказывается направленной как против состояния теоретической мысли, так и против существующего общественного состояния, порождающего и поддерживающего это состояние мысли. Вскрыть земные основы теоретического бесплодия — такова задача социологической критики.

Здесь уместно напомнить одно из определений коммунизма, которое было дано Марксом и Энгельсом в 1846 г. в «Немецкой идеологии»: «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть уста-

новлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние»¹. Вот эта сторона марксистской теории и выражается в критической функции социологии.

Отмеченные выше функции социологии — теоретическая, идеологическая, критическая — связаны с анализом целостной общественно-экономической формации, социальной системы в ее законченной и полной форме. Помимо этого социология может выступать средством исследования отдельных подсистем: социальных проблем экономической, политической и культурной деятельности. Здесь выступает уже не столько теоретическое содержание социологии, сколько ее инструментальное, прикладное значение. Здесь также в качестве результата исследования могут выступать программы действия, однако это частные программы, в большей мере связанные с ориентацией на реформаторское решение проблем. Наконец, еще более прикладной уровень социологии выступает при исследовании первичных общественных коллективов: предприятия, семьи, населенного пункта и т. д. Вместе с тем без анализа этих подсистем целого не возможно его воспроизведение; задачи, таким образом, переплетаются: нет представления о целом без представления о его частях, и наоборот. Отсюда важность структурно-функционального подхода к исследуемым процессам, при котором связь целого и его частей является исходным методологическим требованием исследования.

Теперь, когда мы рассмотрели вопрос о предмете социологии, выяснили структуру социологического знания и определили основные функции социологии, обратимся к рассмотрению того, что такое социологическое исследование, т. е. постараемся бросить хотя бы беглый взгляд на работу социолога.

Социологическое исследование можно было бы определить как всестороннее и целостное изу-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 34.

чение той или иной социальной проблемы, опирающееся на специально разработанную применительно к этой проблеме методику и технику сбора и обработки первичного материала.

В этом определении имеется ряд существенных моментов, на которых следует остановиться.

Прежде всего здесь формулируется мысль о том, что объектом социологического исследования является социальная проблема и что социологическое исследование предполагает всестороннее и целостное рассмотрение этой проблемы.

Что значит всестороннее и целостное рассмотрение проблемы? Это значит, что к рассмотрению той или иной проблемы, того или другого социального процесса следует подходить не только с позиций отдельной области общественного знания, скажем политической экономии, социальной психологии, правовых наук и т. д., а видеть в них переплетение различных сфер деятельности, т. е. видеть проблему или процесс комплексно.

Следовательно, одной из характерных черт всякого социологического исследования является комплексный подход к рассмотрению той или иной социальной проблемы. Для анализа социальной проблемы необходим не только философский, не только экономический, не только правовой, а и философский, и экономический, и правовой, и социально-психологический аспекты.

Именно в этой разносторонности заключается сложность социологического исследования. Оно требует, как правило, объединения сил представителей самых различных областей знания или компетенции одного лица в разных областях знания.

Поэтому неверно, точнее, недостаточно было бы считать, что социологическое исследование есть применение положений исторического материализма к изучению общественных процессов. Подобная формулировка минует целый ряд конкретных социальных дисциплин, которые также выполняют определенные методологические функции относительно социологического исследования.

В связи с анализом определения социологического исследования необходимо более подробно

остановиться на понятии социальной проблемы, которая выступает в качестве его объекта.

Понятие социальной проблемы употребляется в двух смыслах: гносеологическом и социологическом. Решение социальной проблемы в гносеологическом смысле состоит в том, чтобы достичь определенного и каждый раз нарушаемого соответствия между теорией и совокупностью обобщаемых ею фактов. Решение же проблемы в социологическом смысле предстает как некоторая задача социального действия, связанная со специфическими для данной социальной системы процессами: конфликт или гармония интересов, неудовлетворенность или удовлетворенность ее участников, соблюдение или несоблюдение нормативов поведения и т. д. Нас будет интересовать социальная проблема в последнем смысле — как задача социального действия.

Два обстоятельства характеризуют социальную проблему, понимаемую в этом смысле. Во-первых, она выступает как стремление что-то изменить в сложившемся положении дел. Причем эта задача может лишь смутно ощущаться, а может быть и вполне отчетливо сформулирована, ибо степень осознания проблемы — другой вопрос. Важно отметить, что социальная проблема на первых порах выступает как феномен общественного или группового сознания, как явление социальной психологии. Но за всяким даже смутным и неосознанным стремлением что-то изменить стоят определенные структурные отношения и сдвиги, характеризующие изменения в положении тех или иных групп в обществе. Эта сторона проблемы связана с объективными процессами общественного развития, с формированием и удовлетворением реальных потребностей социальных групп и с отношениями и интересами, складывающимися между ними по поводу этих потребностей. Взаимосвязь объективной и субъективной сторон в социальной проблеме может выступать по-разному, в зависимости от характера самой проблемы и той системы общественных отношений, в которой она складывается. Нам важно сейчас лишь констатировать наличие обеих сторон или аспектов социальной проблемы и указать на

возможность неадекватного воспроизведения социальной проблемы в сознании, т. е. ложной постановки задачи действия.

Во-вторых, практическая задача действия может иметь и имеет в действительности определенное многообразие вариантов решения, причем каждый из вариантов влечет за собой свои собственные последствия. Чем сложнее социальная система, в которой возникает проблема, тем большее многообразие путей ее решения. Сформулированный здесь постулат опирается на соображение о сложности социальных систем и о значении свободного выбора в социальном действии. Принятие противоположной точки зрения совпадало бы с фаталистической концепцией социального процесса и фактически означало бы бессмысленность рассмотрения каких бы то ни было проблем. Если нет вариабельности решения или если при любых решениях проблемы результаты окажутся теми же самыми, то всякий научный анализ социального действия теряет смысл.

Наличие альтернатив в решении социальных проблем означает необходимость их всестороннего анализа, учета наиболее вероятных последствий каждого из решений и следствий. Вместе с тем сама вариабельность решений социальной проблемы задается социальной системой. Поэтому социологический анализ должен рассматривать социальную проблему не в абстрактном виде, а в связи с основными параметрами социальной системы.

Важно отметить, что именно это многообразие возможных решений социальных проблем оказывается реальным основанием, предпосылкой существования социологического анализа. И направление исследования по крайней мере в его классических вариантах идет не от системы к проблемам, а, наоборот, от анализа социальных проблем к выяснению степени жесткости системы.

Как известно, Маркс начинает свой критический анализ с изучения парламентских дебатов, в которых отражается социальная проблематика Германии его времени, — закон о краже дров, цензурные комитеты и ограничения, еврейский вопрос,

положение мозельских крестьян — вот исходная проблематика, с анализа которой начинаются первые подходы к рассмотрению системы в целом. Дальнейшие этапы на этом пути — вычленение классовой структуры общества, выделение основных динамических категорий — потребностей, интересов и идей, господствующих в данной системе, и переход к ее экономическим основаниям, к анализу производственных отношений, которые и оказываются наиболее важными параметрами социальной системы, определяющими степень ее жесткости. Главный вывод, к которому приходит Маркс, состоит в том, что в пределах заданной системы невозможно решение тех социальных проблем, с которых началось исследование. Наоборот, эти проблемы вновь и вновь воспроизводятся на базе данных производственных отношений. Решающим этапом в разрешении проблем должна явиться социальная революция, коренное преобразование системы, осуществляющееся как результат ее собственного развития.

Тот же методологический подход мы наблюдаем и у В. И. Ленина. Вначале анализ вполне реальных социальных проблем, связанных с изменением положения масс в условиях развивающегося капиталистического хозяйства, затем переход к воспроизведению системы в целом («Развитие капитализма в России»).

По-видимому, воспроизведение системы на основании анализа порождаемых ею проблем является общим методологическим принципом системного подхода, обратный же путь — путь конструирования проблем на основании заданной схемы — представляется ненаучным, не соответствующим марксистской социологической традиции.

Самое общее определение социальной проблемы состоит в том, что она есть некоторая неудовлетворенная общественная потребность, выступающая по-разному на разных уровнях социальной структуры. Поэтому для анализа социальной проблемы важно наметить классификацию потребностей. С точки зрения социолога их можно разделить на: 1) элементарные потребности, 2) потребности со-

циализации и 3) потребности в творческой деятельности.

Существует некоторая совокупность элементарных человеческих потребностей, удовлетворение которых представляет собой первичное условие нормальной жизнедеятельности человеческого организма: потребность в пище, жилище, одежде. В современном капиталистическом обществе значительная часть проблем связана с тем, что даже эти потребности далеко не удовлетворяются большинством населения. Эти потребности могут быть названы элементарными, поскольку они наиболее непосредственным образом связаны с биологическими функциями организма. Вместе с тем эти потребности вряд ли могут быть охарактеризованы как биологические. Дело в том, что и возникновение этих потребностей, и способы их удовлетворения носят социальный характер. Потребность в горстке риса и потребность в деликатесах французской кухни — потребности в пище, но все же это совершенно различные потребности. Жилищная проблема имеет совершенно различное содержание в сельской местности и в условиях большого города. Социальный аспект проблем, связанных с удовлетворением потребностей этого типа, состоит в том, что для каждой социальной группы имеются собственные стандарты удовлетворения их. И вопрос, следовательно, заключается зачастую вовсе не в удовлетворении потребности, как таковой, — в соответствии с биологической нормой, а в удовлетворении ее согласно принятому стандарту. Но сами стандарты, обычаи, нормы потребления меняются от группы к группе, и реальная проблема состоит в соотношении этих стандартов между собой в рамках той или иной социальной системы.

Вторая группа потребностей, примыкающая к первой по способу своего удовлетворения, — это потребности, связанные с процессом социализации индивидуума в условиях современного общества: потребности в образовании, транспортных средствах, средствах коммуникации и т. д. Эти потребности связаны не с биологической стороной человеческого организма, но они оказываются не менее

необходимыми для нормальной жизнедеятельности индивидуума. И первые (элементарные) и вторая группа потребностей связаны с усвоением индивидуумом определенной суммы материальных благ или духовных ценностей.

Более сложный характер носят потребности, характеризующие творческую природу человека. Состояние удовлетворенности выступает здесь как переживание определенного достижения, неудовлетворенность выступает как переживание неуспеха, неудачи. Если по отношению к потребностям первых двух типов и к их удовлетворению можно выдвигать требование равенства, то по отношению к потребностям этого типа такое требование меняет свой смысл. Можно лишь сказать, что удовлетворение потребностей первого и второго типов представляет собой определенную предпосылку для выравнивания условий удовлетворения потребностей третьего типа — потребностей творческой деятельности.

Рассматривая далее состояние удовлетворения, связанное с этими последними потребностями, следует отметить, что одним из наиболее существенных его источников оказывается оценка (положительная или отрицательная), высказанная каким-либо образом социальной группой, к которой стремится принадлежать индивидуум (референтная группа).

Какого рода социальные проблемы могут возникать, например, в связи с неудовлетворением творческих потребностей индивидуума или определенных социальных групп? Прежде всего здесь следует назвать проблемы, порождаемые отсутствием идеалов, целей и задач. Особенно резко ощущается это состояние поколениями, вступающими в жизнь в обществе, которое не способно поставить достойной человека цели. Именно на этой основе возникает на Западе проблема так называемого потерянного поколения. Обстановка духовного кризиса и идейного разброда оказывается весьма благоприятной почвой для выдвижения всякого рода авантюристических и реакционных программ, как бы заполняющих духовный вакуум. Ситуация это-

го типа была использована фашистской пропагандой в Германии в 20—30-е годы.

Проблемы несколько иного типа возникают при условии систематического неуспеха при выполнении поставленной задачи. Этот неуспех может быть вызван неверной постановкой задачи действия, когда задача формулируется без учета реальных возможностей ее реализации, без анализа имеющихся средств для достижения поставленной цели.

Третья группа проблем, связанных с тем же кругом потребностей, возникает в связи с отказом в признании успеха, при изменении стандартов оценки, при переоценке ценностей. Наиболее благоприятная почва для возникновения социальных проблем этого типа — упоминавшееся уже обнаружение незапрограммированного результата социального действия.

При рассмотрении проблем подобного типа представляется, что все они оказываются не выходящими за рамки общественного сознания: они возникают при взаимодействии идеологии — системы постановки задач и целей, морали — системы поощрений и санкций и социальной психологии — системы переживания достижений и неудач. Однако нетрудно заметить, что за этой внешней стороной дела скрываются, как правило, более существенные основания, связанные со сдвигами в социальной структуре общества, с достижением определенных задач и возникновением новых, с привязанностью определенных групп к методам действия, пригодным для решения старых задач и неумением их применять новые методы действия, с изменением взаимоотношений между различными группами и т. д.

При рассмотрении социальной проблемы, как таковой, в виде объекта социологического исследования нужно иметь в виду по крайней мере три уровня ее обнаружения.

Первый уровень — социально-психологический, когда социальная проблема обнаруживает себя в психологии, сознании отдельных групп и индивидуумов.

Второй уровень — институциональный. В этом

случае проблема затрагивает интересы не только отдельных людей и более или менее крупных масс населения, но и определенные системы учреждений и взаимоотношения между ними.

Наконец, третий уровень можно было бы назвать уровнем социетальным, т. е. касающимся всего данного общества, а не какой-то группы людей или совокупности институтов данного общества.

Социолог при рассмотрении той или иной социальной проблемы должен уметь расчленять различные уровни ее обнаружения. Очень часто ошибка различного рода теоретиков в этой области состоит в том, что проблемы, рассматриваемые правильно на одном уровне, автоматически переносятся на второй или третий уровень.

Глава II

Процедура исследования.

Составление программы

и плана

1

Этапы социологического исследования.

Понятие процедуры

В предыдущей главе мы рассмотрели, как возникает проблема исследования, иными словами, как возникает вопрос, поиск ответа на который составляет существо исследовательской деятельности. Следует еще раз подчеркнуть, что исследовательская работа заключается по существу своему не столько в развитии общих истин и тем более не в иллюстрации общеизвестных положений, сколько в постановке вопросов и поиске ответа на них. Вопрос или проблема будут носить научный характер в том случае, когда они ставятся и формулируются с учетом достигнутого уровня знания. Если не ограничивать постановку задач исследования этим требованием, то можно прийти к бесполезной растрате сил. В общественной науке, так же как и в технике, существует опасность изобретения велосипеда. Поэтому, когда вопрос сформулирован, следует выяснить, нет ли уже на него готового ответа. Важность научной постановки вопроса или задачи исследования обуславливается тем, что здесь задается определенное направление дальнейшему развитию знания.

Рассмотрение процедуры исследования, однако, раскрывает нам не столько способ постановки вопроса, сколько определенные, сложившиеся в практике исследовательской деятельности правила,

связанные с поиском ответа на поставленные вопросы. Исследовательская процедура может быть представлена в виде определенной последовательности действий исследовательского коллектива, которую необходимо соблюдать, чтобы с наибольшей эффективностью добиться ответа на поставленную проблему.

В любом исследовании выделяются следующие пять этапов процедуры:

1. Составление программы или проекта исследования.

2. Определение объектов и единиц наблюдения, т. е. выборка.

3. Разработка средств сбора материала — методики исследования.

4. Сбор материала.

5. Анализ материала и его обобщение.

Каждый из выделенных здесь этапов представляет собой в свою очередь довольно сложный ряд действий и может быть осуществлен различными способами и вариантами.

Серьезное исследование не под силу одному человеку. Чтобы осуществить современное социологическое исследование, необходимы усилия хорошо организованного и сплоченного коллектива людей, каждый из членов которого специализируется на каком-либо из этапов исследования, получает специальную социологическую подготовку, социологическую специализацию.

Предваряя последующее изложение каждого из этапов исследования, остановимся лишь на двух наиболее важных обстоятельствах, касающихся всех отмеченных выше этапов.

Прежде всего все эти этапы органически связаны между собой общим замыслом и идеей исследования. Выборка объекта изучения, разработка средств сбора материала, сам процесс сбора материала — все подчинено единой цели и задаче исследования, сформулированным в программе. Руководитель замысла или исследовательского проекта постоянно следит за ходом всей дальнейшей работы, возвращается к своей исходной идее, постоянно уточняя и корректируя ее в ходе работы.

Вместе с уточнением главной идеи проекта по-является необходимость в уточнении методики, выборки, объема собираемого материала. Эта потребность, правда, не всегда может осуществиться, так как методика уже размножена, материал собран, и в силу этих обстоятельств невозможно начать исследование заново. Практический вывод — тщательная предварительная разработка программы, предварительное пробное исследование (пилотаж) на самом ограниченном материале, самыми экономными средствами и только после этого «запуск» проекта в его полном объеме.

Постоянное обдумывание исследовательского замысла, возвращение мысли исследователя к главному кругу идей, гипотез, предположений, сопоставление этих идей с вновь получаемым материалом и составляют существо исследовательского процесса. Главное в этом процессе — движение мысли от общего к частному, от частного к общему, анализ и синтез, расчленение и сопоставление, обзор фактов, их критическое рассмотрение, теоретическое обобщение, вновь возврат к фактам и т. д. Это движение мысли от одного уровня обобщения к другому, переходы ее в поисках истины, в поисках доказательства, в стремлении преодолеть ошибочную точку зрения. Чтобы понять этот процесс, важно иметь в виду, что само теоретическое мышление никогда не является в современной науке знанием, расположенным на едином уровне обобщения, оно содержит в себе и более широкие и более узкие обобщения, факты, наблюдения, понятия, определения, гипотезы, вопросы, проблемы, теории, принципы, доказательства, способы рассуждения и т. д. и т. п. Полная согласованность между всеми этими компонентами любой теоретической системы достигается лишь путем упрощения, путем отбрасывания того, что еще не решено, что предстоит сделать. Такая работа полезна в целях обучения, но отождествление дидактических и теоретических задач влечет за собой весьма тяжелые последствия, особенно в общественной науке. Мысль движется в переходах и взаимодействии различных уровней.

Одна из важных форм движения мысли иссле-

дователя — операциональные, или операционные, определения понятий, т. е. сопоставление анализируемого понятия с той совокупностью фактов, обобщением которых это понятие является¹.

О значении такого рода работы хорошо сказал Маяковский: «Слова у нас до важного самого в привычку входят, ветшают, как платье». Эти слова необходимо очистить и заставить «сиять заново». Операциональные определения и есть работа по «очистке» слов, по уяснению смысла употребляемых в исследовании терминов. Далее мы более подробно рассмотрим возникающие здесь трудности, сейчас же укажем лишь, что смысл введения операциональных определений состоит именно в обеспечении переходов знания от одного уровня к другому, в обеспечении движения мысли. Принципиальный отказ от такого рода определений, настаивание только на дедуктивных определениях по сути дела означают вращение мысли в некоторой искусственной сфере чистой теории, основоположения и определения которой остаются верными и безошибочными в смысле равенства самим себе. Здесь все будет правильно именно в силу того обстоятельства, что критерии правильности суждений формулируются в пределах той же самой формально-логической концепции.

В операциональных определениях заключается некоторая возможность ошибки, поскольку не весь ряд сопоставлений с действительностью может

¹ Не следует смешивать рассматриваемые здесь операциональные определения с тем подходом к определениям, который предлагается представителями операционализма, одного из модных направлений современной идеалистической философии науки. Основоположник этого направления американский философ П. У. Бриджмен утверждает, что «под понятием мы не имеем в виду ничего более, чем некоторую последовательность операций, понятие идентично соответствующей совокупности операций» (*P. W. Bridgman. The Logic of Modern Physics. N. Y., 1927, p. 5*).

Свое понимание определения понятий Бриджмен иллюстрирует на примере определения длины. Длина, по его мнению, не может быть определена иначе как через последовательность тех операций, благодаря которым она измеряется. Объективное содержание понятия, таким образом, подменяется субъективной деятельностью человека, измеряющего некоторый объект.

быть представлен. Однако это неизбежно при поисках истины.

Второе предварительное замечание связано с проникновением количественных методов в социологическое исследование.

Современное научное мышление включает возможности количественного сопоставления, измерения наблюдаемых процессов. Здесь мы также по сути дела сталкиваемся с задачей перехода от одного уровня знания к другому. Но если в операциональных определениях решается вопрос о переходе от более высокого уровня обобщения к более низкому, от теории к эмпирии, то в количественных методах выступает на первый план другая сторона. Как правило, это определенная подготовка перехода мысли от эмпирического уровня к новому этапу обобщения.

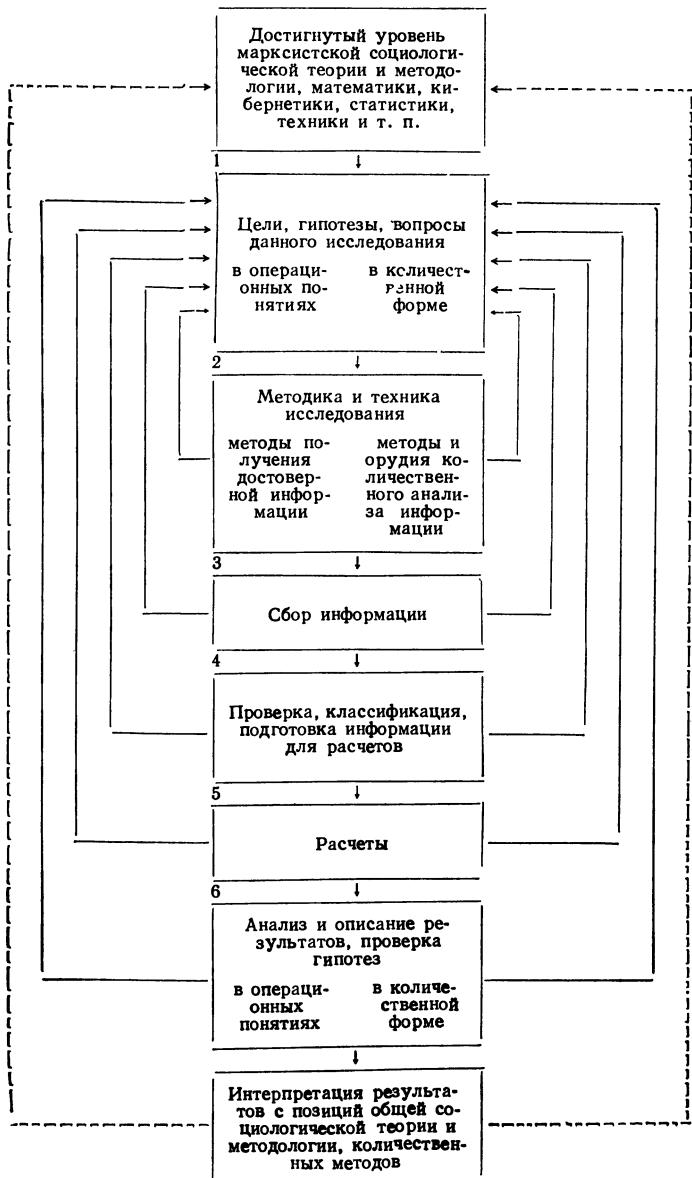
Интересно заметить, что мысль эта была выражена В. Н. Шубкиным в его схеме социологического исследования (см. стр. 48).

При рассмотрении схемы обращает на себя внимание наличие двух аспектов в начальном и конечном этапах исследования. С одной стороны, цели, гипотезы и вопросы исследования формулируются в операциональных понятиях, а с другой стороны, в количественной форме. Таким же образом преподносится анализ и списание результатов исследования. Несомненно, что этот двойственный замысел, двойственный подход, оказывает постоянное воздействие и на все промежуточные этапы процедуры исследования.

Обращает на себя внимание некоторое несоответствие схемы В. Н. Шубкина с предложенной выше последовательностью операций (см. стр. 44). Схема Шубкина в большей мере подчеркивает и выделяет количественные моменты процедуры, наша более выпукло обрисовывает ее логические узлы. Вместе с тем мы не усматриваем между обеими схемами принципиального различия.

Характеризуя этапы социологического исследования, следует обратить внимание на возможные вариации самого исследования в зависимости от тех или иных способов осуществления каждого из

Схема социологического исследования с использованием количественных методов¹

¹ В. Н. Шубкин. Количественные методы в социологии. — «Вопросы философии», 1967, № 3, стр. 38.

этапов процедуры и от их сочетания. Так, можно выделить несколько типов программ исследования как в зависимости от степени их разработки, так и от их теоретической направленности.

В зависимости от степени разработки программы можно представить себе, с одной стороны, исследование в полной мере теоретически осмысленным, опирающимся на все богатство теоретических идей, связанных с изучаемым кругом вопросов. Само составление программы в этом случае займет весьма продолжительный период времени, потребует тщательного изучения литературы по этому вопросу, многократных, обстоятельных дискуссий и консультаций со специалистами и может рассматриваться в виде определенного промежуточного итога исследования.

С другой стороны, можно представить себе исследование, в котором проблемы еще не сформулированы в достаточно четкой, теоретически осознанной форме. Оно будет носить характер поиска и проводиться в целях дальнейшей постановки и уточнения проблем. Здесь социолог может пойти от интуитивного восприятия проблемы к теоретическому ее выражению в процессе сбора материала. Такое исследование носит название пилотажа.

Как правило, большая часть исследований находится между указанными крайностями. Бывает и так, что гипотезы исследования формулируются уже *post festum*.

Что касается теоретической ориентации программы, то она определяется тем, к какой из областей уже сложившегося социального знания тяготеет то или иное исследование. В зависимости от этого существенно меняется и вся процедура исследования. Конечно, все основные этапы исследования остаются неизменными, но характер источников информации, методы ее сбора и анализа, глубина и широта подхода к рассматриваемому кругу вопросов, наконец, организация самого исследования будут существенно отличаться в зависимости от той или иной теоретической ориентации. С этой точки зрения в социологии принято различать пять видов исследовательской процедуры: статистиче-

скую, экспериментальную, типологическую, историческую, изучение выборочных случаев¹.

При *статистической процедуре* наибольшее значение приобретают наблюдения массовых явлений, накопление информации по изученным вопросам с определенной регулярностью и по единым правилам, сопоставление различных статистических источников, внимание к методам выборки, к разработке индексов и другим способам обработки социологического материала. В качестве примера широкого использования статистической процедуры могут быть приведены работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», работы С. Г. Струмилина по изучению рабочего класса СССР.

В *экспериментальной процедуре* сравнение планируется в более узких масштабах и, как правило, более строгими средствами и методами. Зачастую создаются искусственные условия сравнения с последовательным элиминированием рассматриваемых факторов и признаков. Примеры такого рода экспериментирования лучше всего найти в области социальной психологии.

Типологическая процедура предполагает выделение определенных типов, устойчивых образований, общностей в рамках изучаемого целого. Типы эти могут заранее конструироваться на основании предварительного теоретического рассмотрения или интуиции, но они могут быть выделены и на основании тщательного анализа, группировки анализируемых признаков. Важно отметить, что типологическая процедура предполагает не только количественное измерение различий между выделенными типами, но и качественное описание каждого из выделенных типов в целях возможно более полного и живого их воспроизведения. Типологическая процедура представляется нам наиболее важной при современном состоянии социологических исследований, поскольку она дает более полное представление о конкретных механизмах действия рассматриваемых социальных законов. Здесь в качестве при-

¹ См. Г. Беккер и А. Босков. Современная социологическая теория. М., 1961, стр. 214.

мера сошлемся на типологию отношения к труду, разработанную в книге «Человек и его работа».

Историческая процедура связана со стремлением объединить в исследовании принципы функционализма и историзма. Ее реализация требует выявления становления исследуемого процесса. Программа здесь прежде всего ориентирована на поиск исторических материалов. Один из самых ярких примеров такого исследования «Капитал» Маркса, в частности главы о рабочем дне и о первоначальном накоплении.

Наконец, процедура *изучения выборочных случаев* предполагает, как правило, монографическое описание выделенных объектов исследования. Выделение объектов может происходить либо на основе теоретических соображений, например выделение наиболее интересного или важного с точки зрения теории случая поведения, отклоняющегося от нормы, либо в чисто методических целях — для пробы и отработки методики. В том и другом случае не ставится задача обеспечения репрезентативности исследования. Одна из лучших работ этого типа — книга Е. О. Кабо «Очерки рабочего быта». Таким образом, мы видим, что два выделенных нами признака программы — степень ее разработанности и теоретическая ориентация — являются основанием довольно большого набора и разнообразия социологических процедур. Но этим отнюдь не исчерпываются возможности классификации самих исследований. Каждый из последующих шагов или этапов исследования представляет свои собственные основания подобной классификации.

В социологическом исследовании известны и широко применяются такие методы сбора материала, как: а) наблюдение, б) опросы, в) эксперимент, г) изучение документации.

Каждый из методов в свою очередь представляет собой весьма большое разнообразие применяемых методик и средств. Так, по типу отбора объектов и единиц наблюдения исследования могут быть: а) монографические, б) основанные на районированной выборке, в) основанные на случайной выборке, г) основанные на выборке по методу квот.

Наконец, по методу анализа и обобщения исследования также могут различаться между собой главным образом как преимущественно дискриптивные, описательные, которые образуют социографическую литературу, и преимущественно аналитические или теоретические.

Рассматривая этапы исследования, мы далее увидим, что каждый из них представляет собой весьма своеобразный и ответственный круг занятий, обязанностей, видов работ. Каждый из них требует специализации и постоянного накопления опыта. Поэтому сейчас уже недостаточно говорить о профессии социолога, необходимо серьезно рассмотреть вопрос о средствах подготовки социологов, специализирующихся на разных этапах и сторонах процедуры. Социолог-методолог в широком смысле нечто иное, чем социолог, специализирующийся на массовых опросах, или социолог-интервьюер, статистик, математик, и т. д. Кстати говоря, вовсе не все из названных узких специализаций в рамках социологии требуют высшего образования.

Оптимальная организация социологического исследовательского центра требует представленного на схеме соотношения групп, составляющих этот центр.

Анализ процедуры исследования позволяет выдвинуть предположение, что лучший способ орга-

Примерная схема социологического центра

Название группы	Функции группы	Характер и уровень образования	Сколько человек
1. Группа методологии	Формулировка программы (проекта) исследования, теоретический анализ результатов, организация исследования	Философское, экономическое, социологическое, историческое (высшее)	3—5

Название группы	Функции группы	Характер и уровень образования	Сколько человек
2. Группа отработки методики	Составление и проба анкет, составление программ интервью, составление тестов, составление программ наблюдения. Составление инструктажей по использованию конкретных методик	Психологическое, социологическое (высшее)	5—7
3. Статистическая группа	Определение размеров выборки, отбор единиц наблюдения	Статистическое, математическое (высшее и среднее)	3—5
4. Группа сбора материала	Анкетирование, интервьюирование, наблюдение, анализ документов	Психологическое, статистическое, социологическое (высшее и среднее)	12—20
5. Группа подготовки расчетов	Шифровка и кодирование, перфорация, контроль за качеством	Неполное среднее и среднее	12—20
6. Группа анализа	Программа математической обработки, ввод в машину, первичный анализ, графические работы	2 человека с высшим математическим образованием, остальные со средним	8—10
7. Группа вспомогательного назначения	Хранение информации. Секретарская работа, организационная работа	Курсы машинописи, стенографии	4—5
Итого . . .			47—72

низации социологического центра состоит не в выделении групп по направлениям исследований, а в выделении этапов исследования и в специализации на этих этапах. Такая организация могла бы обслуживать весьма широкий диапазон направлений по темам и систематически накапливать информацию по наиболее важным и существенным вопросам.

Программа социологического исследования

Предлагаемое разделение труда в социологическом исследовании оставляет составление программ исследования на долю социолога-теоретика, достаточно квалифицированного в вопросах общей и частной методологии. Программа включает в себя определение целей и задач исследования, формулировку проблемы, выявление уровней ее рассмотрения, определение исходных понятий темы в операциональном и количественном выражении, постановку вопросов, предположений, гипотез, подлежащих проверке в ходе исследования. Рассмотрим по порядку каждый из перечисленных элементов программы.

Определение задач. Теоретические и прикладные исследования

С точки зрения определения задач любое исследование может рассматриваться либо как теоретическое, либо как прикладное. Так, в области социологии труда книга «Человек и его работа» может рассматриваться как пример теоретического исследования; прикладные исследования в этой же области связаны с изучением мотивов перемены места работы и причин текучести рабочей силы. На встречах советских социологов в Кяярику¹ рассматриваются главным образом вопросы теории массовых коммуникаций, изучение же новосибирскими соци-

¹ См. «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Материалы встречи социологов в Кяярику в 1966 г. (гл. редактор Ю. Вооглайд. Тартуский гос. ун-т, 1967) и «Ценностные ориентации личности и массовая коммуникация». Материалы встречи социологов в Кяярику в 1967 г. (гл. редактор Ю. Вооглайд. Тартуский гос. ин-т, 1968).

ологами аудитории газет «Известия», «Труд», «Правда», «Литературная газета» в основном имеет в виду прикладные цели. Прикладные и теоретические исследования связаны с различными функциями социологии.

Главная особенность прикладного исследования состоит в том, что оно имеет в виду частные управленческие задачи, оно рассматривает лишь объект воздействия, объект управления, оставляя без внимания всю систему: субъект-объект управления. Теоретическое же исследование поднимается на более высокий уровень обобщения благодаря иной постановке задачи — исследование всей системы, в том числе и целей самой управленческой деятельности. В наиболее общей форме задачи любого исследования, в том числе и прикладного, состоят в получении нового знания. Новое знание может быть различного типа: это может быть знание новых отдельных фактов, воспроизведение целой системы фактов — картины исследуемого процесса, это может быть теоретический вывод большей или меньшей значимости.

Любое исследование предполагает четкое отделение известного от неизвестного, обращение исследования в сторону еще неизвестного. И прикладное и теоретическое исследования ориентируются на воспроизведение целостной картины исследуемого процесса, но если в теоретическом исследовании факты связываются прежде всего с их теоретическим осмыслением, то в прикладном существует тенденция к формулировке задач действия или деятельности определенной организации на основе проанализированных фактов. Очевидна в этой связи опасность противопоставления теоретических и прикладных исследований. При всем их различии необходимо добиваться единства теории и практики, свойственного марксистскому социальному мышлению. Теоретик должен уметь подняться выше утилитарных задач данной организации и помочь практику увидеть его проблемы в более широкой системе связей; в случае надобности такой подход будет означать не просто усовершенствование деятельности существующей организации, а переоценку

и переосмысление самих целей этой деятельности, выработку новой системы ориентации действия. Эта последняя задача может быть решена лишь при условии глубокого теоретического проникновения в существо вопроса.

Наиболее типичными темами прикладных исследований являются проблемы текучести рабочей силы, эффективности определенных средств пропаганды, внедрения элементов научной организации труда, составления комплексных планов социального развития промышленного предприятия. Метод работы социолога во всех этих случаях одинаков: проведение более или менее квалифицированного опроса и составление отчета. Однако процедура прикладного исследования пока еще плохо разработана. Зачастую социологи даже не опрашивают компетентных лиц при рассмотрении той или иной прикладной проблемы и во всяком случае весьма редко фиксируют данные подобного рода опросов. Слабо используется весь набор социологических методов — изучение документов, индивидуальных карточек и других средств сбора информации. Представленные доклады не имеют общепринятых стандартов, и соответственно отсутствуют какие-либо критерии оценки работы социолога. Все это наводит на мысль о необходимости более четкой организации дела в этой области.

В связи с задачами, поставленными XXIII съездом КПСС, особенно значительной становится роль прикладных социологических исследований в практике партийной работы. О том, что подобные исследования необходимы, что без них нельзя обойтись грамотному партийному работнику, сейчас уже не спорят. Однако зачастую все дело сводится к опросам в связи с текущими делами районного комитета партии. Чем определяется выбор тем для подобных опросов, какова должна быть последовательность в их проведении, по каким проблемам и каким образом должна накапливаться информация в районном комитете КПСС, какова должна быть периодичность этой информации — все эти вопросы остаются без ответа. Последовательное и систематическое внедрение принципов научного руковод-

ства социальными процессами должно привести к тому, что каждый партийный комитет превратится в значительной мере в центр сбора и анализа информации относительно протекающих в управляемой системе процессов. Сама эта информация должна состоять из трех наиболее важных разделов: социально-экономической, социально-политической информации и моральной статистики.

В первую группу следует включить наряду с показателями выполнения производственных заданий промышленными предприятиями и учреждениями района показатели благосостояния населения — состояние жилищного вопроса, движение вкладов населения в сберегательных кассах, показатели оборота этих вкладов, движение рабочей силы на предприятиях и учреждениях района, степень территориальной замкнутости района в смысле удовлетворения спроса на рабочую силу.

Во вторую группу социально-политической информации должны быть включены такие показатели, как рост рядов партии, статистика персональных дел коммунистов, состояние преступности в районе, спрос на общественно-политическую литературу и т. д.

К группе моральной статистики должны быть отнесены данные о «трудных» семьях в районе, о степени религиозности населения, о потреблении спиртных напитков, о работе ресторанов, гостиниц, клубов и танцплощадок.

Разумеется, подобная информация есть в каждом районном комитете, но, во-первых, эта информация зачастую не концентрируется в одном месте и не анализируется в целом; во-вторых, она носит не обязательный и не систематический характер. Ее запрашивают от случая к случаю в связи с текущими задачами. Научное управление социальными процессами предполагает в качестве условия и исходного момента составление социально-демографической карты управляемого объекта, в данном случае района.

Следующим этапом является систематическое накопление информации по всему кругу перечисленных вопросов, составление индексов, характе-

ризирующих наиболее важные для перспектив развития района социальные процессы, разработка перспективных планов социального развития района на основании глубокого анализа всей совокупности экономических, социальных, политических и моральных показателей. Социологический анализ должен, таким образом, в значительной степени предшествовать постановке задач управления.

Только после того как информация по всем отмеченным разделам накоплена и проанализирована, становится очевидным, какие дополнительные средства сбора информации следует применять в дальнейшем.

Формулировка проблемы

Каковы бы ни были задачи исследования, они должны быть сформулированы. Здесь социолога подстерегают две опасности: абстрактное теоретизирование и узкий эмпиризм.

Многие традиционные темы диссертаций по историческому материализму служат иллюстрацией крайности первого рода: преодоление существенных различий между умственным и физическим трудом, городом и деревней; превращение труда в первую жизненную потребность; формирование коммунистического сознания трудящихся социалистического общества и т. д. Недостаток всех этих тем определяется слишком широкой постановкой вопроса, каждая проблема имеет в виду определенную сторону и перспективу перехода к высшему этапу социалистического общества. Причем сама эта перспектива реализуется не как частный процесс, а как момент преобразования всей системы общественных отношений социалистического общества. Каждая из названных проблем может быть рассмотрена лишь в связи с анализом всей общественно-экономической формации социализма. Но поскольку подобная задача не под силу отдельному исследователю, то остается лишь путь иллюстрирования выделенной тенденции, причем иллюстрирование, как правило, осуществляется таким образом, что отбирается лишь одна из сторон процесса —

противодействующие тенденции остаются вне поля зрения исследователя. В результате получается невольное искажение реального положения вещей — желаемое выдается за действительное. Причем на такой поворот в социологическом видении наталкивает сама формулировка проблемы. Исследователь, относящийся с большим чувством ответственности и самоконтроля, идет в этой же теме по иному пути — он занимается отшлифовкой понятий, анализом полемики, связанной с анализируемой проблемой, подчас забывая при этом сопоставить теоретические понятия с наблюдаемой действительностью.

Другая крайность появляется, когда возникает стремление проанализировать эффективность какой-либо вновь возникшей социальной формы, например роль постоянно действующих производственных совещаний (ПДПС). Выбор такой темы исходит, как правило, из стремления поддержать возникшую форму, показать ее положительное значение, распространить передовой опыт. Исследователь ограничивается поэтому описанием данной формы в ее наилучшем варианте, оставляя в стороне опыт ошибок, неудач, недостатков, элементы формализма в организации нового движения и т. п. По сути дела исследование здесь подменяется иллюстрацией заранее принятого положения.

Чтобы избежать двух отмеченных крайностей исследования, необходимо в первом случае идти по пути сужения темы к ее большей конкретизации, во втором — по пути обобщения темы. В том и другом случае необходим поиск реальной проблемы. В качестве иллюстрации такого поиска может быть проведен опыт формулировки темы коллективом лаборатории социологических исследований Ленинградского университета.

В первоначальном варианте проблема формулировалась в весьма широком плане: «Закономерности превращения труда в первую жизненную потребность в условиях перехода от социализма к коммунизму». Относительно подобной формулировки можно сказать все то, что говорилось в адрес аналогичных проблем несколько выше. Сужение

темы осуществлялось здесь по нескольким направлениям.

Во-первых, была сужена задача — прежде чем выявить закономерности, связанные с тенденциями изменения отношения к труду, необходимо получить картину этого отношения как бы в статическом состоянии, причем картину, которая бы фиксировала как положительные, так и отрицательные моменты отношения к труду с достаточной полнотой и строгостью.

Во-вторых, был конкретизирован вопрос, об отношении к какому труду идет речь. Труд в сфере духовного производства для отдельных индивидуумов являлся и является объектом потребности и в условиях досоциалистических формаций. Коллектив лаборатории интересовало отношение к труду в его наиболее массовидной форме — в сфере индустриального производства.

В-третьих, был вычленен более четко субъект отношения к труду. В данном случае была выделена в качестве подобного субъекта категория рабочей молодежи в возрастных границах от 18 до 30 лет.

На основании этих трех ограничений тема была переформулирована и в последнем варианте звучала так: «Отношение к труду рабочей молодежи (на материалах ленинградской промышленности)». Подобная формулировка заставляет исследователя гораздо тщательнее и строже отнестись ко всей процедуре исследования и к его центральной проблеме. Она не оставляет места для спекулятивных и умозрительных рассуждений, лишенных строгой логической и эмпирической основы, заставляет искать конкретные показатели изучаемого процесса и ориентирует прежде всего на воспроизведение существующего положения вещей.

Определение понятий

Определение и уточнение исходных понятий темы является следующим важным шагом в составлении теоретической программы исследования. На первый взгляд может показаться, что все те тер-

мины, которые входят в формулировку поставленной проблемы, общеизвестны и поэтому совершенно понятны. Эта иллюзия тем сильнее, чем более употребительными являются термины. Процедурное требование во всех случаях состоит в том, чтобы предпринять попытку дефиниции даже общеизвестного понятия,

Особенно важны для социологического исследования операциональные определения, осуществляющиеся с помощью эмпирической интерпретации понятий. Задача такого определения, как уже отмечалось выше, состоит в сопоставлении анализируемого понятия с той совокупностью фактов, отражением которой оно является. После того как понятие получило строгую эмпирическую интерпретацию, оно употребляется в одном и том же смысле на протяжении всего исследования. Благодаря этому оно и выполняет свою роль в исследовании, именно этот смысл имеется в виду, когда говорят об операциональных определениях.

В качестве примера можно привести определение такого понятия, как отношение к труду. Оно может быть определено как единство по крайней мере трех моментов: понимания общественной значимости труда, удовлетворенности своей профессией и удовлетворенности данной работой. Расчленение исходного понятия на его составляющие необходимо для того, чтобы составить картину отношения к труду и выяснить тенденцию изменения этого отношения. Выделенные выше моменты характеризуют лишь субъективный аспект отношения к труду, они направлены на выяснение внутреннего состояния индивидуального сознания.

Как бы ни важна была эта задача сама по себе, необходимо видеть и другую сторону дела — найти совокупность объективных характеристик, связанных с тем же процессом. Можно предположить, что отношение к труду фиксируется определенным образом в реальном поведении индивидуума. Если речь идет об отношении к труду рабочего, то показателями этого реального поведения будут: степень выполнения норм выработки и иных производственных требований, степень дисциплинированности ра-

бочего и степень его инициативы. Все эти обстоятельства могут быть наблюдаемы, относительно всех этих реальных форм поведения можно получить информацию либо из документальных источников, либо путем наблюдения, либо путем опроса компетентных лиц¹.

Приведенный пример показывает, как осуществляется операциональное определение понятия, точнее, его эмпирическая интерпретация. Против определений такого рода выдвигаются иногда возражения, связанные с опасением, что подобный подход ведет к растворению сущности определяемого понятия. По мнению противников подобного подхода, понятие не может быть сведено к совокупности наблюдаемых фактов, так как всегда остается некоторый остаток, который и выражает наиболее глубокую сторону анализируемого понятия.

Противники операциональных определений в качестве одного из главных аргументов в защиту своей точки зрения выдвигают то соображение, что содержание «переводимого» и «переведенного» понятий не совпадают. «В так называемом «операциональном» понятии, выражающем состояние удовлетворенности функциональным содержанием труда, исчезает собственно социальная сторона отношения к труду, т. е. наиболее глубокая сущность этого отношения, и остается лишь его общечеловеческий, биолого-психологический аспект»².

Социальная сторона отношения к труду выражается, по мнению автора приведенных выше строк, в формуле превращения труда в первую жизненную потребность, которая гораздо богаче, чем удовлетворенность работой. На это следует заметить, что эмпирическая интерпретация понятия предполагает его сопоставление не с одним рядом фактов, а со всей совокупностью таких рядов, в которых обнаруживается, проявляется исследуемый

¹ Подробнее об определении понятия «отношение к труду» см. в кн.: «Человек и его работа». Социологическое исследование. М., 1967, стр. 18—27, 38—41.

² В. Я. Ельмеев. Методологические особенности комплексных социальных исследований. — «Философские науки», 1967, № 6, стр. 83.

процесс. Речь идет не только об отношении к работе, но и об отношении к профессии и о понимании общественной значимости труда вообще. Речь идет как о совокупности социально-психологических критериев отношения к труду, так и о критериях объективного порядка. Было бы нелепо представлять себе процесс превращения труда в жизненную потребность индивидуума без изменения выделенных отношений. Такой подход означал бы, что процесс превращения труда в одну из ведущих потребностей личности происходит в некоторой потусторонней сфере, принципиально недоступной наблюдению, что этот процесс протекает, но ни в чем не обнаруживает себя.

Критики операциональных определений правы в том, что содержание понятия не может быть сведено к совокупности наблюдаемых в данный момент фактов. Однако важно понять, почему это так. Дело в том, что в любом понятии содержатся не только те факты, с которыми соотносится данное понятие в настоящий момент. Оно содержит в себе определенным образом и те факты, с которыми оно соотносилось в прошлом. Понятия в некотором отношении консервативнее самой действительности, они не меняются сразу же вслед за изменением этой действительности. Таким образом, остаток, о котором идет речь, не содержит в себе особой сущности, так как он относится к прежней истории наблюдаемых событий.

Операциональное определение предполагает критическое рассмотрение сложившегося понятийного аппарата, с тем чтобы отделить прошлое и настоящее в содержании понятий. Такое расчленение не следует понимать как отказ от обращения к прошлому, наоборот, оно ориентирует исследователя на выделение ряда этапов, связанных с историей исследуемого вопроса.

Приведенную мысль можно проиллюстрировать вопросом, который был задан автору настоящей работы в одной из аудиторий, слушавшей лекцию по итогам социологического исследования отношения к труду: «В первых пятилетках было много энтузиазма. Возникли понятия и термины: ударник,

Встречный, социалистическое соревнование, стахановец. Отстающих рисовали на черепахе. Премий не было. Появился «Марш энтузиастов» и песни на трудовые темы.

В период войны работа в тылу характеризовалась трудом без ограничения во времени и огромным размахом личной инициативы. Нарушений дисциплины практически не было.

Сейчас труд спокоен и ритмичен. В ряде случаев монотонен. Материальная заинтересованность велика. Иметь телевизор, холодильник — нормально.

Можно ли в этих трех случаях говорить об одинаковом отношении к труду? В чем разница?»

Автор записки совершенно правильно ставит вопрос о различном содержании отношения к труду на разных этапах строительства социализма. То, что было характерно для одного этапа, перестало быть таковым в иное время. Нелепо было бы подходить к оценке отношения к труду сейчас с теми же критериями, которые уместны во время войны. Однако нерасчлененное определение отношения к труду, не проанализированное по правилам эмпирической интерпретации, не учитывает того обстоятельства, которое так хорошо уловил автор записки.

Следует отметить, однако, что в точке зрения противников операциональных определений есть некоторое рациональное зерно. Действительно, здесь существует опасность выхолащивания сущности понятия, сведения его к частностям и особенностям конкретной ситуации, конкретной личности, конкретных обстоятельств. Но это аргумент не против принципа эмпирической интерпретации общего понятия, а против неудачных примеров такой интерпретации.

Вопрос, далее, состоит в том, останавливается ли социолог на достигнутом уровне анализа понятия, или же он осуществляет и обратный процесс — восстанавливает более богатое и полное содержание проанализированного понятия на основе исследования. В этом как раз и состоит одно из отличий марксистского подхода к проблеме эмпирической интерпретации понятий от позитивист-

ского подхода. Позитивизм оказывается бессильным проделать обратный путь синтеза, осуществить такого рода обобщения, которые вписывались бы в общетеоретическую концепцию социологии.

Небезынтересно заметить, что критика позитивистского метода операциональных определений и эмпирической интерпретации понятий дана известным американским социальным философом Г. Маркузе¹. Последний считает, что позитивистская социология играет лишь функциональную роль в системе буржуазных индустриальных отношений. Маркузе приводит следующий пример. Рабочий выражает неудовлетворенность заработком и социолог на основании анализа глубокого интервью с этим рабочим показывает, что эмпирическим основанием этой неудовлетворенности является частный случай: жена рабочего находится в больнице, и ему очень трудно свести концы с концами². Следует помочь этому конкретному рабочему в этой вполне конкретной ситуации, и состояние неудовлетворенности исчезнет.

Здесь совершенно очевидно обнаруживается несоответствие в содержании интерпретируемого и операционального суждений. Рабочий в своем высказывании выражал неудовлетворение заработком вообще, в самом факте его неудовлетворенности слиты все стороны капиталистических производственных отношений. В этом состоит «транзитивная», т. е. несводимая к отдельным фактам, сторона анализируемого суждения.

Маркузе прав в той части своей критики, в которой показывает, что в данном случае социолог все свел к частностям, лишил понятие его социальной сущности, ибо он выбросил транзитивную сущность понятий. Но он совершенно неправ, поскольку объявляет общее содержание понятий принципиально несводимым к частным ситуациям, к конкрет-

¹ Подробную характеристику социальной философии Маркузе см. в статье Ю. А. Замошкина и Н. В. Мотрошиловой «Критична ли «критическая теория общества» Герберта Маркузе?». — «Вопросы философии», 1968, № 10.

² См. *H. Marcuse. One-Dimensional Man*. N. Y., 1964, p. 112—113.

ным фактам. Суть дела в том, что капиталистические отношения не могут не обнаруживаться в массе конкретных случаев, не могут существовать «по ту сторону» этих ситуаций как некое подобие «вещи в себе». Они неизбежно обнаруживаются во вполне конкретных обстоятельствах жизни рабочих и трудящихся в целом. Одна из задач научного анализа в том и состоит, чтобы дать типологию подобных конкретных случаев и через эту типологию подняться до более глубокого понимания сущности. Отличие подлинно диалектического от одномерного мышления Г. Маркузе и ему подобных как раз и заключается в том, что оно видит единство противоположностей общего и единичного, а не отрывает их друг от друга.

Логический анализ проблемы и постановка частных задач исследования

Логический анализ проблемы тесным образом связан с предыдущим этапом составления программы. Выяснение различных сторон в определении одного и того же понятия ставит задачу выяснения связи между этими сторонами. Весьма эффективными способами логического анализа проблемы выступают функциональный и системный анализы.

Функциональный анализ имеет в виду вычленение внешних по отношению к изучаемому явлению обстоятельств, их упорядочение, субординацию, предварительное определение силы воздействия. Так, при изучении отношения к труду выделялись две группы факторов: общие и специфические. Каждая из этих групп имеет собственные функции относительно интересующего нас явления. В общие факторы входят наиболее существенные характеристики социально-экономической формации. Эти факторы оказываются равнодействующими относительно особых социальных групп и индивидуумов. Для социолога наибольший интерес представ-

ляют специфические факторы, действующие дифференцированно по отношению к различным группам и индивидуумам. Такими факторами являются в случае отношения к труду характер и содержание труда, заработная плата, возможности повышения квалификации и продвижения в рамках той или иной профессии и т. д. При функциональном анализе важно уметь выяснить специфические механизмы влияния каждого из рассматриваемых факторов. Проследим под этим углом зрения влияние таких факторов, как характер и содержание труда, с одной стороны, и система заработной платы, с другой стороны, на отношение к труду.

Если говорить о характере и содержании труда, то этот фактор действует прежде всего в виде сложившейся в данном обществе системы разделения труда. Отвлекаясь от вопросов развития и изменения пропорций и отношений между различными видами деятельности, можно представить себе, что каждый род занятий нуждается в воспроизводстве, обладает некоторой потребностью в обновлении состава хотя бы в связи с естественным возрастным старением работников данной группы. Система разделения труда выступает в виде некоторой совокупности социальных потребностей, связанных с нуждами воспроизводства.

Однако сама эта совокупность потребностей не является еще ни потребностью каждого отдельного индивидуума, ни потребностью любой их совокупности, включенной в процесс производства. Отношение к профессии со стороны индивидуума обнаруживается отнюдь не в виде зеркального отражения общественного запроса. Оно формируется в связи с развитием личных способностей, приобретаемых навыков деятельности, традиций ближайшего окружения и массой случайных обстоятельств вроде расстояния места работы от места жительства.

Столкновение общественных потребностей в воспроизводстве рабочей силы, с одной стороны, и личных запросов — с другой, обнаруживается в виде индивидуальной проблемы выбора профессии. Вместе с тем эта проблема оказывается социальной

в силу своей повторяемости для каждого отдельного человека и в силу наблюдающихся несоответствий между обеими сторонами дилеммы.

Когда профессия выбрана, то содержание и характер труда выступают уже в новом качестве. Главное значение здесь приобретают такие моменты, как последовательность и вариабельность трудовых актов и операций, степень умственной и физической нагрузки, дальнейшие каналы социализации личности (повышение квалификации), общественная значимость данного вида трудовой деятельности и оценка его со стороны общества.

Характер и содержание труда действуют на отношение к труду прежде всего благодаря тем возможностям утверждения личности, которые представляет эта сфера.

Система заработной платы действует в качестве фактора, детерминирующего отношение к труду несколько иным образом. Прежде всего этот фактор выступает в виде одного из объективных законов и краеугольных принципов социалистического общества — распределения общественного богатства в соответствии с качеством и количеством труда. Этот принцип реализуется в системе зарплаты таким образом, что каждый вид профессиональной деятельности получает определенную оценку со стороны общества (государства). Для каждой профессии имеются свои средние показатели заработка, свой минимум и максимум. Уже здесь возникают мотивационные различия в действии данного фактора. Общий экономический принцип распределения при социализме вместе с тем оказывается и нравственным принципом воспитания в духе уважения к труду, усвоения идеи «кто не работает, тот не ест». В то же время дифференциация оценки различных видов профессионального труда в зависимости от его сложности, напряженности, уровня ответственности и т. д. — важный показатель общественного престижа различных профессий в общественном мнении людей. Это в определенной мере предопределяет и выбор профессии и отношение к ней. Об этом, в частности, говорит сравнительно высокая корреляция между устойчи-

востью профессий в промышленности и строительстве и размером заработка¹.

Далее, стимулирующее влияние заработной платы осуществляется благодаря различиям оплаты в зависимости от квалификации в рамках каждой профессии. Так, 90% всех рабочих промышленности и строительства в 1965 г. работали по тарифной сетке, каждое последующее звено которой выступает для рабочего важным стимулом повышения квалификации, а следовательно, улучшения показателей труда. Формы и системы заработной платы более или менее строго учитывают это обстоятельство².

Еще больше индивидуализируется система оплаты труда на каждом предприятии применительно к его особым условиям. Фонд заработной платы и премиальный фонд дают довольно широкий диапазон материального стимулирования в зависимости от особенностей работника, его личных успехов, но также и в зависимости от принятого на этом предприятии способа нормирования труда, учета продукции, контроля за качеством, системы закрытия нарядов на отдельных участках. Ко всему этому примешиваются еще и личные достоинства или недостатки людей, ответственных за регулирование труда и зарплаты на производстве. Указанные обстоятельства определяют не столько отношение к труду вообще и даже не отношение к профессии, сколько отношение к работе в данных конкретных производственных условиях.

Чтобы понять влияние системы зарплаты на отношение к труду, необходимо представить характер ее действия на всех уровнях: в масштабе общества

¹ О роли общественного престижа профессии см.: В. В. Водзинская. Отношение молодого рабочего к своей профессии; О связи заработка и устойчивости профессий см. Л. С. Бляхман, А. Г. Здравомыслов, О. И. Шкаратан. Проблемы управления движением рабочей силы. — «Труд и развитие личности». Л., 1965.

² По данным на 1965 г., оплата труда 34,1% рабочих регулировалась премиальной сдельщиной, 23,2% — прямой сдельщиной, 37,8% рабочих получали повременную оплату в сочетании с премиальными («Вестник статистики», 1966, № 3, стр. 95).

в целом в данный момент, в рамках профессии и отрасли производства, в пределах особенностей конкретного участка работы. Эти уровни взаимопроникают: конкретные условия нормирования труда определяются общими принципами, в то же время общие принципы распределения по труду воспринимаются каждым отдельным рабочим через призму его особенных жизненных обстоятельств, индивидуального опыта. И здесь помимо прямых специфических факторов активно действуют и косвенные.

Если отвлечься от способа восприятия рабочим системы и размера оплаты труда, то общие факторы (социально-экономическая система и определяемый ею принцип распределения по труду) выступают как равнодействующие, обнаруживаются в конечном счете во всех видах профессиональной трудовой деятельности. В каждой конкретной ситуации в качестве значимых для отдельного рабочего стимуляторов его труда выступают особенные и специфические моменты, т. е. те, в которых наблюдается определенная дифференциация условий труда, предоставляющая рабочему возможность выбора действий.

Стимулирующая роль заработка в самом последнем звене системы «общество — личность» связана с теми функциями, которые он (заработок) выполняет по отношению к удовлетворению основных потребностей личности.

Прежде всего заработок остается главным средством к жизни, к удовлетворению уже сложившегося круга элементарных потребностей в пище, одежде, жилище, способе передвижения, в бытовых удобствах. Эти потребности имеют не индивидуальный, а социально обусловленный характер. Они предопределяются образом жизни данной социальной группы, формируются еще в родительской семье и в какой-то мере воспроизводятся в новой. Характер потребностей личности определяется прежде всего характером общественных ролей данного индивидуума. Так, роль главы семьи предполагает, что в число личных потребностей индивидуума входят в известной мере и потребности других членов семьи. Главной единицей потребления выступает в

данном случае не индивид, как таковой, а семья; заработок же выступает в качестве средства удовлетворения семейных потребностей. Немаловажное значение имеют и иные социальные роли, связанные с поддержанием определенного способа общения между людьми и сложившимися в данной социальной среде обычаями, бытовыми традициями и т. д. Некоторые из таких потребностей удовлетворяются помимо бюджета семьи рабочего за счет общественных фондов распределения. Но это никак не снимает того обстоятельства, что в современных условиях размер дохода семьи и заработок ее членов прежде всего определяют и еще долгое время будут определять возможности удовлетворения многообразных человеческих потребностей.

Вследствие этого размер заработной платы оказывается и средством развития потребностей личности. Новые материальные и духовные запросы активно формируются в том случае, когда доход семьи растет и появляются некоторые излишки после того, как удовлетворены привычные потребности сложившегося образа жизни. С одной стороны, эти потребности порождаются развитием производства и форм социального общения, с другой — разнообразием существующих образов жизни различных социальных групп населения. Понятно, что, сталкиваясь с растущим разнообразием предметов материального и духовного потребления и образов жизни, рабочий испытывает желание как-то изменить и свой собственный сложившийся образ жизни. Новые потребности, быстро распространяющиеся среди всех слоев населения благодаря развитию современных средств общения, требуют денежных средств, иногда весьма значительных. В зависимости от наличия этих средств возникающие желания либо вызывают психологическое напряжение, конфликт, либо угасают, либо превращаются в нечто привычное, в новые потребности как составной элемент нового образа жизни. Заработок в современных условиях выступает не только средством сохранения, поддержания сложившегося образа жизни, но и средством изменения его.

Одна из функций заработной платы вытекает

из отмеченного выше обстоятельства, что заработок представляет собой меру оценки трудового вклада индивидуума в общественное производство. Для рабочего это означает, что размер заработка есть определенное мерило его самооценки, квалификации, личного достоинства. Эта социально-психологическая функция заработной платы особенно наглядно проявляется у высококвалифицированного рабочего. Он отлично представляет, «чего стоят» его смекалка, опыт, знания, трудовой навык. Размер заработка такого специалиста, мастера своего дела, — один из важных элементов его престижа в семье, в ближайшем социальном окружении, на работе и вне ее.

Рассмотренные выше функции заработной платы и определяют то значение, которое заработок имеет для рабочего. В его сознании постоянно происходит сопоставление этого значения как существенного элемента рабочей ситуации с реальным размером заработка. В результате такого сопоставления формируются удовлетворенность или неудовлетворенность заработком и соответствующие мотивы трудовой деятельности.

Итак, анализ только двух из наиболее существенных факторов отношения к труду показывает их различную природу. Они связаны с разными функциями, которые выполняет труд как по отношению к обществу, так и по отношению к индивидууму.

Важной формой логического анализа проблемы выступает системный анализ¹.

Системный анализ вскрывает изучаемую проблему как бы изнутри. Главная задача здесь состоит в том, чтобы расчленив изучаемый процесс на его составляющие и выявить характер взаимосвязи этих составляющих. Проведем этот анализ на примере пропаганды. Пропаганда тех или иных идей может быть представлена как особого рода коммуникативный процесс, в котором выделяются следующие основные компоненты:

¹ Подробнее о роли системного анализа см.: И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин. Системный подход в социальных исследованиях. — «Вопросы философии», 1967, № 9.

1. Содержание пропаганды — то, что пропагандируется. В случае социалистического общества речь идет главным образом о научной идеологии со всеми ее составными частями.

2. Субъект пропаганды — тот, кто пропагандирует и руководит всей пропагандистской работой.

3. Средства пропаганды — средства коммуникации, рассчитанные на всесоюзную аудиторию, устные формы пропаганды и т. д.

4. Объект пропаганды — сознание масс, социально обусловленное и характеризующееся определенными «узлами», сквозь призму которых воспринимается содержание пропаганды.

В буржуазной социологической литературе, посвященной анализу пропаганды и ее эффективности, широко распространена формула известного английского специалиста в области политической социологии Г. Д. Лассуэлла, охватывающая все основные элементы пропаганды как процесса коммуникации: «Кто сообщает, что именно, по каким каналам, кому и с каким эффектом». Анализу основных компонентов этой формулировки и их взаимодействию посвящено немало исследований, составляющих самостоятельную и значительную область социологии, называемую социологией массовых коммуникаций. Объектом исследования здесь является, как правило, не пропаганда в целом, а отдельные пропагандистские акции или кампании и поведение публики в связи с этими акциями. Так, одной из традиционных тем исследований в американской и французской социологии является изучение поведения избирателей во время выборных кампаний. Благодаря этим исследованиям результаты голосования предсказываются задолго до исхода выборов с достаточно большой степенью точности.

подавляющее большинство выполняемых исследований имеют прикладное манипуляторское значение. Они используются как в целях рекламы определенных товаров, так и в целях рекламы того или иного политического курса, в целях формирования желательных стереотипов мышления.

Вместе с тем в ходе этих исследований получено немало заслуживающих внимания выводов и сооб-

ражений, касающихся специфики определенных средств пропаганды, особенностей той или иной аудитории, требований к пропагандисту (коммуникатору), предъявляемых ему аудиторией, и т. д.

Методологическая уязвимость этих исследований состоит в том, что пропаганда в большинстве случаев рассматривается как частный процесс, не связанный с социальной структурой общества, с интересами главных общественных сил, определяющих ход социально-политического развития данного общества, поэтому предложенный выше структурный анализ пропаганды неверно было бы именно в силу указанных обстоятельств рассматривать как повторение формулы Лассуэлла.

Под *содержанием пропаганды* мы имеем в виду не любые сообщаемые идеи, а такую совокупность идей, которая в своей целостности составляет научную идеологию. Здесь можно выделить в свою очередь по крайней мере три уровня, пропорциональное соотношение между которыми является важнейшим условием оптимальной эффективности пропаганды.

Во-первых, это теоретический уровень — разъяснение массам теоретических основ научной идеологии, философии, экономической науки, представления о будущем обществе и о путях его построения.

Во-вторых, нравственно-эмоциональный уровень — воспитание членов общества в духе усвоения определенных гуманистических ценностей: сознательного отношения к труду, общественно-политической активности, интернационализма, патриотизма и т. д.

В-третьих, информационно-оценочный уровень, т. е. информация о конкретных событиях общественно-политической жизни и оценка этих событий с точки зрения общих задач.

Необходимость различения указанных трех уровней пропаганды вытекает из структуры как общественного, так и индивидуального сознания и вместе с тем из характера восприятия. Можно предположить, что сознание каждой социальной группы характеризуется своим собственным строем,

специфическим для этой группы соотношением теоретически-концептуального, нравственно-эмоционального и фактологически-информационного уровней. Практика пропаганды также учитывает эти различия: журналы, теоретические «подвалы» ежедневной прессы, лекции, система политического просвещения в основном связаны с первым уровнем. Газеты и радио в значительной степени ориентированы на третий из названных уровней пропаганды. Второй — нравственно-эмоциональный уровень пропаганды — объясняет огромное идеологическое значение искусства. Насколько важен вопрос об определении меры в соотношении трех названных уровней, свидетельствует заявление Н. Винера относительно необходимости различать две разновидности языка, «одна из которых имеет своей целью главным образом передачу информации, а другая — навязать свою точку зрения упрямой оппозиции»¹. Несомненно, Винер преувеличивает различие между названными уровнями пропаганды. Ошибка его, по-видимому, состоит в том, что он предполагает возможность передачи информации без всякой оценки ее. Практически же дело обстоит так, что оценка сообщаемого факта включена, как правило, в сам контекст сообщения. При этом вовсе не обязательно, чтобы эта оценка носила развернутый характер. Оценка, с другой стороны, включена и в акт восприятия сообщения, и в этом случае она может состоять в переоценке сообщения, если установки коммуникатора и реципиента расходятся. Именно поэтому мы называем третий уровень пропаганды не просто информационным, а информационно-оценочным.

Что касается *субъекта пропаганды*, то, с нашей точки зрения, это не просто коммуникатор как отдельная личность, пропагандист. В современном обществе субъект пропаганды «институционализован», т. е. в качестве субъекта пропаганды выступает система учреждений со сложившимися внутри нее разделением труда, ответственности,

¹ Н. Винер. Кибернетика и общество. М., 1958, стр. 101.

определенными традициями, с более или менее четким и зачастую документально оформленным, а иногда и юридически закрепленным распределением обязанностей.

При рассмотрении *средств пропаганды*, как правило, обращают внимание на ее приемы, связанные со спецификой тех или иных средств: радио располагает одними возможностями, непосредственная устная речь — другими, телевидение серьезно отличается от первого и второго.

Объект пропаганды в качестве некоторого состояния сознания в настоящее время стал подвергаться самостоятельному изучению по крайней мере в двух аспектах — в исследованиях, посвященных анализу общественного мнения, и в исследованиях по проблемам социальной структуры советского общества.

Выделение основных структурных компонентов пропаганды необходимо не столько для описания процесса, сколько для выявления возможных нарушений коммуникации и ее отклонения от «нормального» состояния. Системный анализ подобного рода позволит нам выдвинуть ряд гипотез для объяснения дисфункциональности пропаганды или ее недостаточной эффективности. Само же положение о недостаточной эффективности здесь просто постулируется, хотя оно и могло бы быть достаточно строго обосновано.

Теоретически возможно представить, что как между любыми компонентами процесса, так и внутри этих компонентов возможны функциональные несоответствия, противоречия, снижающие эффективность всего «механизма». Дело в том, что каждый из рассматриваемых компонентов имеет собственную историю развития, причем изменения в одной сфере, скажем в области развития средств пропаганды, далеко не всегда сопровождалось адекватными изменениями в других сферах, например передвижениями в сфере кадров. Исходя из сказанного, можно выдвинуть следующие возможные причины недостаточной эффективности пропаганды:

1. Содержание ее недостаточно разработано,

оно не вполне соответствует тому, что называется научной идеологией. Вместе с тем может быть нарушена соответствующая мера в соотношении трех названных выше уровней пропаганды — теоретическом, нравственно-эмоциональном и информационном, что также относится к сфере содержания пропаганды.

2. Содержание пропаганды достаточно разработано, но недостаточно усвоено самим субъектом пропаганды — пропагандистскими кадрами. Эта гипотеза вытекает из того обстоятельства, что между пропагандистской и теоретической работой существует определенное разделение труда, в результате которого и возможно подобное несоответствие.

3. Недостатки пропаганды объясняются не содержанием ее и не степенью понимания данного содержания субъектом пропаганды, а главным образом недостаточно умелым использованием ее средств.

4. Содержание пропаганды в достаточной степени усвоено аудиторией, и повторение уже усвоенных истин не вызывается какой бы то ни было необходимостью.

Эти причины недостаточной эффективности пропаганды формулируются здесь как предполагаемые. По-видимому, в каждом из отмеченных обстоятельств есть некоторая доля правды, но для практических целей руководства пропагандой и, следовательно, формирования общественного сознания необходимо уяснить, какая из указанных причин является главной в данный момент. Эта задача может быть выполнена в ходе эмпирического исследования в той мере, в какой удастся обнаружить адекватные критерии для проверки каждой из выдвинутых гипотез.

Одним из наиболее сложных вопросов исследования подобного рода является вопрос о критериях эффективности пропаганды в целом. Действительно, где найти эмпирические показатели того, что пропаганда достигла поставленной перед ней цели? Трудности здесь состоят в том, что и жизнь и пропаганда должны действовать в конечном счете в одном

направлении. А если это так, то в какой мере усвоение гуманистических ценностей и идей научной идеологии должно быть отнесено за счет пропаганды, как таковой, и в какой мере за счет жизни, т. е. всего того, что можно вынести за скобки пропаганды? И наоборот, например, существование преступности, низкая производительность труда и прочие нежелательные явления могут ли быть вменены в вину плохой постановке пропаганды, если этим явлениям содействуют объективные причины: необеспеченность средствами труда, влияние демографической волны и т. д. Это соображение заставляет саму пропаганду рассматривать на более широком социальном фоне, и одна из задач такого рассмотрения состоит в том, чтобы выявить реальное место пропаганды в жизни. Имеет ли система пропаганды, как таковая, именно то значение, которое ей сейчас придается, какова ее роль, скажем, в сравнении со школой, с искусством, с системой высшего образования, которые в значительной мере выполняют определенные пропагандистские функции. Еще до всякого исследования представляется бесспорным, что школа в сравнении с системой пропаганды играет несравненно большую роль в усвоении марксистской идеологии и гуманистических ценностей, поскольку она представляет собой основной институт, воздействующий на личность в период ее становления. В то же время значение, придаваемое общеобразовательной школе в сравнении с системой пропаганды, представляется неадекватным ее реальному влиянию.

Формулировка гипотез

Предшествующее изложение показывает нам, что логический анализ проблемы не является самоцелью. Он — определенное средство построения гипотез исследования.

Гипотезе вообще принадлежит громадная роль в развитии научного знания. Наблюдение, предположение и их проверка — таков общий путь движения научной мысли. «Наблюдение, — писал

Ф. Энгельс в «Диалектике природы», — открывает какой-нибудь новый факт, делающий невозможным прежний способ объяснения фактов, относящихся к той же самой группе. С этого момента возникает потребность в новых способах объяснения, опирающаяся сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений. Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон. Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов *в чистом виде* для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона»¹. Гипотетичность как момент теоретического исследования — неотъемлемый признак творческого отношения к теории. Отказ от гипотетических построений, постулирование готовых истин и «закономерностей» в последней инстанции, т. е. догматизм в его худшем виде, чужд марксизму. На основании достигнутого уровня знания в марксистской социологии появляются новые гипотезы, опирающиеся на определенные факты изменяющейся общественной жизни, на новые открытия в области общественных наук, гипотезы, не позволяющие теории превратиться в окостеневшую сумму догм.

Марксистский подход к гипотезе опирается на учение о соотношении абсолютной и относительной истин, преодолевающее крайности догматического и релятивистского понимания процесса познания. Положения о том, что «всякая абсолютная истина складывается из бесконечной суммы истин относительных» и что «всякая относительная истина содержит в себе зерно абсолютной истины», означают отсутствие резкой грани между теорией и гипотезой.

Зачастую на начальном этапе исследования возникает вопрос: можно ли обойтись без гипотез и ориентировать исследование на простое описание данных? В принципе, разумеется, можно пойти и по такому пути, но при этом следует иметь в виду,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 555.

что формулировка гипотезы способствует более четкой исследовательской ориентации, эта процедура направлена по сути дела на то, чтобы отделить известное от неизвестного и вычленив в самом неизвестном некоторые наиболее важные для исследования точки и ориентиры. Отказ от формулировки гипотез, как правило, снижает теоретический уровень исследования, являясь иногда результатом некоторой лености мышления, не желающего заняться самоанализом. Дело в том, что в любом исследовании гипотеза присутствует в качестве неосознанного, скрытого мотива. Она далеко не всегда формулируется по тем или иным соображениям, поэтому формулировка гипотез — перевод их из неосознанной формы в явную и четко выраженную — способствует более глубокой постановке задач, связанных с дальнейшим поиском материала.

Можно выделить три типа гипотез, формулируемых в практике социологического исследования. Во-первых, это гипотеза на количественные соотношения; во-вторых, гипотеза на объяснение, на выявление значения факторов или элементов системы; в-третьих, гипотезы прогнозирующего типа, обязательным элементом которых является некоторое предсказание, предвидение.

Предложенная классификация типов гипотез идет по степени их усложнения. Наиболее просто формулируется *гипотеза на количественные соотношения*, которые встречаются при изучении того или иного объекта, той или иной социальной проблемы. Например, если мы рассматриваем такую проблему, как роль системы высшего образования в подготовке и формировании кадров, и изучаем в этой связи состав студенческой аудитории, то можно предположить, что в педагогических вузах подавляющее большинство студентов будут женщины; если же мы имеем дело с техническими вузами или с партийной школой, то здесь можно ожидать, что значительную долю учащихся будут составлять мужчины. Такие предположения можно делать исходя из определенных соображений, еще не зная состава аудитории школы или института.

Но здесь мы сформулировали гипотезу еще с достаточной степенью осторожности — мы просто указали на то, кого будет меньше, кого больше. Можно было бы сформулировать и более точно. Скажем, можно было предположить, что в педагогическом вузе 87% студенческой аудитории будут составлять женщины. Такое доведение предположения до определенных количественных показателей в процентном отношении очень важный момент в формулировке гипотезы.

Чтобы оценить достоверность реальных результатов социологического исследования, прибегают к такому приему: тем людям, которые заинтересованы в этом исследовании, предлагают сформулировать определенные гипотезы на количественные соотношения еще до его начала, а потом выяснить, насколько этот прогноз руководителя или эксперта был правилен или неправилен.

Гипотезы на количественные соотношения могут быть сформулированы в двух вариантах: в смысле большей или меньшей доли такой-то группы в данной совокупности, или же в четкой количественной форме, в точных количественных показателях.

Имеется и третий вариант гипотез на количественные соотношения, состоящий в предварительной ранжировке интересующих нас признаков.

Так, например, при исследовании бюджета времени партийного работника предполагаемая последовательность различных статей бюджета рабочего времени в зависимости от объема затрат времени была сформулирована следующим образом:

- 1) участие в совещаниях;
- 2) групповые и индивидуальные беседы;
- 3) работа с документами;
- 4) теоретическая подготовка;
- 5) работа в первичной партийной организации;
- 6) телефонные разговоры.

При сравнительном анализе недельного бюджета времени ответственных работников партийного аппарата двух РК КПСС (А и Б) выяснилась следующая картина:

Статьи бюджета рабочего времени	В часах на одного человека в неделю		В % к рабочему времени	
	А	Б	А	Б
1. Работа с документами	12,9	15,2	26	33
2. Индивидуальные беседы	9,3	6,8	19	15
3. Работа в первичных партийных организациях	7,0	5,6	14	12
4. Участие в совещаниях и групповые беседы	6,5	4,6	13	10
5. Телефонные разговоры	5,2	3,3	10	7
6. Теоретическая подготовка и чтение газет	2,8	4,2	5,6	9

Как видно, предварительное предположение о последовательности видов деятельности в значительной мере не оправдалось. На первое место при анализе данных исследования вышла работа с документацией, причем главным образом работа над составлением и оформлением различного рода документов, вопреки предположению о том, что первое место займут совещания и беседы с людьми.

Гипотезы второго рода — *гипотезы на объяснение*.

Здесь надо не просто сформулировать, каковы количественные соотношения тех или иных групп населения, или определить последовательность видов деятельности, а попытаться объяснить, почему происходит так, а не иначе, какие факторы определяют именно такое, а не иное соотношение данных групп в исследуемом объекте.

Сложность формулирования гипотез этого рода связана со сложностью самой логической процедуры объяснения, сложностью того, что мы понимаем под объяснением. Объяснить что-либо означает ответить на вопрос, почему так, а не иначе, выяснить причины интересующих нас процессов и явлений. Но причинность в социальной области носит очень сложный характер. Прежде всего эта сложность состоит в том, что здесь никогда соответствие причины и следствия не выступает однозначно: мы никогда не имеем такого положения,

чтобы данное явление вызвало последующее явление обязательно в одной и той же форме, потому что в причинность данного социального явления вплетается не один, а много факторов, и если некоторые из них остаются более устойчивыми, то другие будут более изменчивыми и подвижными.

Вторая трудность состоит в уровне проникновения в причинные связи. Так, при объяснении причин текучести рабочей силы можно остановиться на уровне выяснения мотивов ухода рабочих или причин неудовлетворенности работой на обследуемых предприятиях, а можно пойти дальше к выяснению тех институционных сдвигов, которые обусловили данную мотивацию. Оба уровня будут иметь значение, но гипотезы должны носить несколько различный характер.

Третья группа гипотез — *гипотезы на предвидение или предсказание*, содержащие элементы определенного прогноза.

Эти гипотезы носят еще более сложный характер, так как, прежде чем прогнозировать относительно какого-либо явления, надо обязательно раскрыть механизм его причинных связей, не только знать причины, вызывающие данный процесс, но и высказать определенные предположения относительно того, как в дальнейшем пойдет ход событий, как, например, в будущем будет изменяться отношение к труду.

На этом примере очень хорошо видна трудность формулирования подобного рода гипотезы. Даже если допустить, что содержательность труда играет определяющую роль в отношении к труду, надо в то же время учитывать, что сама содержательность труда или само содержание труда развиваются в различных направлениях.

В одном случае это развитие может идти по линии обогащения содержательности труда, увеличения его разнообразия, особенно там, где происходит внедрение определенных научных знаний, где требуется все большая и большая сообразительность, смекалка, подготовка, ответственность и т. д., в другом случае развитие содержания труда идет

по линии упрощения трудовых функций и сопряжено с известными моментами дегуманизации труда.

Одновременно в различном направлении могут развиваться такие факторы, как заработная плата (все большая дифференциация оплаты труда в одних отраслях и нивелировка в других) и использование свободного времени (рациональное и нерациональное использование его при общем увеличении бюджета времени).

Центральная трудность в формулировании гипотезы — это обеспечение четкости, специфичности ее формулировки. Для этого необходимо добиться ясности и четкости понятий, которые мы употребляем при формулировании гипотезы. Об этом мы говорили выше, когда рассматривали вопрос об операциональном определении. Помимо эмпирической интерпретации понятий важно иметь в виду, что на всем протяжении исследования то или иное понятие должно оставаться однозначным.

Можно сформулировать следующее правило, важное для конструирования гипотез, особенно гипотез на прогнозирование: чем более расчлененными и определенными являются термины, в которых формулируется гипотеза, тем труднее и вместе с тем значимее оказывается предвидение, и наоборот.

Чем, например, можно объяснить успех гадания? Если проанализировать тот аппарат, с которым «работают» гадалки, — «казенный дом», «дальняя дорога» и т. д. — то можно заметить, что каждый из употребляемых ими терминов многозначен, его можно трактовать как угодно: казенный дом — это может быть больница, гостиница или какое-нибудь учреждение. У каждого человека понятие «казенный дом» вызывает свои ассоциации. Благодаря тому что оно весьма неопределенно и каждый подставляет в него близкие ему значения, по большей части и оказывается, что в общем предсказание как будто достоверно. Но это общее предсказание не имеет реальной ценности, так как в нем нет указания на специфические обстоятельства. Следовательно, термины, которые мы употребляем при фор-

мулировании гипотезы, должны быть с максимальной тщательностью проанализированы и определены.

Очень часто ошибка, которую допускают в своих исследованиях начинающие социологи, состоит в том, что признак исследуемого явления смешивается с фактором, который обуславливает данное явление.

Для пояснения этой мысли обратимся к примеру. Скажем, при изучении отношения к труду следует ли участие в рационализации и изобретательстве рассматривать в качестве фактора, влияющего на формирование этого отношения? Как бы сильно не было искушение на этот счет, все же следует признать, что движение рационализаторов скорее является признаком того или иного отношения к труду и само по себе обуславливается определенными факторами. Если мы будем рассматривать данный признак в качестве внешнего фактора, обуславливающего определенное отношение к труду, мы должны будем принять следствие за причину, а причину за следствие. Конечно, движение рационализаторов (если брать данный пример) оказывает обратное влияние на существующее отношение к труду. Однако это воздействие вторичного порядка.

Еще одно соображение, которое следует учитывать при формулировании гипотезы, — возможность ее проверки, установления истинности данной гипотезы не только с точки зрения чисто теоретической, но и с точки зрения тех организационных и технических возможностей исследования, которыми мы располагаем. Необходимо в самом начале исследования иметь в виду, каким образом может быть подтверждена или опровергнута выдвинутая гипотеза: такая-то совокупность данных будет означать, что гипотеза подтверждена, а такая-то свидетельствовать, что мы ошиблись в наших предположениях.

План исследования: разведывательный, описательный, экспериментальный

Мы попытались сформулировать основные положения, составляющие содержание программы исследования. Остается высказать лишь несколько соображений относительно составления плана исследования, в котором мы определяем некоторую последовательность процедур во времени, рассчитываем те силы, которыми располагает исследовательский коллектив, технику, которая будет привлечена, и т. д. Все эти вопросы относятся уже не столько к составлению программы исследования, сколько к составлению плана.

В зависимости от плана мы можем выделить три типа исследований:

1. *Разведывательные исследования* — характеризуются отсутствием четкого представления об исследуемой проблеме или области, когда одна из задач состоит в том, чтобы прощупать возможности изучения данной проблемы.

В исследовании подобного типа могут быть поставлены следующие задачи: четкая формулировка проблем, уточнение понятий исследования, разработка гипотез; здесь же выясняются возможные источники получения информации по анализируемым вопросам; наконец, в исследовании разведывательного типа отрабатывается методика, проверяется восприятие анкеты, плана интервью, уточняются формулировки вопросов. Такое исследование не претендует на полноту рассмотрения вопроса, на репрезентативность полученного материала. Оно может осуществляться на очень небольшом массиве. Излюбленный метод такого рода исследования — интервью с экспертами.

На этом этапе, как правило, происходит примерная оценка материальных средств исследования, определяются нормативы затрат рабочего времени, делается расчет работ в человеко-часах.

Так, например, чтобы произвести сбор и обработку материала по недельному бюджету времени, требуется — даже при условии готовой методики — провести следующие виды работ:

1. Договориться с соответствующими организациями и уполномоченными лицами об обследовании, получить их разрешение и согласие.

2. Подготовить инструкторский состав.

3. Провести инструктаж обследуемых, включающий в себя убеждение обследуемых в целесообразности ведения самофотографии.

4. Сбор материала и проверка записей в дневниках обследуемых.

5. Кодирование полученного материала (2 человека кодируют за один рабочий день 4—5 недельных бюджета).

6. Составление программы машинной обработки.

7. Ввод информации в машину и вывод ее.

8. Анализ полученных данных.

9. Описание материала.

Совершенно очевидно, что все эти операции выражаются в определенном количестве человеко-часов рабочего времени людей с различной подготовкой и различным уровнем квалификации. Операции 1, 2, 3, 8, 9 требуют ответственности и социологической квалификации. Операции 4 и 5 могут быть выполнены людьми без особой профессиональной подготовки, скажем учащимися старших классов и студентами вуза. Здесь необходимы такие качества, как добросовестность, внимательность и прилежание.

Операции 6 и 7 требуют знания современной электронно-вычислительной техники.

Вся эта последовательность операций может быть определена именно в ходе пробного исследования, оно должно помочь рассчитать силы и средства, чтобы затем приступить к использованию отработанной методики и процедуры в массовом масштабе.

Второй тип исследований — *исследование, выполненное в плане описания изучаемого явления* (дискриптивное исследование). Главная задача в

нем — собрать весь имеющийся по рассматриваемому вопросу материал. Преимущественное внимание обращается при этом на статистические данные.

В этой связи следует заметить, что состояние государственной и ведомственной статистики по многим вопросам, связанным с различного рода социальными проблемами, оставляет желать лучшего. Особенно это касается моральной статистики — статистики преступности, бракоразводных дел, употребления алкоголя, статистики профессиональных заболеваний и т. д. Существует масса предубеждений, связанных со сбором и публикацией подобного рода статистических данных. Одно из них основывается на том соображении, что публикация подобных материалов может быть использована буржуазной пропагандой. Нам представляется, что публикация этих данных имеет гораздо больший положительный эффект, связанный с тем, что значительная часть населения осознала бы важность тех или иных проблем и включилась бы в работу по искоренению нежелательных явлений.

Третий тип связан с так называемым *экспериментальным планом исследования*¹. Здесь понятие эксперимента употребляется не только в обычном, повседневном смысле, но и в смысле логической процедуры, направленной прежде всего на проверку тех или иных предположений или исходных гипотез.

Само понятие эксперимента пришло в общественные науки из естественных наук. В достаточно четкой форме оно было потом сформулировано в логике. В частности, известный английский логик Д. С. Милль разработал схему, основанную на обобщении естественнонаучной экспериментальной процедуры.

Схема эта может быть проиллюстрирована следующим образом:

$$X \rightarrow (+ Z)$$

$$Y \rightarrow (- Z)$$

¹ Подробный анализ проблем социального экспериментирования см. в кн.: Р. В. Рывкина и А. В. Винокур. Социальный эксперимент. Новосибирск, 1968.

Два ряда явлений, обозначаемые как X и Y , влекут за собой различные или даже противоположные последствия $[(+Z)$ и $(-Z)]$. Однако X и Y могут быть представлены как

$$X = (ABC) \rightarrow (+Z)$$

$$Y = (AB - C) \rightarrow (-Z)$$

Это означает, что между рядами событий X и Y имеются как определенные элементы сходства, так и определенные элементы различия (C и $-C$). При выяснении противоположного эффекта $(+Z)$ и $(-Z)$ необходимо выявить как те, так и другие обстоятельства и различия в результате рассматривать как следствие расхождения в основаниях.

Экспериментальный план предполагает проведение двух серий наблюдений. Первая серия называется экспериментальной, вторая — контрольной. Обе серии организуются таким образом, чтобы выявить элементы сходства и различия в исследуемых рядах событий. Ряды выравниваются между собой по тем признакам, которые в данный момент не подлежат изучению, исследуемый же фактор выделяется в возможно более чистом виде.

Такова логика естественного эксперимента. Во многих областях естествознания подобная процедура является общепринятым и весьма эффективным способом исследования. Нет оснований полагать, что в социологическом исследовании подобная логика рассуждения по каким-либо причинам неприменима.

В конкретном исследовании эта логика применяется в условиях непосредственного наблюдения, несмотря на то, что условия социологического эксперимента существенно отличаются от любого опыта в физике, химии, биологии. Основное отличие — трудность обеспечения чистоты действующих факторов и невозможность искусственной изоляции наблюдаемого процесса.

Эта трудность преодолевается различными путями: во-первых, с помощью так называемого логического эксперимента, т. е. серии наблюдений такого типа, при котором принцип и общая логика экспериментального плана выдерживаются без

всяких условий искусственной изоляции наблюдаемых признаков. Во-вторых, в области социологии малых групп, социологии пропаганды и ряде других областей используется и искусственный эксперимент, связанный с изоляцией наблюдаемого коллектива в искусственных условиях.

Третий способ реализации экспериментального плана состоит в рассмотрении естественных изменений в виде искусственных, т. е. незапланированные исследователем изменения, совершающиеся независимо от воли и желания наблюдателя, можно рассматривать в качестве как бы заданных и собирать материал, связанный с влиянием подобных изменений. Так, переход промышленного предприятия на новую систему планирования и оценки результатов его деятельности в связи с экономической реформой могут рассматриваться именно таким образом.

Эти три способа не исчерпывают всего многообразия приемов, составляющих процедуру и план экспериментального исследования.

Исследование ленинградских социологов отношения к труду рабочей молодежи также может быть представлено в виде осуществления экспериментального плана исследования. Основным признаком, подлежащим изучению, был признак содержания и характера труда. В соответствии с поставленной задачей выборка обследованных осуществлялась по экспериментальному плану.

Отношение к труду обследуемых рабочих, не отличающихся друг от друга по ряду признаков (возраст, занятость в промышленности), рассматривалось как бы под воздействием изменений в содержании и характере труда. Изменение картины отношения к труду фиксировалось, и на основании ее изменения делался вывод о влиянии именно этого фактора на отношение к труду.

Особенность данного исследования и его преимущество состояли в том, что исследование проводилось единовременно, благодаря чему осуществлялся как бы единовременный срез отношения к труду в различных профессиональных группах.

Наряду с подобным планом можно было бы

представить себе фотографию двух состояний отношения к труду в различное время, но в этом случае гораздо труднее интерпретировать полученные различия только за счет исследуемого фактора.

Как бы то ни было, центральная задача экспериментального плана исследования состоит в последовательном элиминировании (выравнивании, устранении влияния) анализируемых признаков. Эта задача может быть проиллюстрирована на следующем примере. Возьмем два исследуемых признака: пол и возраст. Задача состоит в том, чтобы выяснить влияние этих признаков на какой-то третий, скажем на оценку кинофильма «Анна Каренина». Вначале мы находим такую аудиторию, которая просмотрела интересующий нас фильм. В этой аудитории есть люди разные и по возрасту, и по полу. Если мы хотим выяснить влияние различий по полу на восприятие фильма, то мы должны провести опрос среди лиц одной и той же возрастной группы, скажем сравнить оценки двадцатилетних мужчин и женщин. Процедура выделения только данной возрастной группы и называется в статистике элиминированием — устранением влияния возрастных различий; если нас интересует влияние возрастных особенностей, то мы рассматриваем различия в восприятии фильма только у девушек различного возраста или только у юношей различного возраста.

Даже на этом простейшем примере видны трудности, связанные с экспериментальным планом исследования.

Во-первых, сразу же бросается в глаза различная вариабельность каждого из рассматриваемых факторов: по полу все обследуемые могут делиться только на два признака, по возрасту — на сколько угодно групп. В первом случае границы определяются естественными признаками, во втором — этих естественных различий уже недостаточно.

Дело в том, что когда говорят о влиянии возраста на восприятие тех или иных явлений, то в действительности имеют в виду нечто совсем другое. Исследователя-социолога интересует не столько биологический возраст человека или группы,

сколько возраст социальный — аккумуляция определенного жизненного опыта в сознании поколения. Где же проходят границы поколений? И отцы и дети существуют в большей части возрастных групп, и вряд ли целесообразно устанавливать границы поколений в зависимости от возможности или невозможности стать родителями. Границы поколений в современных общественных условиях устанавливает сама история: мы говорим о поколении людей, переживших революцию, гражданскую войну, индустриализацию, Великую Отечественную войну и т. д. и т. п. Каждая из этих возрастных групп несет с собой определенный опыт, формирующий сознание, способ восприятия действительности, отношение к жизни, ценностные ориентации. Не вдаваясь дальше в проблему возраста и поколений, следует заметить, что здесь открываются довольно большие возможности произвола в группировках и формалистического подхода в определении возраста, как такового.

Вторая проблема — достаточно обоснованное выделение факторов. Мы сознательно взяли простой пример с кинофильмом «Анна Каренина», чтобы показать сложность вопроса. С одной стороны, при исследовании мы должны постоянно учитывать и особенность возраста, и особенность пола, это следует принять как элементарное правило. А с другой стороны, на восприятие кинофильма «Анна Каренина» гораздо большее воздействие оказывают иные факторы: образование, общий уровень культуры; немаловажным обстоятельством может оказаться и тот факт, читал ли зритель фильма роман Толстого и смотрел ли он картину «Летят журавли». Заметим, что оба последних факта могут быть сопряжены и с возрастом, и с образованием. Нам может казаться, что мы обнаруживаем весьма существенные различия в отношении к фильму в зависимости от возраста, а на самом деле люди старшего поколения успели посмотреть Татьяну Самойлову в «Летят журавли», а люди младшего поколения этого сделать не успели.

Поскольку подобным переkreщиваниям и пересечениям несть числа, то оказывается, что ответ

на проблему во многом зависит от постановки самого вопроса, от того, насколько полно мы сумели учесть все эти многообразные обстоятельства, формулируя программу исследования. В данном случае, по-видимому, можно и следует задать вопрос: а для чего нам необходимо выяснить отношение к фильму «Анна Каренина»? Что нас здесь интересует прежде всего: исполнительское мастерство актрисы и понимание его зрителем, практические потребности кинопроката, общий уровень развития эстетической культуры зрителя или еще какие-либо задачи? Когда вопрос поставлен так, то видно, что решение задачи может быть осуществлено различными путями, а не только опросом по поводу восприятия данного фильма. Восприятие фильма должно быть проинтерпретировано в связи с общими целями и задачами исследования, а мы между тем вернулись к тому, с чего начали настоящую главу...

Глава III

Сбор материала

1

Выборка в социологическом исследовании

После того как определена проблема, сформулированы исходные понятия темы и выдвинуты гипотезы, подлежащие проверке в ходе исследования, надлежит заняться выборкой. Выборка представляет собой известную часть общей процедуры социологического исследования, в задачу которой входят определение объекта исследования и выделение конкретных единиц наблюдения для последующего сбора научной информации. На первый взгляд идеальный вариант в любом исследовании состоял бы в том, чтобы обследовать все относящиеся к делу объекты. Но этот идеальный вариант никогда или почти никогда не может быть осуществлен. Дело в том, что сбор информации сопряжен с целым рядом организационных трудностей. Для того чтобы провести обследование, требуются определенный аппарат, который был бы в достаточной степени подготовлен для сбора информации, рабочее время на сбор материала, материальные средства, для того чтобы отпечатать методики опроса и чтобы обработать собранный материал. Причем, чем больше объем исследования, тем больше требуется средств для его организации. Трудности организации исследований можно легко понять, если вспомнить опыт проведения переписей населения. Не случайно они организуются сравнительно редко¹. При-

¹ Наиболее известными являются следующие переписи, проводившиеся органами государственной или профсоюзной статистики:

чем каждый пункт, включаемый в программу исследования, тщательно обсуждается. Имея в виду затраты, необходимые для проведения обследования, можно сформулировать правило, которое оказывается некоторым обобщением практического опыта в этой области: «Чем больше объем выборки, тем меньше показателей должно быть включено в программу сбора материала».

Но помимо практических трудностей, с которыми сталкивается исследователь при организации сплошного обследования, имеется и еще одно немаловажное соображение, обосновывающее необходимость именно выборочных исследований. Дело в том, что многие проблемы могут быть решены с достаточной степенью точности без обращения ко всем объектам наблюдения. Социальные явления характеризуются определенной повторяемостью и тождеством, обуславливающим возможность формулировки окончательных выводов на основании анализа сравнительно ограниченного материала.

Все эти обстоятельства объясняют тот факт, что социологические исследования осуществляются главным образом на базе выборки.

Теория выборки представляет собой важную часть любого курса статистики, а эта часть наиболее тесно связана с теорией вероятностей¹. Мы не будем касаться здесь самых сложных ее разделов, а рассмотрим вопросы выборки лишь под углом зрения практических потребностей организации конкретного социологического исследования.

Рассмотрим прежде всего основные понятия, с которыми мы сталкиваемся при организации выбо-

1918 г. Промышленная профсоюзная перепись.

1920 г. Всероссийская перепись населения.

1922 г. Промышленная перепись.

1923 г. Городская перепись.

1926 г. Всесоюзная перепись населения.

1929—1931 гг. Отраслевые переписи рабочих и служащих.

1932—1933 гг. Профсоюзная перепись.

1939 г. Перепись населения.

1959 г. Перепись населения.

¹ Более подробно см. в кн.: Ф. Йейтс. Выборочный метод в обследованиях и переписях. М., 1965.

рочного исследования. Такими понятиями являются «единица наблюдения», «генеральная совокупность», «выборочная совокупность», «обоснованность или надежность выборки», «репрезентативность выборки».

Единица наблюдения — непосредственный источник информации в социологическом исследовании, в качестве которого может выступать отдельный человек, группа лиц, организация или учреждение в зависимости от конкретных целей и задач исследования. Так, в многочисленных исследованиях общественного мнения в качестве единицы наблюдения выступает человек, к которому обращены анкета или интервью. В исследовании Кабо «Очерки рабочего быта» в качестве единицы наблюдения выступает семья, по определению автора являющаяся элементарной ячейкой быта¹. В сравнительных исследованиях бюджета времени партийных работников в качестве единицы наблюдения может выступать либо отдельный партийный работник, либо коллектив работников районного комитета партии в целом.

Под *генеральной совокупностью* в исследовании понимается вся совокупность единиц наблюдения, имеющая отношение к проблеме исследования, или же та совокупность единиц, которая обладает интересующим исследователя свойством. Зачастую исследуемая генеральная совокупность заранее ограничивается при формулировке темы исследования ввиду ее практической неисчерпаемости в самом широком смысле. Так, при исследовании проблем семьи в советском обществе теоретический интерес представляют все существующие в данном обществе семьи. Более того, поскольку все люди так или иначе связаны с семьей, поскольку даже холостяки либо являются членами родительской семьи в прошлом, либо стремятся создать семью в будущем, то все население могло бы быть объектом исследования. Поэтому в формулировке темы генеральная совокупность ограничивается либо определенным

¹ См. Е. О. Кабо. Очерки рабочего быта. Опыт монографического исследования. М., 1928.

социальным слоем, либо территориальной общностью, либо возрастными характеристиками, а иногда всеми этими параметрами, вместе взятыми. Таким образом, границы генеральной совокупности оказываются более строго заданными.

Выборочная совокупность представляет собой часть генеральной совокупности и подлежит непосредственному изучению по разработанной методике или программе сбора материала. Генеральная совокупность — это как бы резервуар, из которого черпается выборочная совокупность. В то же время по выборочной совокупности исследователь намерен сделать заключение о генеральной совокупности.

Центральная проблема теории выборки — это проблема соотношения обеих совокупностей, т. е. вопрос о правомерности экстраполяции выводов, полученных при анализе выборочной совокупности, на всю генеральную совокупность. От чего зависит степень адекватности обеих совокупностей?

Самый обычный вопрос, который ставит начинающий исследователь, — вопрос о том, сколько человек надо опросить, чтобы судить о мнении всех. Какой отрезок времени надо обследовать, чтобы получить картину бюджета времени, характерную для всей совокупности. Нужно сразу же отвести всякую попытку ответить на этот вопрос однозначно и правильно для всех случаев жизни. Такого ответа не существует. Для того чтобы получить представление о химическом составе всей воды на земле, достаточно исследовать одну молекулу. Чтобы получить ответ о химическом составе жидкости в данном бассейне, анализа одной молекулы уже недостаточно, вряд ли можно ограничиться даже каплей, так как можно предположить, что в различных частях этого бассейна будет наблюдаться различная степень насыщенности жидкости теми или иными растворами. Следовательно, объем выборки должен определиться, во-первых, задачами исследования; во-вторых, степенью однородности или гомогенности самой генеральной совокупности с точки зрения исследуемых нами свойств; в-третьих, при решении вопроса должна быть принята во внимание совокупность технических приемов осуществ-

вления выборки, тех средств, с помощью которых выборочная совокупность выделяется из генеральной.

Вопросы правомочности экстраполяции данной выборки на генеральную совокупность имеют два аспекта: а) проблему обоснованности или надежности выборки и б) проблему репрезентативности.

Несмотря на то что нет единого ответа на вопрос о количестве или доле выборочной совокупности по отношению к совокупности генеральной, этот вопрос приходится решать практически каждому, кто хочет проводить выборочное исследование. Как правило, оценка выборки проводится *post factum*, но ее можно произвести, лишь зная определенные параметры генеральной совокупности. Например, желая выяснить значение полученных данных об образовании рабочей молодежи, попавшей в выборочную совокупность, мы должны сопоставить их с данными об образовании молодежи города или страны. Но зачастую мы не располагаем подобными сведениями, более того, одна из задач исследования заведомо может состоять как раз в том, чтобы получить данные о генеральной совокупности хотя бы в некотором приближении. Таким образом создается своего рода замкнутый круг: чтобы оценить важность полученных выводов, нужно знать данные генеральной совокупности, а чтобы знать данные генеральной совокупности, нужно провести одно или серию выборочных исследований.

Этот круг имеет определенное математическое выражение. В статистике существуют формулы определения объема выборки. Так, объем случайной повторной выборки (n) исчисляется следующим образом:

$$n = \frac{\sigma^2 t^2}{\Delta^2}, \text{ где}$$

σ — дисперсия, или мера рассеивания исследуемого признака в генеральной совокупности;

t — коэффициент доверия;

Δ — предельная ошибка выборки.

Из формулы явствует, что объем выборки (n) тем больше, чем больше дисперсия исследуемого

признака (σ), с одной стороны, и чем большая степень точности (t), с другой стороны.

Но сама дисперсия может быть получена, если известны основные параметры генеральной совокупности. Поэтому практически и следует начинать исследование не с решения вопроса о репрезентативности выборки, а с вопроса об обоснованности ее. Главная задача при этом будет формулироваться следующим образом: каков должен быть объем выборки для того, чтобы произвести с нею все необходимые аналитические манипуляции с достаточно большой устойчивостью или надежностью итоговых показателей? Для этого делается грубая примерка схемы анализа: составляется макет таблицы достаточно сложного порядка и, исходя из количества ячеек этой таблицы, определяется примерный объем выборки. Скажем, таблица содержит три показателя в числителе и четыре в знаменателе. При стремлении заполнить ячейки по 10 единиц наблюдения мы получаем объем выборки в 120 единиц наблюдения. Здесь можно привести грубую примерку объема выборки для наиболее часто употребляемых таблиц:

$$\begin{aligned} 3 \times 4 &\approx 120 \\ 4 \times 4 &\approx 160 \\ 4 \times 5 &\approx 200 \\ 5 \times 5 &\approx 250 \\ 5 \times 6 &\approx 300 \text{ и т. д.} \end{aligned}$$

Поскольку анализ предполагает, как правило, сопоставление от трех до десяти аналогичных таблиц между собой, то оказывается, что пределы выборочной совокупности, обычно употребляемые в социологическом исследовании, колеблются в пределах от 360 до 3000 единиц наблюдения.

Что касается *репрезентативности выборки*, то она определяется по каждому из интересующих нас признаков отдельно. Два обстоятельства должны быть учтены при решении этой задачи: во-первых, сопоставлены средние показатели распределения выборочной и генеральной совокупности и, во-вторых, сопоставлены формы распределения этих показателей.

Так, при исследовании отношения к труду рабочей молодежи предварительно были получены данные о молодежи девяти промышленных предприятий по уровню образования, среднему заработку за последние три месяца и по характеру труда. Эти данные были приняты за показатели генеральной совокупности. Затем были рассчитаны данные выборки по тем же признакам. Оказалось, что в двух случаях — в заработной плате и характере труда — данные весьма близки друг другу (расхождения не превышают допустимые в этом случае 5% отклонения). В случае с образованием расхождения оказались более существенными, уровень образования в выборочной совокупности примерно на полгода превышал уровень образования рабочей молодежи в генеральной совокупности. Эти расхождения объясняются отчасти тем, что источником информации для генеральной совокупности служили картотеки отделов кадров заводов, данные которых в значительной степени отстают от реальных сдвигов в образовании. Совпадение средних еще нельзя рассматривать как доказательство репрезентативности выборки, поскольку одинаковые средние, как известно, могут быть получены за счет различной формы распределения.

Например, при одном и том же среднем из трех показателей могут наблюдаться по меньшей мере четыре вариации этих показателей (рис. 2).

При равенстве среднего показателя все четыре случая существенно различаются формой распределения. Поэтому при решении задачи на определе-

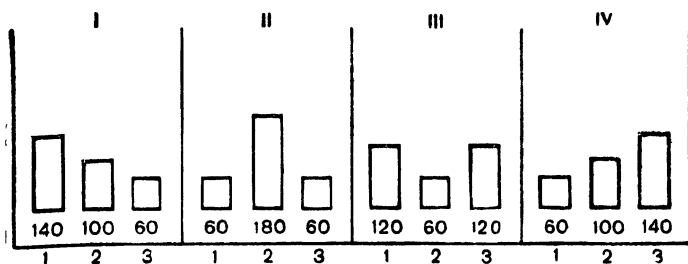

Рис. 2.

ние репрезентативности выборки необходимо учитывать форму распределения. Одним из наиболее важных показателей формы распределения и является дисперсия — величина, показывающая, сколь велики в обследуемой совокупности отклонения от средних показателей. Но этот показатель не всегда может быть рассчитан для генеральной совокупности из-за отсутствия исходных данных. Поэтому могут применяться косвенные способы расчета формы распределения. В исследовании отношения к труду рабочей молодежи применялся, в частности, следующий косвенный способ определения характера распределения: данные генеральной совокупности рассматривались по девяти предприятиям. Каждое из них сравнивалось с восьмью остальными по всем трем критериям. Отклонения оказались существенными только в трех случаях из 27. Смысл такого сопоставления состоит в том, что каждое из предприятий рассматривается в качестве подвыборки. Если между ними нет существенных расхождений, то это означает, что характер распределения признаков более или менее устойчив во всех ее частях. Далее задача состоит в том, чтобы сверить средние по каждому предприятию со средними выборочной совокупности. Оказывается, и здесь нет существенных расхождений. Следовательно, характер распределения в выборке и генеральной совокупности примерно одинаков.

Таким образом, определение репрезентативности выборки в данном случае состояло из трех этапов:

1. Сопоставление средних генеральной совокупности и выборочной совокупности.

2. Сопоставление средних показателей в основных подразделениях выборочной совокупности — между отдельными предприятиями.

3. Сопоставление средних показателей в подразделениях генеральной совокупности с показателями выборочной совокупности в целом.

Рассмотрим теперь вопрос о типах выборки в социологическом исследовании. В практике этих исследований известны три основных вида выборки, различающиеся между собой по способу отбора

единиц наблюдения. В каждом из этих типов имеются собственные трудности, связанные с оценкой достоверности и репрезентативности полученного материала. Типы эти следующие:

1. Случайная выборка — повторная и бесповторная.

2. Районированная выборка.

3. Выборка по принципу квот (допустимых долей).

Общая цель *случайной выборки* состоит в том, чтобы обеспечить равновероятность попадания в выборочную совокупность каждой единицы наблюдения. Главная забота исследователя здесь — не допустить преднамеренной ошибки, какого-либо заинтересованного искажения выборочной совокупности в сравнении с генеральной. Существуют более и менее сложные технические приемы случайной выборки. Простейший из них связан с наличием списочного состава обследуемых единиц наблюдения и расчетом шага выборки. Если нам известно, что нужно отобрать 10 человек из 100, то отбираться должен каждый десятый, и шаг выборки соответственно будет равен десяти.

Остается решить, каким образом должна быть выбрана первая единица наблюдения. Это можно решить либо способом жеребьевки, либо простым постулированием. (В последнем случае выборка называется механической.)

В случае, когда единицы генеральной совокупности пронумерованы, можно применять также таблицу случайных чисел¹.

Труднее осуществить случайную выборку, когда единицы генеральной совокупности не фиксированы и не имеют нумерации. В таких случаях принцип и организация отбора зависят как от самой проблемы, так и от остроумия и находчивости исследователя. Весьма интересный прием был применен Б. А. Грушиным при выявлении общественного мнения относительно динамики жизненного уровня: в один день были опрошены пассажиры поездов

¹ Таблица случайных чисел опубликована в сб. «Социальные исследования». М., 1965, стр. 100—101.

дальнего следования, отходящих со всех девяти вокзалов Москвы в самых разнообразных направлениях.

Схема выборки основывалась в данном случае на ряде допущений. Главное из них состояло в предположении, что все категории трудящихся равномерно представлены пассажирами, проезжающими через Москву.

Б. А. Грушин, оценивая примененную в этом опросе схему, замечает, что она «увенчалась полным успехом в смысле репрезентации различных экономико-географических районов страны. Результаты в этом отношении оказались даже гораздо значительнее, чем можно было ожидать. Организованная таким образом стихийная выборка дала ансамбль, в котором оказалось представленным население всех без исключения союзных республик, 15 из 19 автономных республик, всех 6 краев, всех 49 областей Российской Федерации, 19 областей Украины, 10 областей Казахстана, 6 областей Белоруссии и т. д.»¹.

Из описания Б. А. Грушина мы узнаем далее, что всего было собрано 1500 анкет. Это количество далеко не соответствует общему числу проданных билетов. Следовательно, в операцию выборки вклинилось второе допущение: отобранное количество пассажиров (способ отбора в данном случае не описывается) соответствует общему числу пассажиров по их основным социальным характеристикам. Чтобы обеспечить такое соответствие, в ходе выборки был образован условный средний пассажирский состав, характерный для СССР.

Для оценки выборки чрезвычайно важным является проверка истинности обоих допущений, причем с точки зрения содержательной стороны исследования весьма существенно не только территориальное представительство различных областей, но и представительство групп населения, различающихся по жизненному уровню и по социальному по-

¹ Б. А. Грушин. Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. М., 1967, стр. 372.

ложению. В проведенном исследовании обращают на себя внимание с этой точки зрения два обстоятельства. Во-первых, из 1500 собранных анкет в программу обработки было включено только 1399. Сравнительно большая доля была отброшена (автор не описывает условий выбраковки), во-вторых, обращает внимание распределение оставшегося массива по профессионально-социальным признакам: только 32 анкеты были заполнены колхозниками, что составляет несколько более 2% обработавшегося массива. Остальные группы были представлены следующим образом (в %):

рабочие — 34
инженеры и техники — 13
служащие — 33,3
военнослужащие — 7,5
учащиеся — 3,2
пенсионеры и домохозяйки — 6,5¹.

Весьма высокая доля военнослужащих и низкая доля колхозников свидетельствует о серьезном сдвиге всей выборки в сторону более высокого против среднего жизненного уровня населения и о недостаточной обоснованности первого допущения, положенного в основу выборки. Поставленный перед такого рода фактами исследователь приходит к положению о необходимости ограничить распространение выводов лишь на городское население страны, что вместе с тем никоим образом не ставит под сомнение остроту самого приема.

Районированная выборка — более распространенный прием в сравнении с собственно случайным способом выборки. Этот тип выборки в большей степени отвечает задаче логического эксперимента — сравнению исследуемых показателей в заданных группах. Генеральная совокупность при этом расчленяется на наиболее важные группы, и выборка осуществляется из указанных групп или районов. Поскольку при таком подходе ставится задача сравнения районов между собой, то соотно-

¹ См. Б. А. Грушин. Мнения о мире и мир мнений, стр. 370 (примечание).

шение этих районов, имеющее место в генеральной совокупности, в выборке заведомо искажается. Районированная выборка в строгом смысле является вместе с тем непропорциональной.

Этот прием был использован ленинградскими социологами в исследовании отношения к труду рабочей молодежи.

Главная задача здесь состояла в том, чтобы сравнить отношение к труду молодых рабочих, принадлежащих к профессиональным группам, различающихся по характеру и содержанию труда. Было выделено шесть таких групп (районов):

1. Профессии малоквалифицированного и неквалифицированного ручного труда без применения машин и механизмов, характеризующиеся значительной и постоянной физической нагрузкой (грузчики, кочегары, обрубщики, выколотчики, зольщики).

2. Труд на конвейере с принудительным ритмом работы, механизированный, требующий средней профессиональной подготовки (рабочие обувной промышленности, фрезеровщицы и затыжницы на конвейере по производству обуви).

3. Механизированный труд без принудительного ритма, требующий среднего уровня квалификации (токари, фрезеровщики, расточники, сверловщики и прочие станочники, операторы).

4. Рабочие, управляющие автоматическим оборудованием, но не имеющие навыков наладчиков, со средним уровнем квалификации.

5. Рабочие ручного квалифицированного труда, требующего специальной профессиональной подготовки, высокой квалификации (слесари всех типов, регулировщики, электромонтеры, наладчики станков).

6. Рабочие, совмещающие управление автоматическим оборудованием с его наладкой (пультовик-наладчики).

Замысел выборки состоял в том, чтобы обеспечить равновеликое представительство каждой из указанных групп в выборочной совокупности и провести сравнение между этими группами по степени удовлетворенности трудом, профессией, пониманию общественной значимости труда, отношению к зара-

ботку, по мотивам трудовой деятельности и т. д. Для реализации замысла был намечен организационный план выборки, исходящий из того, что отнюдь не все группы одинаковым образом представлены на обследуемых предприятиях.

Данные о распределении рабочей молодежи по характеру труда на первоначально отобранных семи предприятиях были суммированы в следующую таблицу, положенную в основу организационного плана выборки:

Распределение рабочей молодежи по характеру труда на семи предприятиях

(V и VI группы были объединены на первоначальном этапе исследования)

Пред- приятие	Характер труда					Итого
	I	II	III	IV	V	
1	76	1 175	756	19	74	2 100
2	151	1 137	39	—	3 943	5 270
3	109	1 031	590	18	—	1 748
4	107	1 193	730	—	—	2 030
5	551	783	360	21	—	1 715
6	322	668	307	12	—	1 309
7	16	55	344	—	—	415
Итого ...	1 332	6 042	3 126	70	4 017	14 587

Получив данные о распределении рабочей молодежи по характеру труда на обследуемых предприятиях и имея в виду задачу отобрать в каждой группе по 500 человек (исходя из соображения обоснованности), легко рассчитать шаг выборки. В данном случае его можно рассчитывать округленно с некоторым превышением против необходимого количества рабочих, поскольку при поиске рабочих встретятся дополнительные трудности. Руководствуясь этим соображением, следует отбирать:

- в I группе каждого 2-го молодого рабочего
- во II группе каждого 12-го молодого рабочего
- в III группе каждого 6-го молодого рабочего
- в IV группе каждого 8-го молодого рабочего.

IV группа оказалась представленной на обследуемых предприятиях недостаточно. Чтобы выдержать намеченный план выборки, целесообразно найти дополнительно предприятие, на котором будет достаточно широко представлен конвейерный труд.

Рассчитав шаг выборки, можно определить необходимое для обследования количество рабочих на каждом предприятии. Такой расчет и является собственно организационным планом выборки.

Заключительный этап выборки представляет собой механическую работу по отбору рабочих из картотеки отдела кадров путем занесения каждого *n*-го рабочего (в соответствии с шагом выборки) в подготовленную для этих целей форму, что составит в конце концов список выборочной совокупности.

Список выборочной совокупности выглядит в данном случае следующим образом:

№ п.п.	Фамилия, имя, отчество	Характер труда	Рабочий номер	Средняя выработка за 3 месяца (в проц.)	Среднемесячная зарплата за 3 месяца (в руб.)	Где работает
1	Червоткин Алексей Прокопьевич . . .	III	1 653	127	82	2-й цех, 1-я смена
2	Лебедев Виктор Николаевич	II	1 820	111	50	2-й цех, 1-я смена

С составленным таким образом списком интервьюер проходит к рабочему месту, разыскивает нужного ему рабочего и проводит опрос или договаривается с ним о времени и месте встречи, смотря по обстоятельствам. Данные о зарботке и о выполнении норм выработки вносятся в опрос в целях контроля точности информации со стороны рабочего.

Выборка по принципу квот также представляет собой вид районированной выборки, но особенность ее состоит в сохранении реальных соотношений генеральной совокупности по наиболее важным при-

накам. Это — районированная пропорциональная выборка, причем пропорции сохраняются не по одному, а по нескольким признакам: по полу, возрасту, уровню дохода, профессии, образованию. Выборка по методу квот предполагает два условия: достаточно широкую информацию по распределению всех этих признаков в обследуемой совокупности и наличие подготовленных для отбора выборочной совокупности специалистов-интервьюеров. В силу этих обстоятельств метод квот почти не применяется в советской социологической практике.

2

Общая характеристика и классификация способов сбора материала

В социологическом исследовании применяются многочисленные способы сбора материала, которые обычно группируются в три основных раздела: наблюдение, анализ документов и опрос. Каждый из этих способов имеет собственные преимущества и недостатки. Выбор методов сбора, точнее, расстановка акцентов на различных способах сбора информации зависит от постановки задачи исследования, от степени разработанности его программы. Разработка программы исследования завершается составлением «инструментария»: вырабатываются и в ходе пилотажных обследований подвергаются пробе, уточнению, усовершенствованию анкетные листы, карточки наблюдения, тесты и другие инструменты, с помощью которых будет осуществляться сбор информации. Все эти средства и инструменты должны отвечать главной задаче — с их помощью будет собираться материал для решения определенной проблемы. Отсюда становится ясно — и это важно подчеркнуть, — что наибольшее внимание необходимо уделять теоретической части исследования: формулировке проблемы, уточнению понятий, разработке гипотез и задач исследования и т. д.

Одна из наиболее часто встречающихся ошибок в социологических исследованиях состоит в том, что неопытный исследователь спешит начать с разработки методики, как правило, с составления анкеты, не удосужившись подумать о теоретической стороне дела. В этом, кстати, и заключается одно из проявлений эмпиризма в социологическом исследовании. Между тем именно постановка проблемы и обуславливает выбор тех средств, которые будут применены в ходе исследования; поэтому оценка методики экспертом не может быть произведена без учета теоретической разработки проблемы.

Так же как в вопросе с выборкой, в способах сбора информации не может быть предложено методики, годной для всех случаев жизни, для всех задач, возникающих в работе исследовательского коллектива.

В социологической литературе имеется ряд классификаций существующих методов сбора информации. Так, в работе Б. А. Грушина «Мнения о мире и мир мнений» мы встречаемся с интересной попыткой систематизации методов фиксирования общественного мнения.

Методы фиксирования общественного мнения¹

I. Методы изучения внешне объективированных фактов сознания

А. Наблюдение —	1) внешнее
	2) участвующее
Б. Анализ документов —	3) личных
	4) общественных
В. Анализ практических действий —	5) отдельных лиц
	6) масс

II. Методы изучения непосредственных фактов сознания (опросы)

Г. Беспрограммный опрос	
а) личный —	7) беседа на заданную тему
б) заочный (изложение на заданную тему)—	8) устный
	9) письменный (корреспондентский метод)

¹ См. Б. А. Грушин Мнения о мире и мир мнений, стр. 330.

Д. Программный опрос

а) личный —
интервьюирование
(индивидуальное или
групповое) —

10) протоколируемое
11) непротоколируемое

анкетирование (инди-
видуальное или груп-
повое) —

12) устное (интервью-анкета)
13) письменное
14) смешанное
15) письменный

б) заочный —

Следует заметить, что эта классификация может быть применена не только к методам фиксации общественного мнения, но и к методам сбора социологической информации в более широком смысле. Мы остановимся более подробно на всех этих методах в такой последовательности: опрос, анализ документов, наблюдение.

3

Опрос и его виды

Как правило, опрос является необходимым элементом социологического исследования. Это обусловливается спецификой комплексного подхода. Одна из сторон, которая должна быть непременно учтена в социологическом исследовании, — состояние общественного сознания в его многообразных и весьма сложных проявлениях в связи с изучаемой проблемой.

Помимо информации об общественном сознании опрос выполняет и иную задачу, являясь во многих случаях источником сведений об объективных процессах. Примером использования опроса в этом отношении являются переписи населения. Однако специфическим для социологического исследования является использование опроса в первом из указанных отношений.

Значение опросов никогда не отрицалось классиками марксизма-ленинизма. Более того, широко известен факт составления анкеты К. Марксом для французского журнала «*La Revue socialiste*»¹.

¹ См. К. Маркс. Анкета для рабочих. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 233—240

Анкета Маркса состояла из четырех разделов, характеризующих материальное положение рабочих, их функции в производстве, степень их организованности и уровень сознательности. Анкета содержала около ста вопросов.

Недоверие к анкетным опросам обосновывается нередко тем соображением, что здесь содержатся лишь «субъективные» данные.

Что же имеется в виду в этом случае под субъективностью? Главным образом те соображения, что, отвечая на тот или иной вопрос анкеты, опрашиваемый (респондент), во-первых, может быть недостаточно осведомлен о существе дела, во-вторых, он может быть неискренним. Действительно, в ходе опроса может встретиться и то и другое. Однако важно понять, что интересует социолога при проведении опроса. Очень редко бывает так, что социолог хочет получить от опрашиваемых какую-то информацию об истинном положении дел, которую он до сих пор не имел и которую он не может получить иным способом. В большинстве опросов речь идет о том, чтобы выяснить мнение обследуемой совокупности по какому-то кругу вопросов, выяснить отношение людей к тем или иным явлениям, событиям, ценностям, раскрыть таким образом состояние их сознания. Поэтому для социолога оказывается важным и то обстоятельство, в какой мере люди осведомлены и искренни при опросе.

Важно лишь установить степень искренности и осведомленности. При проведении опроса социолога интересует именно субъективная сторона дела, интересует, каким образом те или иные объективные процессы воспринимаются в сознании людей. Следовательно, возражение против опросов, основанное на упреке в «субъективности» данных, оказывается несостоятельным. Важно понять, что социолог рассматривает опрос как определенный вид поведения опрашиваемых, который вызывается искусственным образом — созданием ситуации опроса. Но в этой искусственной ситуации действуют реальные люди с реальными мотивами, установками, мнениями, ценностными ориентациями. Социолога как раз и интересуют те мотивы, которые об-

наруживаются в ходе опроса. Он видит две стороны в ходе всякого опроса. Конечно же, социолога интересует сам предмет опроса, но главным образом его интересует сознание опрашиваемого, то, каким способом он реагирует на предмет опроса, как он его воспринимает, понимает, переживает. Чем полнее учитывается эта вторая сторона дела, тем больше опрос отвечает своему назначению.

Приведем в качестве примера небольшую иллюстрацию. При изучении восприятия пропаганды был предложен следующий вопрос: «Не могли бы Вы дать оценку тех источников политической информации, которыми Вы пользуетесь, по 10-балльной системе (1 будет означать наиболее низкий балл Вашей удовлетворенности данным источником, а 10—самый высокий)?»

Опрос проводился в Ленинграде и Пензе, в каждом городе опрашивалось более тысячи человек. Приведенный график показывает, как распределены оценки источников политической информации в обоих городах (см. стр. 113, рис. 3).

На графике наблюдается удивительная на первый взгляд картина совпадения распределений в оценках, что свидетельствует об определенной устойчивости и надежности полученной информации. И это несмотря на то, что каждый из опрашиваемых руководствовался своими собственными «субъективными» мотивами, давая ту или иную оценку средствам политической информации. Но можно ли считать, что полученные оценки являются объективными? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно принять какую-то одну оценку, скажем 10-балльную, за «правильную», а остальные — за «неправильные». Но для такого выбора нет никаких оснований. Представляло бы определенный интерес сопоставить оценку опрашиваемых с оценкой участников пропаганды, но и в этом случае затруднительно ответить на вопрос, чья же оценка должна быть принята за истинную. Ценность полученной информации состоит здесь не в установлении истинной оценки источников пропаганды, а в том, что получена некоторая картина восприятия источников политической информации, характеризующая

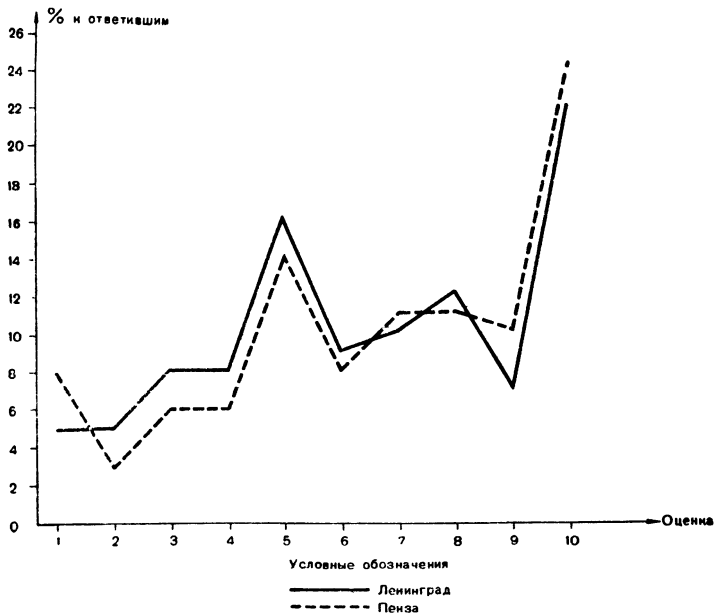

Рис. 3. Распределение оценок источников политической информации по 10-балльной системе.

не только сами эти источники, но и сознание опрашиваемых, их отношение к данным источникам. Объективной является не оценка источников политической информации, а обнаруживающаяся при опросе картина состояния сознания. Таким образом, опросы различного рода позволяют фиксировать состояние общественного сознания в данный момент, накапливать систематическую информацию, получаемую путем опросов по одним и тем же проблемам, позволяют вскрыть внутренние закономерности в развитии общественного сознания и выявить механизмы его изменения и развития.

Для решения этой задачи необходимы не только теоретически обоснованные методики отдельных опросов.

Сейчас создались условия и назрела необходимость добиться стандартизации методов опроса по наиболее важным направлениям. Складывающаяся

практика такова, что по одним и тем же проблемам проводятся совершенно разные опросы, в силу чего данные оказываются несравнимыми и несопоставимыми.

В зависимости от характера информации, которую необходимо получить, и от способов ее получения опросы делятся на две основные группы: анкетирование и интервьюирование. Анкетный опрос имеет, как правило, более широкую аудиторию, он в большей мере рассчитан на применение количественных методов обработки данных. Интервью рассчитано на меньшую аудиторию, на более подробную разработку программы опроса, на более детальный качественный анализ. Существует весьма широко распространенная промежуточная форма опроса — стандартизированное интервью. Эта методика рассчитана на заполнение опросного листа в присутствии опрашиваемого; в нем вопросы формулируются с достаточным единообразием, формулировки вопросов и ответов строго фиксируются в целях дальнейшего количественного сопоставления данных.

Остановимся более подробно на характеристике анкетного опроса.

Анкетирование

Прежде всего попытаемся дать классификацию вопросов анкеты в зависимости от их содержания. В принципе количество вопросов, которые могут быть заданы человеку, не ограничено. Однако, рассматривая анкеты, находящиеся в обращении, можно выделить некоторые группы вопросов, общие почти для всех анкет: о социальном положении опрашиваемого, или о его статусе; о его ролевых позициях; о мотивах его поступков; о возможном поведении в воображаемой ситуации (прожективные вопросы); об оценке им определенных фактов, событий, источников информации; о степени его информированности по какой-либо проблеме или по группе проблем; о его внутреннем состоянии — степени его удовлетворенности или неудовлетворенности своей деятельностью и т. д.

Каждая из перечисленных тем связана с определенными методологическими особенностями, поскольку все они касаются как бы разных сторон личности, ее социального положения, уровней мотивации и структур индивидуального сознания. Остановимся, далее, на выяснении содержания наиболее важных вопросов анкеты, на их значении для исследования и на тех методологических трудностях, которые возникают в связи с необходимостью контроля достоверности ответов.

Вопросы о социальном положении, или статусе, опрашиваемого иногда называют социально-демографическим паспортом. Минимальная информация содержит ответы на вопрос о поле, возрасте, профессии, уровне образования, семейном положении. Более подробная разработка направлена на выяснение квалификации, специальности, партийности, отношения к учебе, национальности, места жительства, материальных условий, как-то: тип жилища, размер жилплощади, размер заработка, количество членов семьи, доход на члена семьи. Еще более подробная характеристика социального статуса включает вопросы о жизненном пути опрашиваемого: о социальном происхождении, типе родительской семьи, профессии отца и профессии матери, об их образовании, о путях получения образования и приобретения профессиональной подготовки опрашиваемым, о прежних родах деятельности и т. д. и т. п.

Степень разработанности этой части анкеты, которая, как правило, помещается в конце опросного листа, зависит от конкретных задач исследования.

Наиболее подробные разработки применяются в исследованиях, связанных с изучением социально-психологических особенностей тех или иных профессиональных групп.

Для решения задач стандартизации уместно рассмотреть здесь некоторые вопросы. Так, при сравнительных исследованиях, профессиональных или социальных, целесообразно давать следующую классификацию:

— Рабочий

- ИТР на производстве: мастер, начальник участка, смены и т. д.
- ИТР в заводоуправлении
- Колхозник, рабочий совхоза
- Специалист сельского хозяйства
- Работник НИИ
- Партийный работник
- Преподаватель вуза
- Учитель
- Работник здравоохранения
- Работник советского учреждения, общественных организаций
- Работник торговли или системы обслуживания
- Студент
- Творческий работник: журналист, писатель, артист, художник и т. д.

Каждая из перечисленных здесь групп трудящихся может быть разбита на более мелкие подразделения. В данной классификации приводятся наиболее важные с точки зрения функциональных различий группы профессий и родов деятельности. Систематическое накопление информации о положении и образе мышления этих групп поможет в решении весьма важной теоретической проблемы о соотношении профессиональных и социальных различий в социалистическом обществе. Предварительная гипотеза здесь состоит в том, что отнюдь не все профессиональные различия являются одновременно и социальными. Но в то же время трудно провести резкую грань между теми и другими.

Когда профессиональные различия приводят к значительным различиям в образе жизни и образе мышления социальной группы, то они по сути дела оказываются социальными различиями. На вопрос о реальной границе этого перехода можно получить ответ только на основе глубокого анализа эмпирического материала. Разумеется, каждое исследование имеет определенный круг специфических задач, но обеспечение стандартизации позволило бы решить ряд вопросов, выходящих за пределы одного исследования.

Остановимся вкратце на общем значении самых элементарных вопросов о статусе опрашиваемого.

Даже информация о возрасте и о поле имеет социальное значение.

Различия между мужчиной и женщиной интересуют социолога прежде всего с той точки зрения, что и в условиях социализма сохраняются определенные профессиональные особенности мужского и женского труда. С этой точки зрения существующие профессии можно разделить на три группы: профессии смешанного типа, профессии преимущественно мужского труда и профессии преимущественно женского труда. В мужских и женских производственных коллективах складывается своеобразная социально-психологическая атмосфера. Положение мужчины и женщины существенно различается и вне производственной сферы — в распределении семейных обязанностей, в быту. Обнаруживается определенное различие между мужчиной и женщиной и в отношении к объединяющему их центральному социальному институту — семье.

Задача социолога состоит в выяснении субординации этих различий. Теперь уже совершенно очевидно, что равноправие мужчины и женщины в политическом и юридическом отношении не решает проблемы равенства полов. Выделение ведущей стороны в этих различиях — важная теоретическая задача. Можно предположить, что главная проблема состоит здесь не столько в производственной, сколько в семейно-бытовой сфере. Однако окончательное решение вопроса также предполагает накопление значительной информации и ее анализ.

В вопросах, связанных с возрастом, исследователь должен уяснить себе, что прежде всего его интересует — различия между поколениями или различия в пределах одного поколения? Причем под различием поколений следует иметь в виду также возрастные группы, которые аккумулируют в себе различный жизненный опыт, — поколение людей, непосредственно участвовавших в Великой Отечественной войне, естественно, отличается от того поколения, которое переживало войну в детском возрасте, а оно в свою очередь отличается от того, которое выросло в послевоенных условиях. Можно выделить еще ряд событий из истории страны, ока-

завших столь же существенное влияние на жизненный опыт различных поколений.

Вопросы о социальном статусе имеют различную степень достоверности и очевидности. Это обстоятельство должно быть учтено при оценке информации и способах ее контроля. Так, ответ на вопрос о поле респондента содержит в себе минимальную возможность искажения информации. Иное дело вопрос о заработной плате. Здесь следует иметь в виду, во-первых, возможности различного толкования самого понятия: анкета может иметь в виду номинальную заработную плату до вычета налогов, а отвечающий может считать, что его спрашивают о денежной сумме, получаемой им на руки. При опросе рабочих, служащих, инженеров, технического персонала встает вопрос о премиях и иного рода несистематических выплатах. Наконец, определенные трудности сопряжены и с месячным различием заработка. Отвечающие должны знать, спрашивают ли его о заработной плате за текущий месяц, о средней заработной плате за последние несколько месяцев (за сколько именно) или о среднем заработке за год. Поэтому вопрос о зарплате должен формулироваться с учетом всех этих возможных разночтений и толкований.

Итак, можно ожидать отклонения от реальной величины заработка при ответе на вопрос, если он недостаточно четко понят, если произошла элементарная ошибка при расчете заработка или дохода; наконец, опрашиваемый может поддаться склонности преуменьшить величину заработка или дохода, исходя из того соображения, что вдруг это окажет определенное влияние на увеличение его дохода; опрашиваемый может поддаться склонности завысить величину заработка, руководствуясь чувством престижа. Поскольку оба последних мотива действуют в противоположном направлении, то ошибка в распределении имеет тенденцию к угасанию. Однако в группах с разным уровнем дохода тот или иной мотив может возобладать, поэтому данные о размерах заработной платы на основании опроса не могут быть приняты за достоверные без хотя бы выборочной проверки. Вместе с тем при оценке дан-

ных опроса следует иметь в виду возможности сравнительного использования информации, допуская, что у однородных групп тенденции изучаемого отношения будут искажаться одинаковым образом.

Если вопросы о заработной плате, жилищных условиях, доходе на члена семьи и т. д. могут быть проверены на основании сопоставления с информацией, полученной путем наблюдения, то ряд вопросов о социальном состоянии, например вопрос о жизненном пути, не может быть проверен иными методами. Исследователь оказывается перед выбором: либо отбросить эту информацию, либо принять ее без дополнительной проверки на достоверность. Поскольку для социолога важен не индивидуальный случай — профессия родителей у конкретного рабочего, а массовое распределение — доля родителей определенной профессии у группы рабочих, то вопрос о дополнительной проверке может возникнуть лишь тогда, когда полученные данные оказываются непонятными и неожиданными.

Вторая группа вопросов, обычно включающаяся в любую анкету, — вопросы о ролевых позициях опрашиваемого, о его деятельности, о конкретных действиях и поступках, о решениях, принятых в определенной ситуации. Эти вопросы касаются прежде всего той стороны индивидуума, которая объективируется или объективировалась в определенных результатах. Таковы, например, данные о специальности, о служебном положении, квалификации, о положении в семье, об отношении к выборной общественной работе. Эти вопросы имеют много общего с первой группой — с вопросами о социальном состоянии (статусе). Ролевые позиции индивидуума как бы конкретизируют его социальное состояние, выделяя особенные моменты деятельности в пределах той же самой социальной группы. Однако ряд вопросов этой группы, связанных с выяснением прежних действий, поступков, участием в определенных ситуациях, обращен в прошлое, эти действия уже ненаблюдаемы, достоверность ответов здесь также не может быть обоснована непосредственным наблюдением. По сути дела социолог

здесь обращается к памяти опрашиваемого, и оценка достоверности этой информации может быть получена лишь при соотнесении содержания ответов со свойствами памяти. А память, как известно, в большей мере хранит необычное, нежели повседневное; в большей мере желательное, чем нежелательное. Простейшим примером вопросов такого рода может служить вопрос об источниках информированности опрашиваемого по какому-либо вопросу.

«Из каких источников и как часто Вы узнаете о политических событиях в жизни страны и за рубежом?»

Источник	Почти всегда	Часто	Иногда	Никогда
1. Газеты				
2. Журналы				
3. Радио				
4. Телевидение				

Казалось бы, в ответах не следует ожидать каких-либо отклонений от объективной действительности. Однако в силу отмеченного свойства памяти более интенсивно используемые источники будут обладать дополнительным коэффициентом усиления, который может быть высчитан лишь на основании специальных исследований.

Помимо вопросов, обращенных в прошлое, довольно большое распространение имеют вопросы, обращенные либо к будущему, либо к воображаемой ситуации. Они образуют третью группу вопросов, называемых прожективными. Вопросы подобного рода носят, как правило, вспомогательный характер, поскольку здесь выявляется так называемое вербальное поведение опрашиваемого, т. е. выясняется, как бы он посчитал нужным отвечать по поводу своего поведения, а не то, как он считает нужным себя вести или поведет себя в действительности. Эти три состояния должны различаться между собой при оценке ответов. Вопросы прожективного характера не могут быть приняты за прочное основание для оценок; одна из часто встреча-

ющихся ошибок связана с неумением различить вопросы различного типа. Так, в одном из исследований сопоставлялась готовность к подвигу читателей разных газет на основании распределения ответов на прямо заданный вопрос о готовности совершить подвиг во имя Родины.

Ответы на прожективные вопросы должны быть соотнесены либо с реальным поведением опрашиваемых, либо с ответами на другие вопросы непрожективного типа. Так, в ленинградском исследовании задавался вопрос:

«Если бы случилось так, что Вам снова пришлось выбрать специальность, избрали бы Вы свою нынешнюю специальность?»

1. Да.
2. Нет.
3. Не знаю.

Ответ на этот вопрос сопоставлялся с вопросом об удовлетворенности специальностью и о желании или нежелании ее сменить.

Еще один вид прожективного вопроса, часто используемого в социологических исследованиях, — выяснение предпочтения видов деятельности в условиях сокращения рабочего времени:

«Если бы сейчас был сокращен рабочий день и Ваше свободное время увеличилось, как бы Вы предпочли использовать это время?»

1. Более активно участвовать в общественной работе своего производственного коллектива.

2. Активнее участвовать в работе по месту жительства.

3. Больше читать политической литературы.

4. Пойти учиться в школу.

5. Пойти учиться в техникум или институт.

6. Больше времени отдавать учебе.

7. Заниматься рационализацией и чтением технической литературы.

8. Больше читать художественной литературы.

9. Чаше посещать музеи и выставки.

10. Чаше ходить в театр.

11. Чаше ходить в кино.

12. Заниматься каким-либо видом искусства (музыкой, литературным творчеством, живописью и др.).

13. Заниматься спортом.

14. Посещать различные спортивные зрелища.

15. Больше времени уделять любительским занятиям (например, фотографии, радиотехнике, филателии и др.).

16. Заниматься охотой, рыболовством
17. Заниматься туризмом.
18. Чаще смотреть телевизионные передачи.
19. Заниматься домашним хозяйством.
20. Больше времени проводить с семьей.
21. Найти еще какую-нибудь работу, чтобы побольше заработать.
22. Просто отдыхать, ничего не делая.
23. Чаще бывать на вечерах отдыха.

Распределение ответов на этот вопрос имеет смысл для сравнения соотношения ответов различных групп опрошенных; кроме того, эти ответы сопоставляются с реальными видами деятельности опрашиваемых. На основании такого сопоставления можно прийти к заключению относительно ценностных ориентаций опрашиваемых.

Четвертый вид вопросов — вопросы на уяснение мотивов отдельных поступков и действий или деятельности в целом. Эти вопросы по природе своей обращены к выяснению состояния сознания, намерений, целей, чувств и т. д. Это обстоятельство совершенно иначе ставит вопрос о достоверности информации. Достоверность в этом случае определяется вовсе не соответствием информации некоторой совокупности объективных данных, а ее соответствием состоянию сознания. Но о состоянии индивидуального сознания невозможно узнать — по крайней мере до тех пор, пока не совершится поступок, — иначе как через вербальное заявление, через высказывание. Достоверность, следовательно, индивидуального ответа в данном случае состоит в согласованности высказываний, выражений той же мысли в различных обстоятельствах. Вместе с тем и несогласованность не может служить окончательным опровержением истинности информации, так как сами мотивы и мнения о них опрашиваемого могут меняться от ситуации к ситуации даже на протяжении одного опроса.

Трудность положения социолога может быть проиллюстрирована следующим примером: рабочий указывает, что главным мотивом его ухода с предприятия была неудовлетворенность заработной платой. Даже если мы знаем, что рабочий на этом предприятии зарабатывал достаточно большую сум-

му, это не может опровергнуть истинности его заявления, так как неудовлетворенность величиной заработка может возникнуть и при относительно высокой заработной плате. Тот факт, что рабочий на новом месте работы получает столько же или даже меньшую сумму, конечно, может посеять сомнение в искренности его ответа, однако не может его опровергнуть окончательно — можно предположить ситуацию, что рабочий был дезинформирован о величине заработка на новом месте работы.

Для установления достоверности информации в данном случае существуют два способа: во-первых, достоверность индивидуального ответа может быть установлена лишь путем сопоставления ответов на «батарею вопросов» в одной и той же анкете на одну и ту же тему; во-вторых, ее можно установить путем вторичного обращения к опрашиваемому с тем же или с несколько измененным вопросом или же с интервью на ту же самую тему.

Социолога, однако, интересует не столько достоверность каждого индивидуального ответа, сколько достоверность массового распределения ответов. Эта задача решается путем повторных или параллельных обследований в одной и той же или аналогичных группах. Получение устойчивых данных в распределении мотивов может рассматриваться как достаточный критерий достоверности информации.

В качестве примера вопроса на выяснение мотивов можно привести вопрос о причинах ухода с предыдущего места работы из обследования причин текучести рабочей силы на ленинградских предприятиях.

«Каковы причины ухода с предыдущего места работы?»

1. Штурмовщина.
2. Много сверхурочных работ.
3. Много простоев.
4. Неправильное оформление нарядов.
5. Прочие неполадки в организации труда.
6. Несоответствие работы квалификации.
7. Несоответствие прежней работы склонностям.
8. Не было перспективы повышения разряда.
9. Физически тяжелая работа.
10. Грязная работа.

11. Однообразная работа
12. Вредные условия труда.
13. По состоянию здоровья.
14. Наличие ночной смены.
15. Небольшая продолжительность отпуска.
16. Плохие отношения с мастером, грубость.
17. Плохие отношения с административными работниками.
18. Плохие отношения в коллективе.
19. Не было условий для учебы.
20. Неудовлетворенность заработком.
21. Хотел перейти на повременную оплату.
22. Не было надежды получить жилье.
23. Отдаленность жилья от места работы.
24. Перемена места жительства.
25. Для ухода за детьми.
26. Невозможно устроить ребенка в детское учреждение.
27. Был уволен за нарушение трудовой дисциплины.
28. Прочие мотивы.

27 вариантов ответа плюс 28-й — прочие мотивы — были получены на основании предварительного опроса и совета экспертов.

При обработке и осмыслении ответов на подобного рода вопрос возникает ряд методологических трудностей, которые являются типичными в исследованиях мотивации.

Прежде всего вопрос направлен на выделение мотивов принятого решения. Но решение уйти с работы, как и всякое иное решение, как правило, формируется на основании не одного мотива, а на основании взаимодействия множества их. Взаимодействующие мотивы могут перекрещиваться: вредные условия труда, наличие одной смены, состояние здоровья. Уже на этом примере мы видим, что пересечение мотивов может носить весьма сложный характер и что их весьма трудно субординировать по степени общности. Если наличие ночной смены может быть компонентом вредных условий труда, то состояние здоровья — мотив совершенно иной природы, коренящийся не во внешних обстоятельствах работы, а во внутреннем состоянии организма. Трудность состоит в том, что одно и то же решение или действие может вызываться различной комбинацией мотивов. Следовательно, задача анализа не только проранжировать мотивы, что обычно делается, но и выявить наиболее типические, ус-

тойчивые комбинации мотивов для различных групп.

Вторая трудность заключается в том, что интенсивность одного и того же мотива может быть различной у разных лиц, поэтому простое количественное сопоставление здесь дает значительную потерю информации. Условно можно принять, что сила самого действия — решения идентична при уходе с работы каждого человека. Тогда вес данного мотива у человека, принимающего это решение в силу одного мотива, будет в 10 раз больше веса этого мотива у человека, который указывает его наряду с другими в числе десяти.

Наконец, третье обстоятельство, которое должно быть учтено при формулировке вопросов на выяснение мотивов,—степень сложности самого действия. Простейший пример, иллюстрирующий эту мысль, — вопрос из анкеты к читателю «Правды»: «Как бы Вы охарактеризовали причины, по которым Вы на этот год выписали «Правду»?» На первый взгляд вопрос задан о мотивах весьма элементарного действия — подписке на газету «Правда», но в действительности это действие — решение состоит из двух элементов: во-первых, подписчик принимает решение о подписке на газеты вообще; во-вторых, он делает выбор из ряда газет — подписывается именно на эту газету; в-третьих, он решает вопрос и о сроке на подписку, так что приведенный вопрос неудачен с точки зрения учета структуры самого действия. Гораздо правильнее выяснить прежде всего мотивы на подписку газет вообще, а затем ставить вопрос о мотивах выбора именно этой газеты.

Следующая группа вопросов связана с выяснением более глубоких сторон сознания и внутреннего мира человека, лежащих в основе мотивации индивидуальной деятельности. Это вопросы на выяснение установок, отношений и ценностных ориентаций личности. Последние выражаются в многообразных формах.

В анкетных опросах наиболее часто фиксируются такие способы их выражения, как:

суждения, в которых высказывается некоторое мнение респондента (суждения-мнения);

суждения-оценки, основанные на предпочтении того или иного выбора;

суждения-самооценки;

суждения, выражающие отношение к ближайшему социальному окружению;

суждения, выражающие отношение к социальным институтам и моральным нормам;

суждения, выражающие отношение к нравственным идеалам и ценностям.

Вопросы, выясняющие мнения, могут быть заданы в прямой форме: «Что Вы думаете о своем поколении?», или «Что Вы думаете о разведчиках будущего?», или «Ваше мнение о молодой семье?» (темы III, IV, V опроса Института общественного мнения «Комсомольской правды»). Прямая форма вопроса определяется тем, что в формулировку его входит предложение высказать собственное мнение или собственные мысли: «Что Вы думаете?» Часто вопросы на выяснение мнения задаются и в косвенной форме, связанной с выбором определенных, заранее сформулированных суждений.

Например, при выяснении отношения к политической информации вопрос задается таким образом:

«Какое из следующих четырех суждений Вы выберете?»

1. Содержание информации верное, но форма не отвечает содержанию.

2. Содержание информации верное, форма полностью ему соответствует.

3. Следует задуматься над содержанием информации, а форма для меня несущественна.

4. Следует серьезно подумать и над формой, и над содержанием информации.

Нетрудно заметить, что отобранные четыре суждения выражают различную степень критичности в восприятии информации. Второе суждение выражает полное принятие информации, четвертое — максимальную степень критичности, первое и третье — различные варианты переходного отношения от второго к четвертому.

Методологические проблемы, связанные с исследованием общественного мнения, достаточно подробно рассмотрены в литературе¹. Нам представляется целесообразным остановиться лишь на одном вопросе — о соотношении мнения реально функционирующего и выявляемого. В некоторых работах обнаруживается тенденция рассматривать данные любого опроса как выявление общественного мнения. Однако следует иметь в виду, что отнюдь не все стороны общественного и индивидуального сознания могут обнаруживаться в форме мнения. Мнение сравнительно поверхностная сторона сознания: оно выражает его рациональную, вербализованную, но отнюдь не достаточно устойчивую форму.

Хотя убеждение человека может быть выражено в форме мнения, однако это разноплановые явления психологии. Убеждения, ценностные ориентации, привязанности носят более глубокий характер, чем мнения. Мнение более подвижно и менее устойчиво в сравнении с убеждениями людей. На основании одних и тех же убеждений могут складываться различные мнения об одних и тех же событиях в зависимости от степени информированности и других, менее существенных обстоятельств.

Другая сторона дела состоит в том, что по определенным вопросам, задаваемым в анкете, мнение вообще может отсутствовать. Скажем, человек никогда не задумывался, о чем спрашивается в анкете, и не определил своего отношения к предмету опроса. Анкета впервые направила ход его мыслей в определенное русло, и, следовательно, она не выявляет уже сформировавшиеся мысли, а содействует их формированию. Здесь обнаруживается не столько актуальное, сколько потенциальное общественное мнение. Но для социолога гораздо больший интерес представляет актуальная его форма, получившая определенную законченность и устойчивость в качестве объективного факта сознания задолго до опроса и независимо от исследователя, его задач и установок. Общественное мнение в своей актуальной форме существует в виде «узлов сознания»,

¹ См. Б. А. Грушин. Мнения о мире и мир мнений

сквозь призму которых воспринимаются те или иные теоретические и практические знания, любая информация. Узлы сознания в качестве своего содержания, объекта отражения имеют, как правило, наиболее важные по своим историческим последствиям события социально-политической жизни общества. Осмысление этих событий происходит всеми имеющимися в распоряжении общества средствами и способами, и потому узлы сознания пронизывают собой все формы общественного сознания. Процесс осмысления наиболее важных исторических событий и представляет собой содержание духовной жизни общества в определенный период его развития.

В какой-то мере способствуют выявлению «узлов сознания» вопросы, касающиеся оценки определенных фактов, событий, социальных процессов.

Существует несколько способов выявления оценки с помощью анкеты. К числу наиболее распространенных принадлежит оценка с помощью количественной шкалы, оценка с помощью шкалы суждений и оценка на основе альтернативных выборов.

Оценочным суждением всех трех родов могут подвергаться любые отношения индивидуума: его собственная деятельность, отношение к внешним процессам, его сознание и понимание каких-либо фактов, событий и т. п. Поэтому вопросы на выявление оценки весьма распространенный вид вопросов в анкетах и интервью. С помощью такого рода вопросов может выявляться не только содержательная сторона отношения, но и интенсивность его.

В качестве примера оценки с помощью количественной шкалы может служить вопрос об источниках политической информации.

Шкала суждений также приводилась нами выше. Вопрос об отношении к содержанию и форме политической информации представляет собой также своего рода и ее оценку.

Оценка с помощью альтернативных выборов может быть проиллюстрирована следующим образом:

«Ниже перечисляются положительные и отрицательные характеристики политической информации. Прочтите их внимательно и выберите, обе-

дя кружком те из них, которые совпадают с Вашим мнением»:

1. Изложение доступно и доходчиво	1. Нет ясности в изложении материала
2. Содержит много новых сведений	2. Мало новой информации
3. Материал эмоционально насыщен	3. Материал излагается сухо
4. Логическая последовательность и обоснованность выводов	4. Недостаточная логическая обоснованность выводов
5. Живость и образность языка	5. Обилие речевых штампов
6. Насыщенность фактами	6. Мало фактов, много общих рассуждений
7. Умение правдиво объяснять трудные проблемы	7. Стремление обойти трудные проблемы
8. Грамотность изложения	8. Неряшливость изложения
9. Оперативность в освещении событий	9. Медленная реакция на события
10. Будит мысль, заставляет задуматься и выработать собственное отношение к излагаемым фактам	10. Не содействует формированию собственного отношения к излагаемым фактам
11. Носит характер полемики против враждебной идеологии	11. Нет полемической остроты
12. Доказательна в рассуждении	12. Изложение рассчитано на то, чтобы принимали на веру
13. Ставит спорные вопросы	13. Не ставит спорных вопросов
14. Не знаю	14. Не знаю

Следующая группа вопросов, выделяемая в анкетах, — это вопросы о непосредственном социальном окружении опрашиваемого — о коллективе,

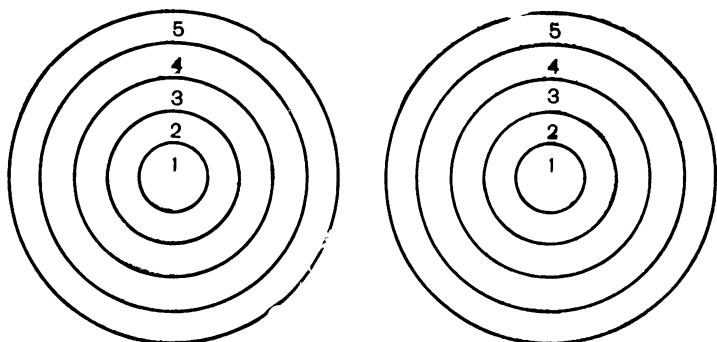
семье, круге общения. Приведем два примера вопросов на эту тему¹.

«Кто Ваши друзья?»

Что сблизило	Социальное положение друзей					
	Рабочие	ИТР	Служащие свободных профессий	Учащиеся	Военнослужащие	Прочие
Совместная работа . . .						
Служба в армии . . .						
Жительство по соседству						
Совместная учеба . . .						
Друзья детства . . .						
Связи через родственников						
Ухаживание						

Второй весьма своеобразный вопрос может быть предложен при изучении внутригрупповых отношений.

Круги, которые Вы видите ниже представляют собой общественную деятельность курса, отделения, группы.

Как далеко от центра этой деятельности находитеесь Вы?

Отметьте место, где Вы хотели бы быть».

Рис. 4

¹ См. «Социология в СССР», т. 1, стр. 525.

Для более детального анализа внутригрупповых проблем применяется социометрическая методика, основанная на выборах каждым всех участников своей группы по ряду критериев¹.

Последняя группа вопросов, на которой есть смысл остановиться, — вопросы на выбор нравственных суждений респондентом. Пример можно заимствовать из анкеты об отношении к труду. Опрашиваемому предлагается выбрать одно из следующих четырех суждений, выражающих его понимание общественной значимости труда:

1. Хороша любая работа, если она хорошо оплачивается.
2. Зарботок главное, но надо думать и о смысле работы.
3. Нельзя забывать о зарботке, но основное — смысл работы, ее общественная полезность.
4. Хороша та работа, где ты приносишь больше пользы, где ты необходим.

Работа здесь оценивается как бы на основании двух критериев — зарботка (личный интерес) и общественной пользы (общественный интерес).

Итак, мы рассмотрели содержательную сторону анкеты, выделив основные типы задаваемых вопросов. Важно подчеркнуть еще раз, что главным компонентом анкеты выступает не вопрос, как таковой, а серия, или «батарея», вопросов, композиционно продуманная группа, отвечающая общему замыслу исследования.

При организации вопросов анкеты, определении их последовательности, расположения, формулировок, формы обращения и т. д. следует иметь в виду три основных требования, которые должны быть предъявлены к любой анкете: анкета должна соответствовать замыслу исследования; она должна учитывать уровень общей культуры и психологию опрашиваемых; в организации ее материала и расположении вопросов нужно учитывать последующий способ обработки полученных данных.

В целях обеспечения первого требования всестороннему обсуждению и проверке подлежат каждый вопрос и каждая формулировка. Исследователь дол-

¹ См. Е. С. Кузьмин. Основы социальной психологии. ЛГУ, 1967, стр. 42.

жен зафиксировать цели каждого вопроса: что даст ему полученная информация, целесообразно ли рассчитывать на получение этой информации путем опроса и т. д.?

Остановимся несколько подробнее на психологической стороне дела. Опрос — это взаимодействие опрашиваемого и опрашивающего, поэтому важно понять мотивы и наиболее характерные особенности опрашиваемого, особенно те из них, которые связаны с возможными ошибками в информации.

Приступая к опросу, опрашивающий иногда склонен думать, что перед ним некий абстрактный информатор, который думает прежде всего о том, чтобы помочь науке разобраться в ряде проблем. Это убеждение выражается иногда даже в форме обещания: «Ваши ответы будут использованы в чисто научных целях». Разумеется, это заверение имеет определенное значение, хотя опрашиваемому зачастую не ясно, что такое «чисто научные цели». Бывает и так, что опрашиваемый заинтересован в том, чтобы его ответы использовали в целях чисто практических. Главное же, что определяет отношение опрашиваемого к анкете, — это момент любознательности, любопытства, возбужденных в нем некоторой необычностью ситуации. Не менее важны моменты, связанные с ознакомлением с самой темой опроса и с возбуждаемой в ходе опроса сопричастностью к рассматриваемым проблемам. Интерес опрашиваемого, его желание отвечать на анкету во многом определяются той оценкой, которую он сам дает вопросам анкеты: серьезны они или нет, отвечают ли его представлениям о ходе рассуждения по этому вопросу, заставляют ли его задуматься?

Разберем несколько наиболее типичных ошибок, связанных с неумением учесть психологию опрашиваемых.

Первая может быть названа *ответом-подсказкой*. Вопрос формулируется таким образом, что он невольно навязывает желаемый исследователем ответ. Так, например, если научному работнику задается вопрос: «Считаете ли Вы, что в процессе

научного творчества есть красота?», то он достаточно отчетливо может представить себе намерения автора анкеты — доказать с помощью данных опроса наличие красоты в научном творчестве. Хотя сам опрашиваемый до сих пор, может быть, и не задумывался над этим вопросом, но ему ничего не стоит помочь составителю анкеты и ответить на заданный вопрос положительно. Таким образом, можно очень легко выдать желаемое за действительное.

Ответ-подсказка зачастую связан с тем, что опрашиваемый не умеет придать нейтральный характер своему вопросу. Он сразу же обнаруживает свою собственную позицию в самой формулировке вопроса. Эта ошибка может быть названа как *обнаружение установки исследователя*. Типичный пример такой ошибки мы видим в следующем вопросе:

«Что побуждает Вас заниматься общественной деятельностью?»

Предлагается перечень возможных ответов:

1. Общественная работа способствует моему общему развитию.
2. Возможность активно бороться за воспитание человека.
3. Желание постоянно находиться в коллективе, участвовать во всех его делах.
4. Стремление бороться с различными недостатками на предприятии.
5. Стремление оказывать помощь людям.
6. Стремление участвовать в улучшении условий труда.
7. Стремление улучшить свое служебное положение.
8. Занимаюсь общественной работой потому, что мне дали поручение и обязали его аккуратно выполнять.

В предложенных вариантах ответов установка исследователя обнаруживается невооруженным глазом. Шесть первых вариантов носят положительный характер, два вторых — отрицательный. Поэтому вряд ли можно считать, что распределение ответов на поставленный вопрос может служить

действительным показателем веса различных мотивов в общественной деятельности опрашиваемых¹.

В опросах на подобные темы исследователь сталкивается с большой сложностью: как обнаружить те слои сознания, которые спрятаны достаточно далеко? Ведь бывают и такие мотивы поступков, которые опрашиваемый прячет даже от самого себя. Наивно было бы ожидать, что они раскроются при любом опросе и тем более при постановке вопроса в лоб.

Как же, однако, следовало бы подойти к выяснению структуры мотивов в данном случае? По-видимому, правильнее задавать вопрос не о мотивах самого опрашиваемого, а о мотивах участия других людей в общественной работе. Такой прием значительно нейтрализует оценочную сторону вопроса. В то же время в анкете должен быть задан ряд вопросов, которые позволяли бы учитывать степень идентификации (отождествления) опрашиваемого с другими.

В качестве примера, решающего задачу, может быть предложена следующая серия вопросов на ту же тему:

1. «Много ли людей в Вашем коллективе занято общественной работой?»

— Почти все.

— Немного больше половины.

— Меньше половины.

— Очень немногие.

— Не знаю.

2. «Считаете ли Вы, что большинство тех, кто занимается общественной работой, делают это потому, что

— они стремятся завоевать популярность и авторитет в коллективе;

— они стремятся внести свой личный, посильный вклад в дело построения коммунистического общества;

¹ См. Ю. Ф. Бухалов и Е. А. Якуба. *Общественная активность, ее содержание и критерии.* — «Философские науки», 1968, № 4.

— они хотят выдвинуться, чтобы таким образом добиться достижения своих личных целей;

— они видят в этом свой долг;

— они видят вокруг много недостатков и хотят помочь их ликвидировать;

— они дисциплинированы и поэтому выполняют данные им поручения;

— не задумывался над этим».

3. «Занимаетесь ли Вы общественной работой?»

— Да.

— Нет.

Поскольку предлагаемые вопросы располагаются на значительном расстоянии друг от друга, то опрашиваемый не замечает, что он, характеризуя мотивы других людей, обнаруживает определенным образом и свои собственные. Разумеется, интерпретация результатов опроса в данном случае носит довольно сложный характер, но все же она оказывается гораздо более достоверной, нежели в первом случае.

Вторая группа ошибок, встречающаяся довольно часто, связана с тем, что может быть названо *неадекватностью терминов*. Исследователь, стремясь изучить определенную проблему, формулирует ее в виде вопросов в таких терминах, которые приняты в его среде, забывая, что та же самая проблема в среде опрашиваемых им людей выражается в несколько иной терминологии и вообще воспринимается иначе. Чтобы избежать ошибок неадекватности, исследователь должен обладать интуитивным чутьем относительно характера восприятия той проблемы, которая его интересует, в исследуемой им среде, и стремиться к максимально понятной постановке вопросов.

Третья часто встречающаяся ошибка содержится в вопросах, предполагающих выбор. Она может быть названа как *ошибка несопоставимости*. Анкета предлагает сделать выбор между абсолютно несопоставимыми, несопоставимыми ценностями. Примером в этом отношении может служить следующий весьма распространенный вопрос:

«Какие черты Вам больше всего нравятся в Вашем сверстнике?»

1. Любовь к Родине.
2. Умение отлично трудиться.
3. Честность.
4. Душевность, доброта, отзывчивость.
5. Целеустремленность.
6. Коллективизм.
7. Оптимизм.
8. Скромность.
9. Непримируемость к недостаткам.

Несоразмерность в перечне возможных ответов состоит в том, что здесь в один ряд поставлены личные качества человека, такие, как целеустремленность, душевность, скромность, и качества гражданские, например любовь к Родине. Ряд перечисленных характеристик находится как бы в разных плоскостях сознания: в одном случае затрагивается отношение к своей работе, в другом — к коллективу, в третьем — к стране в целом. В силу указанных обстоятельств перечисленные ценности отнюдь не исключают друг друга, а как бы взаимопроникают. Наиболее общая характеристика — любовь к Родине — оказывается наиболее часто отмеченной в выборе, чего и следовало ожидать, а исследователь не получает новой информации.

В вопросах подобного рода должны быть предварительно решены по меньшей мере две задачи. Во-первых, должно быть осмыслено соотношение предлагаемых ценностей между собой то ли по степени их общности, то ли по какому-либо иному признаку; если речь идет об однопорядковых ценностях, то следует добиваться их наименьшего пересечения. Во-вторых, необходимо продумать вопрос о возможном отношении опрашиваемых к каждой из предлагаемых ценностей.

Последнее обстоятельство, которое должно быть принято во внимание при составлении анкеты, — последующая ее обработка. Существуют четыре способа обработки социологической информации:

1. Ручная обработка.
2. Обработка с использованием перфокарт с краевой перфорацией.
3. Обработка с использованием комплекта счетно-аналитических машин.

4. Обработка с использованием электронно-вычислительной техники.

Прежде чем размножить анкету и «запустить» ее, следует решить вопрос о способе ее обработки и учесть те требования к ее оформлению, которые задаются техническими возможностями обработки.

Интервью

Интервью, как и анкета, представляет собой вид опроса. Особенность здесь состоит в том, что опрашивающий и опрашиваемый сталкиваются лицом к лицу. Интервью имеет в виду заранее разработанный план опроса. В случае, если сами вопросы и их последовательность единообразны, интервью называется стандартизированным. Если план беседы в известной мере произволен, а вопросы можно менять местами, расширять и углублять их по ходу беседы, интервью называется свободным¹.

В сравнении с анкетой интервью обладает рядом преимуществ и недостатков. Наиболее важные из преимуществ следующие: интервью дает возможность более глубокого проникновения в социально-психологические механизмы исследуемых процессов; в ходе интервью можно установить с большей точностью степень искренности каждого индивидуального ответа; материал, собираемый этим методом, более непосредствен, ярок и сочен; с помощью этого метода можно добиться почти изобразительной конкретности изучаемых явлений; интервью дает возможность получить не только более подробную картину исследуемого явления, но и большее разнообразие всевозможных относящихся к делу ситуаций.

Что касается недостатков этого метода, то они оказываются обратной стороной его достоинств. Прежде всего интервьюирование требует более квалифицированной подготовки со стороны самого оп-

¹ Более подробно о различии между беседой и интервью и о применении этого метода см.: А. Л. Свенцицкий. Интервью как метод конкретного социологического исследования. — «Философские науки», 1965, № 4.

рашивающего. Здесь важно знание психологии личности, готовность понять другого человека, большое чувство такта в проведении опроса, зачастую сопряженное с терпимостью к недостаткам и отсутствием стремления к морализированию. Человек, стремящийся всегда навязать свое мнение собеседнику, не терпящий инакомыслия, относящийся к слабостям других людей без снисхождения и понимания, не может быть хорошим интервьюером. Далее, интервью занимает гораздо больше времени, нежели анкетирование. Личное присутствие интервьюера обязательно при всяком опросе. Кроме того, необходимо записать и оформить все, что касается опроса, и т. д. Весьма редко поэтому можно использовать интервью в массовых обследованиях.

Главные сферы применения этого метода: 1) разведывательные исследования как в целях уточнения проблематики, так и в целях разработки методики общих опросов. План интервью может быть в дальнейшем превращен в анкету; 2) контрольное исследование в целях проверки информации, полученной другими методами, например с помощью анкеты; 3) интервью может применяться как основной метод сбора материала при ограниченной или малой выборке главным образом в социально-психологическом исследовании, когда объект исследования сам по себе не имеет большого распространения, но вместе с тем в силу ряда особенностей вызывает исключительный интерес. Это может быть социально-психологическое исследование групп космонавтов или другой группы лиц, обладающих не менее важными социальными особенностями.

Интервью оказывается совершенно незаменимым в случае, когда исследование вообще не может вестись иными методами, когда, например, статистика вообще не занимается накоплением информации по кругу интересующих исследователя вопросов. Особенно важен метод интервью при изучении причин аномального или девиантного поведения — поведения, отклоняющегося от нормы, не одобряемого общественной средой. К числу исключительной сферы интервью относится и изучение явлений, связанных с интимными сторонами внут-

ренного мира человека; таковы, например, вопросы половой морали, причины бракоразводных процессов и т. д.

Характер интервью отличается не только в зависимости от сферы его применения, но и от типа самого респондента или интервьюируемого. Можно выделить три главных типа интервьюируемых. Прежде всего это эксперт — лицо, располагающее наибольшей информацией по исследуемому вопросу в силу особенностей своей профессиональной деятельности и жизненного опыта. Интервью с экспертом может иметь различные цели: уточнение программы, оценка методики исследований, выдвижение и обсуждение гипотез исследований, получение фактических данных об изучаемой области. Все эти цели и задачи должны быть заранее предусмотрены, план беседы должен быть продуман с достаточной тщательностью, чтобы ни одна важная деталь не оказалась опущенной.

В качестве второго типа интервьюируемого может выступать ответственное лицо, в силу своего положения обладающее правом разрешать сбор материала или проведение интервью на том или ином предприятии или в учреждении. Задача исследователя в интервью такого типа состоит в том, чтобы заинтересовать ответственное лицо и убедить его в необходимости проведения данного исследования по данному кругу вопросов, имея в виду соображения целесообразности, престижа и практической пользы результатов именно этого исследования. Третий тип интервьюируемого — респондент в собственном смысле слова, лицо, по тем или иным причинам оказавшееся в качестве объекта опроса.

Интервью начинается со встречи двух людей. Один из них хочет получить информацию и поэтому должен стремиться завоевать симпатию опрашиваемого. Если в самом начале возникает напряженность, то ее бывает чрезвычайно трудно преодолеть в ходе дальнейшей беседы. Если речь идет об интервью с рабочим, то, разыскав интервьюируемого у его рабочего места, нужно ему представиться и договориться о встрече в удобное для обоих время. Важный момент в завоевании расположения — не-

назойливое обнаружение уважительного отношения к собеседнику: обращение к нему по имени и отчеству, умеренная заинтересованность в его работе и т. д. Опрашиваемый ожидает от своего собеседника, как правило, делового подхода, поэтому интервьюер, представившись, должен указать на цель своей беседы, назвать организацию, которую он представляет. Процедура знакомства может быть зафиксирована в плане интервью.

Следующий после представления шаг в интервьюировании — переход к опросу, причем последовательность вопросов характеризуется постепенным переходом их от более нейтральных к менее нейтральным. Вот пример общего плана постепенного углубления тем в ходе интервью, разработанного крупным американским психологом Аллпортом¹:

1. Возраст
2. Национальность и культурный уровень, традиции воспитания
3. Уровень образования
4. Болезни и несчастные случаи
5. Профессиональная биография и планы
6. Хобби и способ отдыха
7. Культурные интересы
8. Надежды и амбиции
9. Личные привязанности
10. Мечты
11. Страхи и заботы
12. Унижения и разочарования
13. Антипатии и отвращения
14. Половая жизнь
15. Неврозы
16. Религиозная жизнь
17. Философия жизни

Обращают на себя внимание некоторые особенности представленного плана — он, безусловно, связан с буржуазной концепцией личности и в ряде моментов обнаруживает зависимость личностных характеристик от социального контекста, в котором находится и интервьюер и интервьюируемый. В частности, место вопроса о национальности, о религиозных убеждениях в интервью, как и целесообразность вообще постановки этих вопросов, за-

¹ См. G. W. Allport. *Pattern and Growth in Personality*. N. Y., 1961, p. 417.

висит как от темы исследования, так и от значения, которое придается этим характеристикам в данной социальной среде, от фактического состояния национального и религиозного сознания, от степени развития соответствующих реальных отношений.

Интересно заметить, что вопросы мировоззренческого плана, связанные с философско-этическим комплексом убеждений, отнесены автором на последний план. Он справедливо считает, что здесь кроются наиболее глубокие моменты личностной структуры.

Индивидуальное мировоззрение — личная философия жизни — складывается у каждого человека в результате всего его жизненного опыта, как интегрирующий момент отношений человека ко всем пережитым им ситуациям, включающим не только сферу его ролевых позиций и отношений, но и сферу его интимной жизни.

Представленный выше план интервью может быть охарактеризован как *рационально-психологический*. В основном его можно применять в социально-психологическом исследовании, в социологии же этот план может быть использован при сравнительных исследованиях типов личности как в пределах определенной социальной группы, так и при сравнении социальных групп между собой.

Другой тип интервью может быть охарактеризован как *тематический*. Он задевает отнюдь не все стороны личности и ее структуры, а лишь некоторые из них, главным образом в их отношении к изучаемой проблеме. В тематическом интервью в гораздо большей степени используются тесты, шкалы и другие формальные приемы. Поскольку о шкалировании речь пойдет позже, здесь есть смысл остановиться несколько подробнее на тестах. Тесты — вопросы особого рода. Особенность их состоит в том, что на них не может быть дано правильного или неправильного ответа. Точнее, исследователь не рассматривает эти ответы с точки зрения их правильности, степени соответствия их с объективной реальностью. Его интересуют эти ответы с точки зрения обнаружения в них различных сторон сознания. Например, в виде простейшего теста респон-

денту может быть предложено дать определение того или иного явления, касающегося его непосредственных интересов. Так, работнику торговли может быть предложено определить, что такое покупатель, работнику искусства — что такое танец, музыка и т. д., работнику государственного аппарата — что такое власть. В зависимости от характера ответа можно выявить не только степень понимания того предмета, который определяется, но и отношение к этому предмету, можно выявить определенный способ мышления. Как правило, тест имеет смысл проводить тогда, когда опрашиваемый сталкивается со своего рода необычной ситуацией, когда он должен дать определение самостоятельно.

Третий тип интервью может быть охарактеризован как *ненаправленный*. Главная задача здесь не столько получение информации о реальных фактах, событиях, отношениях, сколько снятие внутренних напряжений личности через высказывание, через вербализацию этих напряжений. В американской социологии этот тип интервью получил развитие в ходе хауторнского эксперимента. На очередном собрании исследовательской группы один из интервьюеров заметил, что он, по-видимому, плохо справляется со своими обязанностями, поскольку ему не удается направить ход разговора по заданному плану. В том же самом признались и другие участники группы. Это наблюдение было истолковано в духе психоанализа, и задачи интервьюеров были переосмыслены под этим углом зрения. Основная цель интервью состояла теперь не в сборе информации, как таковой, а в том, чтобы помочь интервьюируемому высказаться, выговориться, дать ему возможность рассказать обо всем, что у него наболело и накипело на душе. Роль интервьюера была уподоблена зеркалу, в котором должен отразиться внутренний мир опрашиваемого. Для этого нужно было добиться как можно большего взаиморасположения между опрашиваемым и интервьюером за счет максимальной нейтрализации самого интервьюера.

Широко известен в социологической литературе следующий пример, иллюстрирующий ненаправ-

ленное интервью. Женщина обращается к психиатру по поводу страхов ее двухлетнего сына. Психиатр-интервьюер соглашается с тем, что здесь действительно есть серьезный повод для обращения к врачу. Далее, мать отмечает, что эти страхи, наверное, результат неправильного воспитания. Это замечание также находит понимание и поддержку. Тогда она переходит к тому, что во всем виноват ее муж, который слишком нежно относится к сыну, и это является причиной частых недоразумений — мать ревнует сына к отцу. Когда и это встречает сочувствие, мать признается, что она не хотела иметь ребенка. Когда и это признание не вызывает неодобрения, она признается в том, что ее действительно волнует, — она боится, что муж перестанет любить ее.

Переход от одного уровня забот к другому и обнаружение в конце концов наиболее глубокой проблемы — достаточно сложный и длительный путь, который требует определенного мастерства от интервьюера. Реакция интервьюера в ходе беседы выражается в сочувствии, в поддакивании, в одобрении и ободрении.

В ходе хауторнского эксперимента были сформулированы следующие правила поведения интервьюера:

1. Интервьюер должен слушать говорящего в терпеливой и дружественной, но в то же время в разумно-критической манере.

2. Интервьюер не должен обнаруживать никаких признаков властности.

3. Интервьюер не должен давать советов или высказывать моральные увещевания.

4. Интервьюер не должен спорить с говорящим.

5. Интервьюер должен говорить или задавать вопросы только при определенных обстоятельствах:

а) чтобы помочь человеку высказаться;

б) чтобы освободить его от возможных страхов и напряжений, которые могут влиять на его отношение к интервьюеру;

в) для одобрения интервьюируемого по поводу точного выражения его мыслей и чувств;

г) чтобы возвратить разговор к таким моментам, которые были опущены или забыты;

д) для обсуждения скрытых допущений, если это окажется уместным.

При сравнении направленного, или тематического, и ненаправленного интервью был обнаружен ряд весьма существенных расхождений.

Отношения между количеством слов интервьюера и интервьюируемого колеблется от 0,15 до 4,02. Иными словами, в одном случае интервьюируемый говорит в 7 раз больше, чем интервьюер, а в другом случае интервьюер говорит в 4 раза больше, чем интервьюируемый.

Четвертый тип интервью приобрел в социологической литературе название *фокусированного*. Оно гораздо ближе по своему замыслу к тематическому интервью, отличаясь от него только более четко заданной темой. Причем тема эта задается, как правило, наглядно, образно. Перед проведением интервью опрашиваемому предлагается посмотреть фильм или несколько кадров из него, прочесть определенный текст, прослушать запись передач и т. д. Далее интервью строится вокруг просмотренной, прочитанной или прослушанной темы. Интервьюера интересует в конечном счете тип реакции на воспринятый материал. Такого рода интервью могут быть успешно использованы при исследовании эффективности различных форм пропаганды, при изучении стереотипов индивидуального и массового сознания и т. п.

Есть несколько технических вопросов, на которых следует остановиться в заключение рассматриваемой темы. Интервью в социологическом исследовании представляет собой часть научной процедуры, но оно становится таковым лишь в том случае, если оно зафиксировано. Поэтому важно не только умение вести беседу по нужному плану или в соответствии с заданной темой, но и умение записать полученный в ходе интервью материал. Наиболее удобно технически проводить интервью вдвоем: один из интервьюеров ведет разговор, другой в это же время делает черновой набросок беседы, который после окончания интервью должен быть расшифрован как можно быстрее, чтобы сохранить детали, оттенки высказываний, интонацию, специфические выражения, в которых зачастую содержания гораздо больше, чем в простом логичном

развитии разговора. Для полноты сохранения материала и для последующего анализа удобно использовать магнитофонную запись. Последний вид записи удобен не только возможностями воспроизводства и хранения, но и тем, что его можно использовать в целях обучения искусству интервьюирования. Само собой разумеется, что запись на магнитофон следует проводить с разрешения опрашиваемого.

В интересах исследования должно быть обеспечено хранение материалов интервью, как и всех других материалов, собранных социологической группой. Это важно не только с точки зрения постоянной возможности проверки исходных данных, но и в целях повторного исследования проблемы по той же методике через определенный промежуток времени.

4

Анализ документов

В социологической литературе документация, подлежащая анализу, делится на две большие группы: личные документы и документы официальные.

Как те, так и другие служат весьма важным и существенным источником информации, но каждая из этих групп обладает своими, только ей присущими особенностями.

Метод анализа личных документов был весьма успешно применен в одной из классических с этой точки зрения социологических работ — в книге Томаса и Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и в Америке». Авторы во введении к своей книге формулируют исходные методологические позиции, связанные с оценкой метода анализа личных документов.

«Мы с уверенностью можем сказать, что личные жизнеописания, или биографии, полные, насколько это возможно, представляют собой совершенный вид социологического материала, и если наука вынуждена использовать другие материалы, то это лишь

в силу трудностей получения достаточного числа подобных записей, охватывающих всю совокупность социальных проблем, и в силу громадного объема работы, необходимой для адекватного анализа личных материалов, характеризующих жизнь социальных групп»¹.

По мнению авторов, идеалом социологической информации, которой должен располагать социолог, является вся совокупность жизнеописаний, сделанных самими участниками той или иной социальной ситуации, того или иного общественного движения и т. д. Разумеется, здесь выражается определенная тенденция к психологизации социологии.

В большинстве случаев единственное, что может получить социолог из многообразия жизнеописаний, — это довольно сырой эмпирический материал, свидетельствующий о мотивационной, психологической стороне совершающихся событий, искаженных к тому же преломлением их в индивидуальном и групповом сознании.

Немаловажное значение имеет при этом и форма выражения индивидуальных намерений в личных документах. Она обуславливается по меньшей мере тремя обстоятельствами: уровнем грамотности тех, кто ведет записи; общим стилем эпистолярной культуры в данной стране и в данной исторической ситуации; соображениями внешней и внутренней цензуры, оказывающими непосредственное воздействие на характер ведения личных документов.

В общем исходная методологическая посылка упомянутых авторов основывается на сведении социального процесса к сумме индивидуальных намерений. Эта тенденция, как мы увидим дальше, не осталась незамеченной критикой. Вместе с тем было бы неверным на этом основании отбрасывать метод изучения личных документов вообще. Он должен занять соответствующее место среди других методов сбора социологической информации. По-

¹ Цит. по: *J. Madge. The Tools of Social Science. N. Y., 1965, p. 77.*

этому необходимо остановиться на нем более подробно.

К *личным документам* относятся описание индивидуумом собственных действий, переживаний и убеждений в форме автобиографий, дневников и писем различного рода.

Перед социологом, желающим анализировать этот материал, встает вопрос: каким образом получить его, обычно находящегося в личном или семейном распоряжении? Причем нужно иметь в виду, что социолога интересуют эти материалы в массовой форме. Так, чтобы получить материалы для своей книги о судьбе польских крестьян, эмигрировавших в США, Томас и Знанецкий провели колоссальную работу по сбору личной документации. Одним из путей решения этой задачи была публикация объявления в газете с просьбой к полякам, приехавшим в США, присылать свои жизнеописания и письма родственникам по определенному адресу за незначительную плату — 10 центов за материал.

Естественно, подобный метод сбора материалов был подвергнут основательной критике. Почти 20 лет спустя после появления работы Томаса и Знанецкого американский социолог Блумер опубликовал доклад, в котором подверг критике методологические позиции авторов. По его мнению, приведенные материалы носили лишь иллюстративный характер и никоим образом не могли быть использованы в качестве доказательства той или иной точки зрения. После этого Экспертная комиссия Национального совета по социальным исследованиям США создала специальный комитет в составе четырех крупных специалистов различных областей гуманитарных знаний. В состав комитета вошли профессор А. Аллпорт (психолог), Л. Готтшальк (историк), К. Клакхон (антрополог) и Р. Энджелл (социолог). В центре внимания этой группы были методологические проблемы анализа личных документов как источника социологической информации.

Были поставлены две главные проблемы: степень искажения материала при передаче мысли и

при записи ее, т. е. в какой мере само оформление того или иного личного документа — заявления или дневника — соответствует реальным намерениям его автора и действительному положению дел. Вторая проблема состояла в том, чтобы определить, в какой мере личные документы могут служить в качестве исходного материала для формулировки научной гипотезы или открытия тех или иных социальных законов.

Что касается первой проблемы, то Аллпортом были выделены и сформулированы 13 групп мотивов, которые побуждают людей заниматься составлением личных документов и которые соответственно по-разному отражаются на достоверности информации.

Каковы же эти мотивы, по Аллпорту?

1. Самооправдание собственных поступков и действий.

2. Стремление выставить напоказ свой внутренний мир.

3. Стремление к упорядочению мыслей и поступков.

4. Литературное побуждение, стремление отшлифовать стиль письменной речи, желая в дальнейшем стать журналистом или писателем.

5. Определение и оформление своих личных планов, более четкая формулировка намерений чего-то достичь или добиться.

6. Снятие психологической напряженности, внутреннего конфликта.

7. Денежная выгода.

8. Обязательство. Например, необходимость написать автобиографию при поступлении на работу или в порядке выполнения классного задания.

9. Психотерапевтические цели.

10. Стремление исповедаться перед абсолютным, перед богом или человечеством.

11. Научный интерес.

12. Общественная польза — урок или пример другим людям.

13. Стремление к бессмертию.

Второй аспект проблемы анализа личных доку-

ментов предполагает выяснение мотивов их составления и оценку достоверности документов в соответствии с этими мотивами. Можно ли вообще относиться с доверием к личным документам, в какой степени и при каких условиях? На этот вопрос отвечает профессор Л. Готшалк, который выделяет пять условий доверия личным документам:

1. Осторожное отношение автора к излагаемым фактам, когда сами эти факты ни в какой мере не затрагивают его личных интересов, не являются предметом его пристрастия.

2. Когда свидетельство наносит определенный ущерб автору и сама запись носит характер исповеди.

3. Если данные, сообщаемые в этих документах, являлись в момент записи всеобщим достоянием и автор сообщает, следовательно, нечто общеизвестное.

4. Когда сообщение или его часть представляет интерес для исследователя и вместе с тем оказывается не соответствующим точке зрения основного содержания текста личного документа. Например, в письме может подробно излагаться содержание встречи нескольких человек с упоминанием имен участников. Можно отнестись с сомнением к передаче содержания разговора, но вместе с тем сделать заключение о том, что встреча между определенными лицами имела место.

5. Заслуживает доверия также сообщение, которое находится в противоречии с предполагаемыми исследователем установками автора.

Что касается второй стороны дела при анализе личных документов, которая связана с возможными искажениями материала уже не автором документов, а их исследователем, то здесь определенная опасность кроется в характере сбора личных документов.

Так, в педагогических исследованиях и в исследованиях в области морали и нравственности применяется такая форма сбора личных документов, как сочинение в школе, заданное на определенную тему. Выбор и формулировка этой темы уже во

многим predeterminedляют характер изложения материала, и поэтому оценка дальнейшей информативной емкости полученных документов должна быть соотнесена с предварительной схемой самого исследования. Помимо этого искажение картины может возникнуть за счет определенной направленности исследования при подборе личных документов.

Например, если в качестве одного из источников взять дневники и другие личные записи исповедального характера, то возникает большая опасность искажения реальной картины, поскольку сами дневники обладают социально-психологической особенностью. Можно предположить, что многие из тех, кто ведет дневник, во всяком случае гораздо большая часть людей, имеют не вполне благоприятные отношения с окружающей средой. В качестве разрешения этих внешних конфликтов они и используют дневники, занимаясь самоанализом, чтобы выговориться определенным образом.

Вторую группу документов представляют *официальные документы*, т. е. документы, исходящие не от одного лица, а от того или иного учреждения. Соответственно официальные документы могут классифицироваться в зависимости от типа учреждения, от которого они исходят. Могут быть документы, связанные с работой того или иного предприятия или той или иной социальной группы. Могут быть документы, характеризующие какое-то общественное движение. Могут быть документы, характеризующие какую-то отрасль деятельности, например документы министерства будут характеризовать руководимую им сферу деятельности. Могут быть документы политического и государственного порядка. И каждый из документов обладает своими информативными достоинствами.

По характеру и содержанию документы могут быть разделены по крайней мере на три группы.

Это текущая документация, текущая переписка данного учреждения — входящие, исходящие документы, приказы и пр.

Документы обзорного порядка, носящие непериодический характер, — отчеты, доклады какой-то

комиссии, обследовавшей данное учреждение и подавшей записку по какому-либо поводу.

Третья группа документов — документы периодической отчетности, представляющие собой наиболее важный для социолога источник информации.

Наиболее важная проблема при анализе официальных документов состоит также в определении степени доверия к этим документам. То, что они носят официальный характер, еще не является никоим образом условием объективности этих материалов. Задача социолога — оценить по достоинству степень объективности содержащейся в них информации. Для этого нужно знать по крайней мере следующие вещи: какова была та непосредственная ситуация, в которой составлялся данный документ; кто конкретно имел отношение к составлению данного документа; каковы цели и задачи составления данного документа; в чем состоит заинтересованность тех, кто составлял этот документ; каков способ обработки информации, применявшийся при составлении данного документа?

Далее, чтобы пользоваться официальными документами в социологическом исследовании, необходимо знать способы хранения документации и в какой-то мере быть осведомленным об основах архивного дела.

Каждый из документов, как правило, имеет две основные части: вербальный материал, описывающий то, о чем идет речь, и материал статистический. Одна из задач исследования — сопоставление вербальной и статистической частей. Для социолога статистический материал зачастую имеет наибольшее значение, поскольку здесь имеется возможность количественной характеристики.

Анализ статистических данных, содержащихся в документах, требует умения оценить степень надежности изложенной в статистических сводках информации. Для того чтобы произвести такую оценку, необходимо сопоставить данные статистической информации с теми данными, которые содержатся в уже известных и опубликованных источниках. Если оказывается, что оба ряда данных, по-

лученных независимо друг от друга, совпадают, то это значит, что информация достаточно надежна и устойчива.

Один из методов анализа документации, весьма широко распространившийся, получил название анализа содержания текста, или «контент анализа»¹. Этот метод может быть охарактеризован как научное обоснование искусства читать между строк. Основы методики были сформулированы английскими социологами Г. Лассуэллом и Б. Барельсоном. Главная идея этой методики состоит в том, чтобы в тексте анализируемого документа выделить ключевые понятия, стереотипы, стандартные фразы и принять их за единицы текста. Далее смысловое содержание текста можно проанализировать количественным сопоставлением, рассчитывая соотношения различных элементов текста друг к другу и к общему объему информации.

Первоначально анализ содержания текста применялся в целях изучения пропаганды и ее эффективности. Задача состояла в том, чтобы на основании исследования содержания текста составить заключение о намерениях пропагандиста и тех органов, которые определяют направление пропаганды. Методика оказалась весьма успешной, она стала важным элементом косвенной информации о положении противника во время второй мировой войны. На основании «контент анализа» англо-американской разведке удалось предсказать ряд важных политических акций, предпринимаемых гитлеровской кликой как в области внутренней, так и внешней политики. В дальнейшем метод анализа содержания текстов получил применение и в ряде иных областей: лингвистике, психологии личности, фольклористике и т. д.

Анализ эффективности пропаганды остается весьма важной сферой применения этого метода.

¹ Об одном из первых опытов применения этого метода в советской литературе см.: А. В. Баранов. Опыт текстового анализа газеты. — «Количественные методы в социальных исследованиях». «Информационный бюллетень ССА», № 9, М., 1968.

Анализ содержания текста накладывается здесь на данные восприятия определенных информационных тестов представителями различных социальных групп. Причем сами тесты строятся на основании тщательного изучения сообщаемого материала. Благодаря такому положению возможно определить степень восприятия сообщений, адресованных органами печати, радио, телевидения различным группам населения. Абстрактно говоря, коммуникатор и реципиент могут вкладывать совершенно различный смысл в одни и те же понятия. Текст, который представляется совершенно ясным с точки зрения коммуникатора, может не иметь никакого смысла с точки зрения аудитории. Чем дальше пропагандист от подобной ситуации, тем эффективнее пропагандистские воздействия.

В практической реализации этой методики возникает целый ряд методологических проблем. Одна из наиболее существенных — принципы категоризации материала, выяснение оснований для классификации ключевых понятий и выделения смысловых узлов. Эта задача решается в зависимости от целей конкретного исследования. Так, для выявления намерений противника Лассуэллом была предложена четырехмерная классификация материала сообщений в зависимости от отношения противника к самому себе и к врагу: «за себя», «против себя», «за противника», «против противника». Это деление основывается на том соображении, что похвала в адрес противника иногда может иметь гораздо большее положительное воздействие, нежели простая брань по его адресу. Правильная постановка пропаганды вместе с тем требует сохранения определенной меры и в самооценке. Постоянное напоминание о собственных успехах может вызвать отрицательную реакцию. В дальнейшем этой классификации было придано более обобщенное значение: «pro — x » и «contra — x », «pro — y » и «contra — y », где x и y могут рассматриваться в качестве полемизирующих сторон.

Группой эстонских социологов, изучавших эффективность местной прессы, была разработана своя классификация материала, связанного с выделением

в сообщаемом тексте а) информации, дающей определенное знание, б) суждения нормативного порядка и в) суждения ценностного порядка. Хотя границы между этими родами сообщений весьма условны, все же такого рода подход позволяет проанализировать важные проблемы коммуникативного процесса и добиться определенных практических результатов¹.

Одно из необходимых условий реализации данного метода — полнота охвата материала и систематическое его накопление. Важно выделять не только те смысловые узлы и ключевые понятия, которые соответствуют гипотезе исследователя. В выделении этих понятий и их классификации следует идти от самого материала.

При анализе содержания пропаганды и определении меры ее эффективности существенным моментом оказывается выделение экспрессивной и инструментальной функции коммуникации. В первом случае коммуникация выражает некоторое внутреннее состояние субъекта, коммуникатора, во втором случае непосредственно выражается его ближайшее намерение и цель. Выделение экспрессивной функции позволяет рассмотреть вопросы о соотношении явных и скрытых намерений пропаганды и таким образом более глубоко подойти к пониманию проблем.

Одна из наиболее существенных методологических трудностей, связанных с реализацией процедуры «контент анализа», состоит в определении взаимоотношения количественного и качественного подходов. Количественный подход может содействовать выявлению устойчивых тенденций в стратегии пропаганды, определению в ней наиболее важных тем, направлений, задач. Однако здесь возникает опасность просмотреть определенные сдвиги в ее стратегии, которые могут быть выражены в незначительных на первый взгляд высказываниях. Поэтому количественный анализ должен постоянно

¹ См. Ю. Вооглайд. Как складывается идеологическое воздействие.— «Коммунист Эстонии», 1967, № 8.

дополняться качественным. На основании последнего могут быть предложены определенные уточнения классификации и усовершенствованы способы количественного анализа.

Одна из важных областей применения «контент анализа» — изучение вопросов, поступающих от аудитории в адрес докладчика, лектора, пропагандиста, радиовещания, телевидения и т. д. Чтобы оценить эту область применения, нужно задуматься над тем, что представляют собой вопросы аудитории к докладчику, какова их роль в процессе взаимодействия этих двух участников пропаганды. Вопрос — важнейший элемент коммуникативного процесса, в данном случае процесса взаимодействия между пропагандистом и его аудиторией. Это своего рода обратная связь реципиента с коммуникатором, и в силу этого совокупность вопросов является важнейшей характеристикой аудитории, ее сознания.

Можно выделить по крайней мере четыре аспекта, по которым следует анализировать задаваемые вопросы. Прежде всего *количество* вопросов свидетельствует о степени активности аудитории. По *содержанию* вопросов можно судить о направленности мышления аудитории, распределении ее основных интересов. Особенно важным нам представляется третий аспект анализа — анализ *характера* вопросов, по которым можно определить важнейшие параметры сознания, его узловые пункты — наиболее важные проблемы, которые волнуют аудиторию и в зависимости от которых так или иначе воспринимается вся остальная информация.

По своему характеру вопросы могут быть разделены на два вида. Первые — это вопросы о неизвестном, цель которых состоит в том, чтобы получить информацию о происходящих или происшедших событиях, получить какие-либо сведения, данные, факты. Второго рода вопросы — это вопросы не о неизвестном, а о непонятном. Их цель не просто в получении информации, а в объяснении уже имеющейся информации. Соотношение между вопросами первого и второго рода («информационными» и «интерпретирующими») может служить

показателем тех «узлов сознания», о которых было сказано выше.

Наконец, четвертый аспект анализа вопросов— это выяснение *соотношения между вопросами подписанными и анонимными*, которое может служить показателем степени доверия аудитории к докладчику.

Нужно отметить и недостатки этого метода. Они объясняются тем, что главным стимулятором вопросов является докладчик: содержание прочитанного доклада или лекции и форма изложения материала, методическое мастерство лектора. Однако оба этих момента могут быть в известной мере нивелированы благодаря разнообразию тематики докладов и примерно равному уровню квалификации самих докладчиков. Эта нивелировка проявляется тем больше, чем более массовый характер носят вопросы.

5

Наблюдение как метод сбора социологической информации

Под наблюдением в социологическом исследовании мы имеем в виду непосредственное восприятие социальной действительности в целях упорядочения опыта и проверки выдвигаемой в исследовании гипотезы. Как известно, наблюдение в конечном счете является источником всякого знания. Правда, наблюдение в качестве научного метода сбора материала значительно отличается от житейской практики.

В литературе выделяются четыре особенности наблюдения как научного метода.

Во-первых, научное наблюдение подчинено главной задаче исследования. Это не просто беспорядочный и хаотичный набор случайных впечатлений, а процесс определенным образом целенаправленный.

Во-вторых, наблюдение как метод сбора научной информации планируется: устанавливаются определенные сроки и средства сбора этой информации.

В-третьих, данные научного наблюдения записываются в определенные документы — дневники наблюдателя. Эти материалы и записи носят упорядоченный характер. Возможна определенная степень формализации данных наблюдения.

В-четвертых, наблюдение как метод сбора информации в социологическом исследовании должно контролироваться и проверяться с точки зрения критериев надежности и обоснованности получаемых данных.

Можно выделить несколько целей, ради которых осуществляется наблюдение в социологическом исследовании.

С помощью наблюдения можно собрать некоторый предварительный материал исследования, который поможет более четко поставить проблему и сформулировать исследовательские задачи. В ходе непосредственного восприятия интересующих исследователя материалов отрабатывается, проясняется проблема и формулировка темы, уточняются исходные гипотезы исследования.

Наблюдение может служить иллюстративным задачам.

Наблюдение может служить одним из основных методов сбора материала наряду с другими методами. Наконец, наблюдение может служить способом контроля предварительно полученных данных.

В целях научной организации наблюдения необходимо прежде всего четко определить, что же именно подлежит наблюдению. Для этого недостаточно просто задать тему или познакомить наблюдателя с общими идеями исследователя. Объект наблюдения должен быть определен в конкретных ситуациях и их типах или — несколько шире — в типах наблюдаемых отношений. Наблюдателю может быть поручено, например, фиксировать любые проявления конфликтной ситуации: участников конфликта, повод конфликта, причины его возник-

новения, характер его восприятия коллективом и способ его разрешения¹.

При разработке программы наблюдения следует учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, объекту наблюдения должны подлежать прежде всего участники наблюдаемой ситуации, их состав, количество, распределение ролей между ними. Во-вторых, нужно учесть обстановку, в которой происходит данное событие, включая участников наблюдаемой ситуации. В-третьих, необходимо фиксировать задачи деятельности участников наблюдаемой ситуации. В-четвертых, определить такие параметры, как мотивы деятельности тех или других людей, мотивы их поступков, характер состояния, к которому они стремятся, вербальные и реальные последствия тех или иных поступков, т. е. необходимо анализировать в целом социальное поведение в данной ситуации участников группы. Наконец, последнее, на что необходимо обратить внимание, — это повторяемость и продолжительность определенного рода наблюдаемых действий.

Решив вопрос об объекте наблюдения, следует рассмотреть следующую проблему, связанную с взаимоотношением между наблюдателем и наблюдаемым. В зависимости от того, каковы эти отношения, различаются три типа наблюдений в социологическом исследовании.

Обычное наблюдение, при котором наблюдатель-исследователь находится вне наблюдаемого коллектива, но его исследовательская позиция не является тайной для всех членов наблюдаемого коллектива. Такого рода наблюдение занимает довольно большое место в антропологии или этнографии.

Второй тип наблюдения — *наблюдение участвующее*. Идея этого метода состоит в том, что наиболее объективное описание того или иного социального процесса можно получить, наблюдая его не извне, с позиций стороннего наблюдателя, а как бы изнутри. Каждый из двух названных способов

¹ Е. С. Кузьмин в «Основах социальной психологии» (ЛГУ, 1967) обращает внимание на то, что объектом наблюдения при изучении внутригрупповых отношений должны быть значимые для коллектива ситуации.

наблюдения имеет свои преимущества и свои недостатки, и задача исследователя состоит в том, чтобы объединить оба способа. Для этого зачастую создается институт информаторов — людей, принадлежащих к той или иной наблюдаемой социальной группе, поставляющих информацию по заданной программе для исследовательского коллектива. В качестве примера можно сослаться на создание такого рода контрольной аудитории на телевидении или радио, состоящей из лиц различного социального положения, которая дает систематическую информацию о восприятии передач в своей среде.

Третий тип наблюдения — *включенное наблюдение*, которое характеризуется тем, что наблюдатель включается сам в качестве участника в данную группу и остается там на протяжении более или менее длительного периода в положении инкогнито¹.

Весьма распространенным способом наблюдения в социологическом и особенно в социально-психологическом исследовании является метод *экспериментального наблюдения*, где наблюдаемая группа создается искусственно и где применяются многообразные технические средства для фиксации исследуемого поведения. Так, в Гарвардском университете создана весьма любопытная лаборатория, оборудованная так называемой наблюдательной комнатой. Помещение разделено стеной, свободно просматриваемой в одном направлении — от наблюдателя к наблюдаемой группе. В помещении проводятся наблюдения, связанные с исследованием процессов групповой динамики — закономерностей формирования групп, выясняются типы лидерства при решении задач, стоящих перед группой определенного типа.

Существенный интерес представляет програм-

¹ Интересный пример включенного наблюдения описан В. Б. Ольшанским в статье «Личность и социальные ценности». — Социология в СССР», т. 1. М., 1966. Задача в данном случае состояла в том, чтобы получить информацию о взаимоотношении индивидуального и группового сознания и проверить характер восприятия в коллективе иных средств сбора материала.

ма наблюдения, разработанная руководителем этой лаборатории — крупным социальным психологом Бэйлзом.

Всякое действие — обращение, вопрос, жест, совет и т. д., — совершающееся в искусственно сформированном коллективе для решения некой совокупности задач, относится к одному из двенадцати возможных типов действия, выделенных на основе наблюдения и перечисленных в таблице (см. стр. 161).

Следует отметить две особенности разработанной Бэйлзом схемы. Действия здесь группируются определенным образом вокруг конкретной задачи. Их последовательность образует определенную структуру деятельности группы, подчиненную поставленной задаче. Именно деятельность по решению задачи оказывается тем основанием, на базе которого формируются личные отношения в группе.

Первоначальное действие или группа действий связаны с постановкой вопроса, со стремлением уяснить задачу (группа «С» — 7, 8, 9 действия). Следующий этап — как бы ответ на первоначальный стимул, попытка сформулировать предложения, обсудить проблему, добиться общей ориентации всей группы, принимающей участие в решении задачи (группа «В» — 4, 5, 6 действия). Это стремление вызывает, как правило, негативную реакцию со стороны отдельных участников группы (группа «D» — 10, 11, 12 действия). Решение поставленной задачи должно опираться на преодоление возникшего конфликта (группа «А» — 1, 2, 3 действия). Причастность отдельных членов группы к различным действиям, степень их активности в том или другом отношении обуславливают распределение ролей в рамках группы и создают некоторую устойчивую систему отношений.

Вторая особенность схемы — симметричный характер расположения отдельных действий. Каждое из них имеет как бы собственного антипода, действия рефлектируются друг в друге, и эта взаиморефлексия составляет содержание деятельности группы. Благодаря этому действия располага-

Область
позитивных
социальных
эмоций

A

1. Обнаружение солидарности, уважения к другим членам группы, оказание помощи, одобрение

2. Снятие напряжения, шутка, смех, обнаружение удовлетворенности

3. Согласие, пассивное восприятие, понимание, совместное действие, уступка

4. Предложение, указание, предполагающее независимость других членов группы

Область
проблем

B

5. Высказывание мнения, оценка, анализ, выражение чувства, желания

6. Ориентация других членов, информация, повторение, разъяснение, подтверждение

7. Просьба в ориентации, информации, повторении, подтверждении

Эмоционально-нейтральная

C

8. Просьба высказать мнение, оценку, проанализировать, выразить чувство

9. Просьба высказать предложение, указание, указать возможные пути действия

Область
негативных
социальных
эмоций

D

10. Несогласие, пассивное отрицание, формальность, отказ в помощи

11. Обнаружение напряженности, просьба о помощи, отказ от участия

12. Обнаружение антагонизма, неуважения к другим членам группы, самозащита

a b c d e f

ются как бы парами, каждая из которых выполняет свою собственную функцию в процессе принятия решения. Группа «а» (6 и 7 действия) выполняет коммуникативную функцию, группа «b» (5 и 8) — оценочную, группа «с» (4 и 9) — функцию организации и контроля, группа «d» (3 и 10) — функцию интеграции группы на первоначальной стадии, группа «е» (2 и 11) связана с регуляцией напряжений в группе и, наконец, группа «f» (1 и 12) связана с обеспечением солидарности членов группы либо с расколом между ними.

Важно отметить не только теоретическую сторону исследований Бэйлза, связанную с разработкой основных категорий групповой деятельности, но и ряд практических результатов.

Приведенная схема показывает целесообразность более эффективного использования метода наблюдения в социологических и социально-психологических исследованиях.

В заключение необходимо взвесить положительные и отрицательные моменты, связанные с применением этого метода. Положительная сторона здесь состоит в том, что исследователь получает возможность непосредственно воспринимать события, формы общения людей в группе, социальные процессы и, следовательно, более точно оценить их при анализе. Но дело здесь не только в точности оценки, но и в том, что непосредственное наблюдение стимулирует мысль, заставляет задуматься над многими вопросами, которые не возникают в процессе вторичного анализа материала. В процессе наблюдения источником размышления и теоретизирования оказывается непосредственный контакт с людьми. Поэтому не стоит пренебрегать этим методом в любом социологическом исследовании.

Вместе с тем следует учесть и отрицательные моменты метода наблюдения, связанные прежде всего с трудоемкостью всей совокупности работ. Если непосредственное наблюдение занимает около 100 рабочих часов, то оформление итогов наблюдения в виде записей должно занимать в 2 раза больше времени. Столько же времени, т. е. пример-

но 300 часов, уходит на анализ материала и составление отчета¹.

Следует заметить, что запись материалов представляет собой необходимый элемент наблюдения, ибо только в этом случае материалы наблюдения превращаются из непосредственных личных впечатлений в достояние науки, в исходный материал исследования.

Благодаря записям имеется возможность проверки и перепроверки исходных данных и повторного обращения к материалам наблюдения. Потребность в такого рода повторных обращениях зачастую возникает в ходе анализа материала.

В данном случае немаловажное значение приобретает техника записи, вплоть до таких деталей, как ясность почерка наблюдателя.

Другой отрицательный момент метода наблюдения связан с тем, что зачастую сам факт наблюдения оказывает определенное воздействие на наблюдаемую ситуацию. Это особенно важно иметь в виду при наблюдении различного рода отрицательных с точки зрения общепринятых стандартов фактов и событий. Чем большая степень отклонения от норм тех или иных явлений, тем дальше они от наблюдателя и тем сильнее меняется ситуация, когда факт наблюдения становится всем известным. Процесс наблюдения, следовательно, имеет тенденцию изменять ситуацию в направлении общепринятого. С этим сталкиваются достаточно часто организаторы разного рода проверок и комиссий.

Искажающее или деформирующее влияние наблюдения на исследуемый процесс тем больше, чем яснее выражены практические — оценочные — задачи самого наблюдения. Отсюда проистекает важность организации систематического наблюдения и накопления информации по всем наиболее существенным вопросам с точки зрения управления социальными процессами. К сожалению, зачастую такое наблюдение организуется лишь тогда, когда

¹ См. М. Л. Монина. Критический очерк методов и техники социологических исследований за рубежом. — «Информационный бюллетень ССА», № 1. М., 1967.

поступает «сигнал» о неблагоприятном положении дел.

Следующая трудность, которую мы должны иметь в виду при организации наблюдения,— это возможность воздействия установок самого исследователя на восприятие объекта. Не секрет, что человек зачастую видит то, что он хочет видеть, а задача состоит в том, чтобы данные представляли собой то, что есть на самом деле. Это тоже довольно сложная задача. Во всяком случае она не должна быть упущена из поля зрения при организации сбора материала с помощью метода наблюдения.

Например, можно рекомендовать такой способ: наблюдать одно и то же событие с помощью разных наблюдателей, и если данные окажутся повторяющимися, то отсюда следует сделать вывод об определенной достоверности материала. Здесь важно не только действие всех ценностных установок, связанных с психологией наблюдателя, но и способ выражения результатов наблюдения.

Не меньшая трудность связана с разрывом между непосредственным наблюдателем и исследователем. Зачастую бывает так, что тот, кто осуществляет наблюдение, лишь представляет ту или иную исследовательскую группу, являясь ее частью. Здесь важны отрегулированные контакты между группой наблюдений и группой анализа. Может оказаться, что руководитель исследования имеет в виду одно, а тот, кто осуществляет наблюдение, либо не понимает замысла исследования, либо имеет в виду нечто совсем другое.

При оценке наблюдения как метода сбора информации возникают и проблемы морального порядка. В качестве минимума здесь необходимо иметь в виду, что отнюдь не все средства наблюдения хороши даже ради науки.

Глава IV

Анализ

и обобщение материала

в социологическом

исследовании

Из всей совокупности сложных вопросов, связанных с обработкой, анализом, обобщением и интерпретацией материала в социологическом исследовании, мы остановимся на наименее разработанных в социологической литературе: на вопросах шкалирования в связи с применением математических методов и моделей в работе социолога и на некоторых вопросах интерпретации данных в связи с задачами обобщения.

В дальнейшем изложении мы будем исходить из того, что читателю известны наиболее распространенные приемы обработки данных и формы статистического анализа. К их числу мы относим группировку, составление статистических таблиц, исчисление долей, процентов, отношений и других аналогичных показателей, вычисление средних трех типов (средней арифметической, средней медианной и моды), методы корреляционного анализа. Все это излагается в любом пособии по статистике, и поэтому мы можем перейти к изложению реже встречающихся приемов, связанных с проникновением в социологию количественных методов и с обнаружением латентных структур в данных социологического исследования.

Шкалирование и методы латентного анализа в социологическом исследовании

Одна из наиболее характерных черт развития современной науки — математизация всех отраслей знания, проникновение во все ее области количественных методов. Этот процесс характеризует не только естественные науки, многие из которых по традиции называются точными, но и общественные науки. Под влиянием целого ряда объективных процессов, происходящих как за пределами науки, так и внутри нее, формируется современный стиль научного мышления, характеризующийся лаконичностью, стремлением к строгому обоснованию исходных посылок всякого научного рассуждения, точности результатов исследования, воспроизводимости всех этапов этого исследования, с тем чтобы ни одно положение не воспринималось на веру, а было научно обоснованным и верифицируемым, т. е. чтобы это положение могло быть подвергнуто проверке на истинность.

Среди факторов, оказывающих наибольшее влияние на процесс математизации общественного знания, необходимо отметить, во-первых, возрастание роли научного знания в современном обществе вообще; во-вторых, быстрые успехи целого ряда точных наук, выражающиеся не только в чисто теоретических результатах — открытии новых законов, новых областей знания, но и воплощающихся в целом ряде отраслей современного производства; в-третьих, расширяющиеся возможности применения общественной науки в сфере управления социальными процессами. Отмеченные тенденции могут быть правильно поняты в связи с происходящими сдвигами в социальной структуре общества: наблюдается неуклонная тенденция роста доли научно-технических работников в общей массе занятого населения. В силу указанных обстоятельств растет

престиж точного знания в общественном мнении. Об этом свидетельствует целый ряд исследований в области выбора профессии молодыми людьми, а также данные о конкурсах при поступлении в вузы.

Можно указать по крайней мере на три канала, по которым осуществляется проникновение математики в социологическое исследование. Во-первых, это сбор социологической информации. Одной из главных задач всякого исследования остается проблема репрезентативности собранного материала. Наибольшее значение для решения этой задачи имеют такие разделы математики, как теория вероятностей и — более узко — математическая статистика, прежде всего теория выборки.

Второй путь проникновения математики — это сфера анализа данных. Если в первом направлении можно указать на вполне конкретную область математики, которую можно использовать в готовом виде, то в сфере анализа социологических данных эту задачу выполнить несколько труднее. Дело в том, что математика в качестве своей эмпирической базы имела в основном физические процессы, точнее, процессы неживой природы. Социальная действительность почти не привлекала внимания математиков. Существовало убеждение о принципиальной недоступности социальных явлений методам количественного анализа. В результате сейчас лишь некоторые разделы математики, как, например, теория корреляционного анализа, факторный многомерный анализ, дискриминантный анализ, могут быть использованы в обработке социологического материала¹.

В сфере анализа социологического материала открывается новая область применения математики, где и математикам и социологам предстоит решить немало задач. Сейчас можно лишь сказать, что эффективность такого рода исследований будет весьма значительной ввиду возможности использования

¹ Наиболее широкое применение в социологических исследованиях получил метод корреляционного анализа. Метод факторного анализа использован в работах Т. И. Заславской, метод дискриминантного анализа еще не применялся в известных нам советских исследованиях.

современной электронно-вычислительной техники и сложности социологического материала.

Третья область взаимодействия математики и социологии связана с возможностями и перспективами построения социальных моделей различного рода, с проблемой социального моделирования. Эта область еще менее разработана, чем область анализа. Главным образом дело объясняется тем, что потребности самих социологов в этом направлении еще не вполне четко обрисовались. Задачи построения математических моделей социальных процессов формулируются в самом общем виде и зачастую оказываются лишь модной фразой. Нам представляется, что к построению моделей социальных процессов можно будет перейти тогда, когда будет более или менее удовлетворительно решена в социологии проблема математического анализа. В решении же этой промежуточной задачи лучше начинать не с применения высших разделов математики, а с усвоения и введения в научный оборот элементарных приемов и методов. Не секрет, что значительная часть социологов у нас едва дошла до умения грамотно составлять первичную статистическую таблицу. В основном мы оперируем с помощью процентных показателей, а они не всегда являются наиболее удобными. Главное преимущество процентирувания состоит в том, что оно всем понятно, главный недостаток этого способа — в небольшой аналитической емкости.

Шкалирование в социологии является главным образом средством анализа собранного статистического, массового материала. Иногда шкала используется и при сборе материала, но используется и в этом случае в качестве заранее заданного инструмента анализа. Главная задача шкалирования состоит в том, чтобы привести качественно разнородные данные к сопоставимым количественным показателям. Это необходимая процедура в каждом социологическом исследовании: только таким путем можно обеспечить сравнимость различного рода данных и далее обнаружить различного рода тенденции, которые, собственно, и интересуют социолога.

Поскольку эта задача является общей для соци-

ологических исследований, то и сфера применения шкал достаточно широка. Можно указать на ряд конкретных исследований, в которых шкалы в той или иной форме уже применялись в аналитических целях. Это шкалы удовлетворенности работой, специальностью и другие шкалы, примененные ленинградскими социологами при изучении отношения к труду, шкалы популярности профессий в исследовании новосибирцев и ленинградцев, шкалы взаимоотношений в коллективе, шкалы использования различных средств коммуникации.

Чтобы разобраться в методике шкалирования, научиться оперировать этим методом, необходимо уяснить ряд понятий, дающих представление об общих принципах этой методики. Такими понятиями являются континуум, шкала и индекс.

Континуум в буквальном значении — протяженность. Социолог исходит из предположения, что исследуемое им явление представляет собой некоторую протяженность, которую можно уподобить пространственной протяженности или линии. Эта протяженность или линия имеет определенные границы — начало и конец, которые соответствуют крайним состояниям исследуемого социологом явления или процесса. Начало и конец — это максимум и минимум наличия какого-либо свойства. Например, максимальная удовлетворенность работой и максимальная неудовлетворенность ею; избираемость данной профессии всеми или, наоборот, отказ от данной профессии; использование данного источника информации всей массой населения или, наоборот, никто не пользуется данным источником информации. Как видно из приведенных примеров, сами крайние точки континуума существуют зачастую лишь как возможные точки, а не как реальные положения. Обследуемая масса, как правило, концентрируется не на крайних точках, а в промежутке между ними. Тем более необходимым является понятие континуума, которое означает протяженность между точками. В большей части исследований можно предполагать, что переход от одной крайней позиции к другой совершается не дискретно (по порциям, строго ограниченным), а постепенно,

что имеется много промежуточных положений, точно так же, как имеется сколь угодно точек на любом отрезке ограниченной прямой линии.

Шкала представляет собой определенную метрическую систему единиц, которая служит в качестве единого масштаба для измерения изучаемых явлений, расположенных в данном континууме. Шкала — это определенная разбивка континуума, как правило, на равные части, чтобы удобнее было использовать эту разбивку в качестве инструмента сравнения. Если континуум ограничена прямой, то шкала — ряд точек на этой прямой, находящихся на равноудаленном расстоянии друг от друга.

Индекс — количественный показатель, при помощи которого устанавливается положение наблюдаемой единицы на шкале. Способы расчета индексов могут быть разнообразными в зависимости от свойств исследуемого континуума, от выбора шкалы в качестве общей системы измерений. Индекс есть количественный показатель, некое число, и в качестве такового он не содержит в себе качественных определений исследуемого объекта. Он дает некоторое сведение качественных характеристик, зачастую весьма разнообразных, к количественной определенности, которая характеризуется лишь в терминах «больше», «меньше», «сильнее» или «слабее». Он отвечает также на вопрос: насколько больше, насколько сильнее? и т. д. Поэтому неправильно требовать от индекса того, чего он не может дать, — полной качественной характеристики изучаемого объекта. Необходимо помнить, что сама задача шкалирования предполагает сведение качественных признаков к количественным показателям. В зависимости от способа расчета индекса она сама может решаться более или менее успешно.

Правильный выбор индекса предполагает, что он обладает по крайней мере двумя важными свойствами. Во-первых, он должен иметь пределы колебаний, соответствующие крайним точкам континуума. С точки зрения этого требования необходимо избегать индексов, обладающих способностью колебаться от плюс бесконечности до минус бесконечности. Во-вторых, индекс должен быть достаточно

чуток в своем поведении, он должен изменяться по мере изменения реального положения изучаемого объекта в исследуемой системе.

В практических целях прежде, чем выбрать метод расчета индекса, полезно посмотреть, как он будет себя вести в различных ситуациях. Нам представляется, что в социологических исследованиях наиболее эффективно применение индекса, который теоретически может колебаться в весьма ограниченных пределах — от плюс единицы до минус единицы. Такой индекс, рассматриваемый в качестве показателя распределения исследуемой совокупности, достаточно чуток, поскольку он может быть рассчитан до любого знака.

При выборе метода расчета индекса необходимо иметь в виду также, что любой индекс сохраняет лишь одно количественное отношение, за которым могут скрываться разнородные не только в качественном, но и в количественном отношении данные или характеристики. Поэтому нельзя заранее определить, какой из методов расчета индекса является наиболее удачным для всех звеньев. Выбор этого метода должен соотносываться с задачами исследования, имея в виду, что любой из них связан с некоторой потерей информации. Здесь важно решить, что следует сохранить в целях дальнейшего анализа, а что можно и опустить без большого риска прийти к ошибочным умозаключениям.

Рассмотрев основную задачу шкалирования и выяснив смысл основных понятий темы, следует остановиться и на вопросе классификации шкал.

Можно выдвинуть по крайней мере три принципа классификации шкал. Прежде всего шкалы различаются в зависимости от того, что они шкалируют, в зависимости от объекта измерения. Во-вторых, они различаются между собой в зависимости от функции, выполняемой ими в процессе исследования. В-третьих, шкалы отличаются друг от друга способом своего построения.

Измеряемые объекты относятся к двум большим классам явлений: это либо явления объективной действительности, характеризующие те или иные признаки социального положения, элементы образа

жизни или формы социального поведения, либо это явления общественного сознания.

В первом случае исходным материалом для шкалы является некоторая объективная информация, не связанная с выявлением общественного мнения. В качестве примера здесь можно привести воображаемую шкалу обеспеченности жильем населения того или иного города. Достаточно тщательное исследование могло бы показать, как распределяется население этого города между двумя крайними полюсами обеспеченности жильем. Разумеется, здесь понадобилось бы определить сами эти полюса. Другим примером шкалы подобного рода может являться упорядоченный ряд профессий по таким признакам, как например, содержательность труда, средний размер заработной платы, средний доход на члена семьи, доля женщин в составе сравниваемых профессиональных групп и т. д.

Такого рода шкалы — упорядоченные ряды — имеют большое применение в социологических исследованиях не только потому, что они интересны сами по себе, поскольку они описывают изучаемые явления, но и потому, что они представляют собой некоторый исходный материал для дальнейшего анализа данных. Наиболее успешно дальнейший анализ в данном случае осуществляется с помощью определения ранговых корреляций, т. е. определения степени соответствия мест (рангов) расположения на шкалах¹. Предположим, что нам надо выяснить степень связи между двумя признаками — заработной платой и устойчивостью профессиональных групп. Для этого мы прежде всего должны упорядочить исследуемые профессиональные группы по обоим признакам: расположить их на шкале устойчивости профессий от максимума к минимуму и на аналогичной шкале проделать то же самое по заработной плате. Если оказалось бы, что оба полученных ряда совпадают, то это означало бы очень сильную степень зависимости между исследуемыми

¹ Методы расчета коэффициентов ранговой корреляции (коэффициент Кендэлла и коэффициент Спирмена) см.: Д. Э. Юл и М. Д. Кендэлл. Теория статистики. М., 1960, стр. 304 и далее.

признаками. Такое совпадение практически значило бы, что заработная плата является решающим и единственным фактором, определяющим устойчивость профессий. Однако такого рода совпадения в социологическом исследовании практически не встречаются. Расчет степени совпадения двух полученных рядов и осуществляется с помощью вычисления коэффициента ранговой корреляции. Этот коэффициент позволяет установить степень связи между исследуемыми признаками. Метод расчета коэффициента ранговой корреляции для определения степени тесноты связи часто применяется в работах новосибирских социологов. Нами этот прием был использован при исследовании причин текучести рабочей силы в ленинградской промышленности на материале обследования 11 тыс. рабочих, сменивших место работы в течение 15 месяцев. Двенадцать обследованных профессиональных групп следующим образом упорядочились на шкале устойчивости и шкале заработной платы (см. стр. 174).

Что дает сопоставление этих шкал и как следует их анализировать?

Прежде всего большой интерес представляют максимальные и минимальные позиции на шкалах. Оказывается, что даже в самых устойчивых профессиях более четвертой части рабочих меняют профессию при перемене места работы. В наиболее неустойчивых профессиях эта доля превышает 75%. Максимум превышает минимум примерно в 3 раза. Размах колебаний между крайними точками шкалы заработной платы значительно меньше, шкала здесь обладает как бы большей плотностью. Если принять заработную плату швейников за 100%, то заработок металлургов и литейщиков составит 166%.

Далее, уже простое сопоставление двух шкал без применения математического аппарата свидетельствует о том, что между ними имеется определенное соответствие. Слесари, металлурги и литейщики в обоих случаях оказываются в верхней части шкалы, в то время как рабочие непромышленных профессий, текстильщики, швейники, подсобные рабочие — в нижней ее части. Расчет коэффициента ранговой корреляции показывает достаточно высо-

Место на шкале	Шкала устойчивости профессий	% рабочих, сменивших специальность	Шкала заработной платы	Средний размер заработной платы
1	Слесари	26,8	Металлурги и литейщики	106,4
2	Электрорадиомонтажники	35,4	Строители	100,2
3	Металлурги и литейщики	35,5	Слесари	98,8
4	Химики и резинщики	40,7	Электрорадиомонтажники	92,2
5	Обувщики и кожевники	41,2	Станочники	92,2
6	Прочие профессии в промышленности . .	42,5	Прочие профессии в промышленности . .	83,0
7	Станочники	48,6	Химики и резинщики	82,1
8	Швейники	49,4	Подсобные рабочие . .	79,8
9	Строители	61,1	Текстильщики	76,1
10	Подсобные рабочие . .	62,8	Обувщики и кожевники	75,0
11	Текстильщики	65,4	Непромышленные профессии	72,4
12	Непромышленные профессии	75,8	Швейники	68,4

кую степень связи между устойчивостью профессиональных групп и заработком (коэффициент Кендалла равен 0,67, коэффициент Спирмена — 0,43).

Интересный пример применения шкал дается Б. Ц. Урланисом. В приложении к его книге «Структура населения СССР и США» приводятся шкалы, характеризующие применение женского труда в различных профессиональных группах в СССР и в США. На крайних полюсах этих шкал — занятия «почти исключительно мужского труда» и занятия «почти исключительно женского труда». Сопоставляются на этих шкалах 160 профессий и занятий в СССР, по данным переписи 1959 г., и 147 занятий и профессий в США, по данным на 1950 г. В этом случае мы имеем дело с гораздо большим объемом информации, чем в только что приведенном примере применения шкал. Реальные пределы колебаний показателей шкал почти совпадают с их теорети-

чески возможными пределами: от 0,4% женщин среди паровозных кочегаров в США до 99,7% женщин среди заведующих детскими яслями и воспитателей в детских яслях в СССР. Рассмотрение подобного рода шкал на глазок мало что дает, применение корреляционного анализа затруднено также в силу несовпадения некоторых исходных статистических данных: различий в структуре профессий, наличия в одной стране ряда таких профессий, которых нет в другой (например, экономки в частных домах в США). Здесь наиболее удобными способами дальнейшего анализа данных могут явиться метод группировки и построение таблиц. Данные шкал могут быть сведены в единую таблицу, показывающую соотношение мужских и женских профессий в обеих странах (см. стр. 176).

Сопоставление количества профессий на крайних полюсах шкалы применения женского труда в СССР и США свидетельствует о том, что в США значительно сильнее идет процесс дифференциации профессий на чисто мужские и чисто женские; вместе с тем следует отметить, что эта дифференциация в сравниваемых странах осуществляется как бы в различных направлениях — в США она идет за счет резкого увеличения мужских профессий, в СССР — за счет значительного роста профессий с преобладанием женского труда.

Следует отметить, что подобная обработка материалов шкалирования неизбежно ведет к некоторым потерям информации. Так, при первоначальном сопоставлении шкал до сведения их в одну таблицу можно не только увидеть общую картину соотношения профессий и занятий в зависимости от доли женского труда, но и сопоставить одни и те же или близкие друг другу занятия по данному признаку. Оказывается, например, что доля женского труда среди учителей почти одинакова для СССР и США (соответственно 73 и 74,5%), в то же время среди врачей в США лишь 6,1% женщин, а в СССР их 79%. Этих деталей уже не видно при количественном сопоставлении группировок; для более детального анализа материала неизбежно приходится возвращаться к положению профессий на шкале.

Количество мужских и женских профессий в СССР и США¹

	Доля женского труда, в %	Количество профессий	
		СССР	США
Почти исключительно мужской труд	до 1	1	25
Подавляющее преобладание мужского труда	1—9,9	6	53
Резкое преобладание мужского труда	10—19,9	19	16
Значительное преобладание мужского труда	20—29,9	18	5
Небольшое преобладание мужского труда	30—44,9	21	12
Приблизительное равенство применения мужского и женского труда	45—54,9	16	14
Небольшое преобладание женского труда	55—69,9	25	10
Значительное преобладание женского труда	70—79,9	13	6
Резкое преобладание женского труда	80—89,9	15	7
Подавляющее преобладание женского труда	90—98,9	21	9
Почти исключительно женский труд	99—100	5	—
Итого		160	147

¹ Сосчитано по Приложению IV «Распределение занятий по удельному весу женского труда» к книге Б. Ц. Урланиса.

Как свидетельствуют приведенные примеры, шкалы первого типа упорядочивают тем или иным образом определенные объективные свойства исследуемых явлений. Как правило, в таких шкалах исследователь имеет дело с материалом вторичного порядка — единицей, положение которой отмечается на шкале, является не индивидуум, а та или иная группа.

Шкалы второго типа направлены на измерение и сопоставление явлений общественной или групповой психологии. Основные методические труднос-

ти, возникающие при их использовании, те же, что и при опросах (они были рассмотрены нами в предыдущей главе). Наиболее распространенными шкалами среди этой группы являются шкалы удовлетворенности, предлагающие выявить некоторое внутреннее состояние индивидуума и измерить его путем сравнения с близкими или противоположными ему состояниями (например, шкала удовлетворенности работой или определенными источниками политической информации); шкалы согласия, предлагающие опрашиваемому высказать степень его согласия с какими-либо суждениями. Эти шкалы находят наибольшее применение при исследованиях общественного мнения; шкалы оценки, предлагающие оценить те или иные общественные явления либо избранием некоторого количественного балла в пяти-, десяти- или трехбалльной системе, либо путем высказывания одобрения или неодобрения различным формам поведения, институтам, социальным явлениям иного порядка.

Более сложными шкалами и поэтому менее часто применяемыми являются шкалы, направленные на выяснение степени информированности, установки, понимаемой как готовность к действию, на выявление ценностных ориентаций. Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что все перечисленные явления различаются по степени их связи с наиболее глубокими сторонами психологии индивида — его потребностями и интересами. Одна из наиболее распространенных ошибок, обнаруживающихся в опросах, состоит именно в смешении этих понятий. Например, оценка источников информации иногда интерпретируется как ориентация на эти источники. Несомненно, что между этими явлениями существует определенная связь, но эта связь не может служить основанием для их смешения.

Дальнейшая классификация шкал, измеряющих социально-психологические состояния, возможна в зависимости от того, что оказывается объектом интереса, потребности, высказываемого мнения, оценки, степени удовлетворения, ценностной ориентации и т. д. Методы измерения и способы построения

шкал найти тем легче, чем более поверхностные психологические отношения затрагиваются при исследовании, и тем труднее, чем глубиннее эти процессы.

Второе основание классификации шкал — та функция, которая выполняется шкалой в ходе исследования. Выше отмечалось, что шкалирование в социологическом исследовании является средством анализа материала. Однако этот анализ иногда может начинаться уже на первой ступени сбора информации. Шкала в данном случае конструируется исследователем заранее как средство организации и классификации собираемых данных. Такая заранее сконструированная шкала может использоваться исследователем двойным способом. Прежде всего он может размещать на шкале материал наблюдения, самостоятельно определяя на ней по данным наблюдения место той или иной единицы. Другой способ (также использующийся при сборе материала и особенно часто при опросах) состоит в том, что опрашиваемый сам определяет свое положение на шкале, сконструированной исследователем. В обоих случаях шкала выступает не только средством анализа, но и в значительной мере средством сбора материала. Как правило, при этом виде шкалирования исследователь имеет дело с гомогенной, или одномерной, шкалой, которая измеряет исследуемый объект в одном, и только в одном, отношении. Континуум здесь представляется в качестве однонаправленной протяженности. Индексы, применяемые в шкалах такого типа, элементарны. Это либо процент, либо оценка, выраженная в баллах.

Чисто аналитические шкалы строятся исследователем как обобщение ряда шкал первичного порядка. В этом случае исследователь имеет дело зачастую уже не с одномерными, а многомерными шкалами, сводящими к единой системе сопоставимых количественных показателей несколько качественных признаков, расположенных как бы в разных континуумах. Индекс в этом случае носит более сложный характер. Это показатель, сводящий к единому несколько количественных показателей. Иногда это средние баллы, иногда показатели от-

ношений одного ряда чисел к другому. Как правило, здесь возникает проблема сведения нескольких континуумов к одному, аналогичная в какой-то мере задаче поиска общего знаменателя. Для этой цели может быть использован реальный размах крайних позиций исследуемых свойств в континуумах. Расстояние между полюсами нескольких шкал может быть условно приравнено друг к другу либо методом процентовки (принимая эти расстояния каждый раз за сто процентов), либо нахождением иной меры. Часто одну из крайних позиций обозначают через 1, а другую через -1 . Тогда реальная характеристика исследуемой совокупности будет находиться где-то между этими двумя величинами, что обеспечивает целый ряд преимуществ в ходе дальнейшей аналитической работы.

Третье основание классификации шкал — способ их построения и связанные с ним их аналитические возможности. Здесь обычно выделяются номинальные шкалы, или шкалы наименований, и метрические шкалы. Шкалы наименований в свою очередь подразделяются на частично упорядоченные и полностью упорядоченные. Под частично упорядоченной шкалой понимается такого рода ряд, в котором ясны его крайние точки; что же касается единиц наблюдения, оказавшихся между ними, то их последовательность неизвестна. В шкале наименований не вводится точная мера количественного измерения, в ней есть лишь последовательность измеряемых единиц наблюдения с точки зрения того, «больше» или «меньше», «сильнее» или «слабее» обнаруживается изучаемый признак. Эта шкала не дает ответа на вопрос, насколько больше или насколько сильнее. Полностью упорядоченная шкала располагает не только крайние, но и все исследуемые единицы или группы их в определенной последовательности, не вводя, однако, и здесь четкой единицы измерения.

Единицы измерения применяются в метрических шкалах, которые также подразделяются на два вида: метрическую шкалу с неравными интервалами и метрическую шкалу с равными интервалами. Следует обратить внимание на то обстоятельство,

что речь здесь идет не о положении наблюдаемых единиц на шкале, а о метрической структуре самой шкалы. Шкала процентов всегда шкала с равными интервалами, хотя положение измеряемых единиц на ней может далеко не одинаково концентрироваться на разных ее участках.

Остановимся подробнее на двух примерах применения шкал в аналитических целях. Первый пример связан с обработкой данных, полученных при альтернативной оценке каких-либо явлений; второй имеет в виду выявление внутренней последовательности изучаемых явлений в том случае, когда эта последовательность обнаруживается лишь в некоторых внешних признаках.

Итак, при ответе на вопрос о том, что нравится рабочему в его работе, была получена приведенная ниже последовательность привлекательных моментов в работе (общее число опрошенных — 2665):

Шкала 1

1. Хорошие отношения с товарищами . . .	1 860
2. Удобная сменность	1 471
3. Разнообразная работа	1 164
4. Работа требует смекалки	1 052
5. Хорошая техника безопасности	1 038
6. Хороший заработок	959
7. Не вызывает физического переутомления	894
8. Работа дает возможность повышать квалификацию	812
9. Равномерное обеспечение работой . . .	810
10. Внимательное отношение администрации	808
11. Важность продукции, которую выпускает цех (завод)	780
12. Хорошее оборудование	763
13. Хорошая организация труда	714
14. Хорошие санитарно-гигиенические условия	705

Те же характеристики расположились в иной последовательности при ответе на вопрос о том, что рабочему не нравится в его работе (см. шкалу 2).

Сравнение этих двух упорядоченных шкал обнаруживает, что в выражении мотивов удовлетворенности и неудовлетворенности работой наблюдаются весьма существенные различия. Максимальное число дающих положительную оценку одному из эле-

Шкала 2

1. Плохие санитарно-гигиенические условия	968
2. Неравномерное обеспечение работой . . .	951
3. Физически тяжелая работа	876
4. Плохой заработок	843
5. Плохое оборудование	797
6. Работа не дает возможности повышать квалификацию	793
7. Невнимательное отношение администрации	707
8. Однообразная работа	677
9. Неудобная сменность	657
10. Плохая организация труда	656
11. Работа не заставляет думать	639
12. Плохая техника безопасности	421
13. Не вызывает интереса характер продукции, которую выпускает завод	322
14. Плохие отношения с товарищами . . .	66

ментов рабочей ситуации — отношениям с товарищами по работе — достигает 1860 человек (70% опрошенных), а максимальное число дающих отрицательную оценку (санитарно-гигиеническим условиям) — 968 человек (36%). Размах колебаний положительных оценок от 1860 до 705 человек, т. е. от 70 до 23%; размах колебаний отрицательных оценок от 968 до 66 человек, т. е. от 36 до 2,5%. Следовательно, готовность к положительной оценке работы и составляющих ее элементов гораздо выше, нежели готовность к отрицательным оценкам.

Многие элементы рабочей ситуации вызывают нейтральную реакцию опрошенных. 1643 человека не выбирают ни положительной, ни отрицательной оценки относительно значимости продукта труда.

Весьма высокая доля нейтрально оценивающих организацию труда и отношение администрации к рабочим. Сменность, отношения с товарищами по работе, степень разнообразия работы, заработок оказываются наименее нейтральными моментами. По поводу этих обстоятельств наибольшее число рабочих делает либо положительный, либо отрицательный выбор.

Сравнение шкал показывает, далее, что характеристики работы расположены в весьма различной последовательности в зависимости от того, какое

действие они вызывают — удовлетворенность или неудовлетворенность работой. Исключение представляют лишь отношения с товарищами по работе: они выходят на первое место при оценке положительных сторон и на последнее место при оценке отрицательных сторон трудовой деятельности. Вывод, который может быть сделан из этого факта, состоит в том, что состояние удовлетворенности имеет несколько иную природу, нежели состояние неудовлетворенности работой.

Степень разнообразия работы и элементы умственного труда выходят на 3 и 4 место в первом случае и на 8 и 11 — во втором. Это обстоятельство затрудняет дальнейшую интерпретацию данных, так как здесь не выявляется еще связи между состоянием удовлетворенности работой, с одной стороны, и мотивами этой удовлетворенности или неудовлетворенности — с другой. Чтобы выяснить эту связь, необходимо сопоставить полученные данные с распределением опрошенных на шкале удовлетворенности работой.

В ходе исследования были получены две такие шкалы: неконтролируемая, полученная на основании ответов на прямо поставленный вопрос, и контролируемая, полученная в результате сопоставления тех же ответов с двумя контрольными по методу логического квадрата¹.

Сопоставление этих двух шкал дает следующую картину:

Состояние удовлетворенности- неудовлетворенности	Неконтролируемая шкала 3	Контролируемая шкала 4	Оценка
Работой вполне доволен	541	427	+1
Скорее доволен, чем недоволен	1 036	665	+0,5
Работа для меня безразлична или «не могу сказать»	656	1 156	0
Скорее недоволен, чем доволен	255	297	-0,5
Совершенно недоволен работой	178	124	-1

Индекс удовлетворенности +0,28, +0,18.

¹ См. подробнее в кн.: «Человек и его работа». М., 1967, стр. 75.

Индекс распределения при оценке крайних позиций (+ 1 и — 1) оказывается в случае неконтролируемой шкалы + 0,28, в случае контролируемой — + 0,18. Это означает, что в случае удовлетворенности работой неконтролируемая шкала показывает гораздо более смещенную в сторону удовлетворенности картину, нежели контролируемая шкала.

Задача дальнейшего анализа — сопоставление мотивов удовлетворенности и неудовлетворенности работой с состоянием или балансом удовлетворенности-неудовлетворенности. В этих целях выделяются из общего массива обследуемых две группы: группа рабочих, вполне удовлетворенных работой (первый пункт 4-й шкалы — 427 чел.), и группа рабочих, совершенно не удовлетворенных работой (пятый пункт 4-й шкалы — 124 чел.). В каждой из этих групп выявляется оценка каждого из элементов рабочей ситуации, перечисленных в шкалах 1 и 2. В результате получаем следующую таблицу, характеризующую отношение рабочих, удовлетворенных и не удовлетворенных работой, к различным элементам рабочей ситуации (см. стр. 184).

Располагая элементы рабочей ситуации в зависимости от разницы в оценках удовлетворенными и не удовлетворенными работой, получаем новую шкалу, в которой обнаруживается скрытая до сих пор зависимость между различными моментами рабочей ситуации и балансом удовлетворенности работой (см. шкалу 5).

Предлагаемая шкала, которая, как мы видим, строится через серию последовательных этапов, является одной из форм так называемого латентного анализа, поскольку выявленная связь между удовлетворенностью работой и восприятием различных элементов рабочей ситуации обнаруживается отнюдь не сразу¹.

Второй пример латентного анализа с помощью построения шкалы может быть проиллюстрирован на следующем примере. Исходная информация содержит оценку рабочего со стороны администра-

¹ Содержательный анализ обнаруженной зависимости см. в кн.: «Человек и его работа», стр. 175—181.

Оценка элементов рабочей ситуации рабочими, удовлетворенными и не удовлетворенными своей работой

Элементы рабочей ситуации	Удовлетворенные работой (427 человек)				Не удовлетворенные работой (124 человека)			
	положительная оценка +1	нейтральная оценка 0	отрицательная оценка -1	индекс V_1	положительная оценка +1	нейтральная оценка 0	отрицательная оценка -1	индекс V_2
Разнообразие работы	261	89	77	+0,43	29	22	73	-0,35
Важность продукции	239	160	28	+0,49	26	65	33	-0,05
Содержательность работы	257	133	37	+0,51	21	2	101	-0,64
Физическая нагрузка	192	139	96	+0,22	19	38	67	-0,38
Повышение квалификации	224	146	57	+0,40	18	33	73	-0,44
Зарботок	247	115	65	+0,42	16	31	77	-0,49
Сменность	289	78	60	+0,53	55	33	36	+0,15
Оборудование	178	140	109	+0,16	18	49	57	-0,31
Организация труда	183	165	79	+0,24	15	53	56	-0,33
Ритмичность	178	97	152	+0,06	34	33	57	-0,18
Санитарно-гигиенические условия	160	137	130	+0,07	19	44	61	-0,33
Техника безопасности	221	157	49	+0,40	27	57	40	-0,10
Отношения с товарищами	336	82	9	+0,76	76	41	7	+0,55
Внимание со стороны администрации	195	200	32	+0,38	26	45	53	-0,22

Шкала 5

Элементы рабочей ситуации	v_1	v_2	$v_1 - v_2$
Содержательность работы	0,51	-0,64	1,15
Заработок	0,42	-0,49	0,91
Перспективы повышения квалификации	0,40	-0,44	0,88
Разнообразие работы	0,43	-0,35	0,78
Физическая нагрузка	0,22	-0,38	0,60
Отношение администрации к рабочим	0,38	-0,22	0,60
Организация труда	0,24	-0,33	0,57
Состояние оборудования	0,16	-0,31	0,47
Санитарно-гигиенические условия	0,07	-0,33	0,40
Ритмичность	0,06	-0,18	0,24
Состояние техники безопасности	0,40	-0,10	0,50
Значимость выпускаемой продукции	0,49	-0,05	0,54
Сменность	+0,53	+0,15	0,38
Отношения с товарищами	0,76	+0,55	0,21

ции по ряду показателей: дисциплинированности, инициативности, выполнению норм выработки и т. д. Задача состоит в том, чтобы расположить всю массу обследованных рабочих не по одному признаку, а по всей их совокупности, т. е. образовать так называемый многомерный континуум на основании сочетания n -го количества одномерных континуумов. Так, в ленинградском исследовании отношения к труду рабочей молодежи в карточке рабочего содержалось девять характеристик, по которым обследуемые распределились следующим образом (количество человек):

I. Выполнение норм выработки	
значительно перевыполняют	266
перевыполняют	1 132
выполняют	915
не выполняют	102
II. Качество продукции	
хорошее	1 643
среднее	992
плохое	29
III. Ответственность в работе	
можно доверить ответственную работу	1 904
нельзя доверить ответственную работу	766
IV. Участие в передовых починах	
участвуют	535
не участвуют	2 135

V. Участие в рационализации	
участвуют	320
не участвуют	2 346
VI. Предложения по улучшению организации труда	
предлагают	683
не предлагают	1 987
VII. Случаи отказа от поручаемой работы	
не бывает	2 433
бывает	237
VIII. Состояние трудовой дисциплины	
дисциплинированны	2 303
бывают случаи нарушения дисциплины	406
недисциплинированны	56
IX. Наличие общественных порицаний за поведение на работе или в быту	
не имеют порицаний	2 358
имеют	310

Ни один из этих пунктов характеристики не может быть принят за единственный или за самый важный с точки зрения объективных критериев отношения к труду.

Чтобы решить поставленную задачу создания многомерного континуума, необходимо взвесить каждый из перечисленных пунктов. Можно было бы пойти здесь по пути приписывания значения каждому пункту, однако такое приписывание не может быть обоснованным. Объективная характеристика значимости каждого пункта может быть получена, когда в качестве основания для оценки весов будет положено само сложившееся распределение. Причем значение каждой характеристики, или вес пункта, должно быть тем большим, чем меньше количество лиц наделяется этой характеристикой, и, наоборот, чем большее число лиц обладает данной характеристикой, тем меньше ее дифференцирующее значение. Так как подавляющее большинство рабочих выполняет норму выработки, то этот признак не выделяет ни одного из них ни в лучшую, ни в худшую сторону. Если же при общем выполнении норм только несколько человек оказываются перевыполняющими, то это обстоятельство значительно выделяет этих нескольких из общей массы.

Следовательно, вес данной характеристики дол-

жен быть обратно пропорционален количеству людей, обладающих этой характеристикой. Искомую зависимость можно выразить формулой

$$S = \frac{N}{k \cdot n}, \text{ где}$$

S — вес пункта;

N — общее число обследованных (величина, постоянная для данного исследования, — 2665);

k — количество делений в рамках данной характеристики;

n — число лиц, обладающих данной характеристикой.

Для удобства взвешивания было бы целесообразно, чтобы каждый из пунктов делился на равное число подразделений, и тогда введение коэффициента k было бы излишним. Однако в случае неравного деления необходимо учесть, что возможность наделения данной характеристикой тем меньше, чем больше само число делений. Так, характеристика по выполнению норм выработки в нашем случае предполагает попадание рабочего в одну из четырех возможных групп; по качеству продукции — в одну из трех; по ответственности в работе — в одну из двух группировок.

На основании предложенных распределений и формулы получаем следующие веса каждого из пунктов:

I. Выполнение норм выработки	
значительно перевыполняют	2,27
перевыполняют	0,53
выполняют	—0,66
не выполняют	—5,46
II. Качество продукции	
хорошее	0,53
среднее	—0,91
плохое	—32,03
III. Ответственность в работе	
можно доверить ответственную работу . . .	0,74
нельзя доверить ответственную работу . . .	—1,72
IV. Участие в передовых починах	
участвуют	2,51
не участвуют	—0,62

V. Участие в рационализации	
участвуют	4,17
не участвуют	—0,57
VI. Предложения по улучшению организации труда	
предлагают	1,96
не предлагают	—0,67
VII. Случаи отказа от поручаемой работы	
не бывают	0,56
бывают	—6,83
VIII. Состояние трудовой дисциплины	
дисциплинированны	0,40
бывают случаи нарушения дисциплины . . .	—2,21
недисциплинированны	—24,3
IX. Наличие общественных порицаний за поведение на работе или в быту	
не имеют порицаний	0,55
имеют	—4,49

В расчете индекса имеется одна сложность, связанная с наделением полученной абсолютной величины знаком. Как видно из приведенных выше оценок, знак определяется отнюдь не смыслом характеристики: простое выполнение норм выработки получает балл с отрицательным знаком (—0,66). Знак, следовательно, определяется также формальным признаком. Он зависит от характера распределения и от положения оцениваемой группировки по отношению к центру распределения. В данном случае медианное значение находится в пределах характеристики «превышение», простое выполнение норм выработки оказывается, следовательно, «ниже среднего», и поэтому оно наделяется отрицательным знаком. Смысловая проверка, которая необходима здесь, весьма элементарна. Если бы характеристика «выполнение норм выработки» была наделена положительным знаком, то вес его оказался бы больше, чем вес «перевыполнения норм выработки», что противоречило бы основной идее взвешивания.

Получив, далее, веса всех характеристик, мы легко можем рассчитать пределы многомерного континуума. Крайнюю положительную границу его обозначает сумма всех положительных характеристик, крайнюю отрицательную — сумма всех отри-

цательных характеристик. В данном случае континуум имеет пределы от $+13,68$ до $-76,69$ ¹.

Рабочий, получающий все самые положительные характеристики, оказывается на одном полюсе, получающий все самые отрицательные характеристики — на другом. Подавляющее же большинство рабочих оказывается между этими двумя точками. Их распределение поддается графическому изображению, которое может быть использовано в качестве отправного пункта для последующего анализа качественного своеобразия каждого из наиболее часто встречающихся сочетаний. График вместе с тем указывает и на наиболее редкие отклоняющиеся случаи, которые также могут быть проанализированы качественным образом.

2

К вопросу о единстве обобщения и интерпретации данных в социологическом исследовании

Центральный вопрос этой темы — соотношение фактов и теории; что чему предшествует — эмпирическое знание теоретическому или наоборот? Казалось бы, вопрос простой и однозначно решаемый: разумеется, факты предшествуют теоретическому знанию, теория обобщает факты, т. е. упорядочивает их, выясняет связь между ними, проникает в их внутреннюю природу, переходя от явления к сущности, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д. Отчасти этот вопрос уже затрагивался нами в первой главе, где подчеркивалась ведущая роль фактов относительно теоретического знания. Действительно, факты — исходный материал теоретического мышления,

¹ Серьезное смещение графика в отрицательную сторону указывает на недостаток методики. Положительные характеристики оказывались в ней менее подробно разработанными, чем отрицательные.

столкновение с ними двигает и пробуждает творческую мысль, заставляя теоретика заниматься усовершенствованием своих теоретических конструкций; в определенных случаях они способны подорвать обоснованность теоретических рассуждений и даже опровергнуть их. Хорошо известно положение В. И. Ленина о том, что «Капитал» Маркса имеет в своей основе Монблан фактов.

Но в то же время не менее широко известно и другое высказывание Ленина. «В области явлений общественных, — пишет он в статье «Статистика и социология», — нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев... Вывод отсюда ясен: надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех «общих» или «примерных» рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня...»¹

Установление связи фактов, превращение совокупности их в систему — все это дело теории. Более того, теория направляет ум исследователя на поиск определенных фактов, она оказывается основанием отбора по степени их значимости и важности для науки, она анализирует и упорядочивает их. Лишь с точки зрения определенной теоретической конструкции факты приобретают смысл для науки, вне

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350—351.

связи с той или иной теоретической схемой они оказываются вообще вне пределов научного рассмотрения.

Вопрос о соотношении фактов и теории оказывается, таким образом, не столь простым, как это представлялось с первого взгляда. Можно установить первичность фактов в генетическом отношении, с точки зрения истории или происхождения теоретического знания, но это положение будет неверным в условиях развитого теоретического мышления. Старый спор эмпиризма и рационализма решается не в пользу какой-либо из сторон, истина оказывается в данном случае результатом компромисса той и другой точек зрения. Важно отметить здесь, что расхождение во взглядах на взаимоотношение эмпирического и теоретического знания отнюдь не совпадает с расхождением по вопросу об отношении мышления к действительности, сознания к бытию. Поэтому неправомерны упреки полемизирующих сторон в идеализме или заверения одной из них в своей приверженности к материализму только на основании уважения к фактам. Эмпиризм отлично уживается с позитивизмом, рационализм в определенных условиях оказывается весьма тесно связанным с различными вариантами догматического стиля мышления.

Догматизм, выражающийся в слепом преклонении перед теорией, оторванной от практики, и беспомощность перед фактами, характерная для позитивистского мышления,— вот две опасности, подстерегающие ученого на каждом этапе его исследовательской деятельности. Следует поэтому остановиться несколько подробнее на обеих из них.

Догматизм прежде всего характеризуется пристрастием к дедуктивному способу рассуждения, причем та общая схема, из которой выводятся частные положения, рассматривается в виде неизменной, законченной, не подлежащей сомнению концепции — в виде совокупности законченных догм, принимаемых не столько на основе знания, сколько на основе веры. Как известно, подлинно марксистский подход к теории иной — знание не только в общественном плане, но и в индивидуаль-

ном опыте каждого усваивается на основе критического осмысления. Ничего не принимается на веру, все проверяется практикой, опытом. Общие положения выступают не в виде непорочного света «чистой истины», а в виде методологических предпосылок, конкретизируемых и модифицирующихся применительно к исследуемому материалу. Дедукция постоянно дополняется индукцией, а сама истина рассматривается не столько как результат, сколько как процесс.

Схематизм, огрубление действительности, невнимание к деталям, в которых зачастую скрываются наиболее существенные моменты для понимания целого, нежелание рассматривать факты, противоречащие принятому заранее способу рассуждения,— неизбежные следствия чисто дедуктивного подхода к анализу социальных явлений.

Что касается эмпиризма, то этот способ мышления только по видимости противостоит догматизму. Тот, кто слепо следует за фактами, ограничивается их констатацией и описанием, не может подойти творчески к развитию теории.

Указание на связь теории и эмпирии, на постоянное взаимодействие их в процессе научного исследования целиком соответствует марксистской традиции в подходе к теории. Однако это указание в определенных условиях может оказаться лишь общим местом, фразой, правильной по форме, но эклектической по своей сути. Эклектика стремится объединить крайности. Метод рассуждения в ней строится по принципу: и то и другое. Все оказывается важным, значимым, существенным и верным. Диалектика же настаивает на преодолении этого формального единства. Для этого нужно ставить вопрос более конкретно: о какой теории в данном случае идет речь, какие именно теоретические положения в рамках общей конструкции должны быть развиты и проанализированы, какого рода факты необходимы для проверки выдвигаемых теоретических положений? Такая постановка вопроса приводит к выводу, что в конкретных исторических условиях может преобладать то одна, то другая сторона. С точки зрения преодоления догматического мышле-

ния, безусловно, важно воспитание у исследователя уважения к фактам. Но нельзя не видеть и другой опасности, связанной с отрицанием теории,—склонности к эмпиризму и бездумному практицизму.

Эта последняя точка зрения в отношении социологии получила определенный резонанс в печати. Ее защитники настаивают на том, что для развития социологии требование теоретизирования вредно. Отсюда практическое следствие — отказ от специального теоретического образования по социологии, признание за ней лишь прикладных задач с элементами теоретизирования лишь в рамках обыденного мышления.

Для более полного рассмотрения вопроса необходимо хотя бы в общих чертах наметить контуры того, что такое факт и что такое теория. Под фактом прежде всего имеется в виду некое объективное состояние вещей или событий, которые могут быть неизвестны ни отдельному исследователю, ни науке в целом. В этом смысле мы говорим, что задача исследования состоит в открытии и установлении фактов.

Далее, будучи открытыми и установленными, факты оказываются исходными кирпичиками, атомами знания. Каждый факт выступает относительно теории в виде нерасчлененного целого, он — момент единичного в строении знания; относительно теоретического знания факт выступает как объект анализа, обобщения и интерпретации.

Анализ в свою очередь представляет собой целую совокупность операций. Важнейшие из них — упорядочение фактического материала по определенной совокупности признаков, классификация этого материала, измерение в качестве способа сравнения или сопоставления, наконец, типология, представляющая собой уже важнейший элемент обобщения.

Помимо типологических процедур обобщение включает в себя определение.

Обобщение — это выявление общего, идентичного, повторяющегося в совокупности фактов. По сути дела оно одна из наиболее важных сторон

теоретической деятельности вообще. Без обобщения нет теоретического знания. Оно осуществляется на основе абстрагирования от частных, особенностей, деталей единичных фактов и наблюдений. Здесь возникает сложная проблема истинности обобщения, проблема взаимоотношения истины и заблуждения на этом этапе теоретизирования.

При рассмотрении теоретической деятельности дело иногда представляется таким образом, будто обобщение и абстрагирование — единственные существенные операции теоретического мышления. Отсюда делается вывод о постепенном восхождении или углублении теоретического знания, которое шаг за шагом как бы надстраивает все новые и новые «этажи» теории на фундаменте фактического материала. Однако идея постепенного восхождения хотя и представляется в определенном смысле идеальной формой движения теоретической мысли, далеко не всегда реализуется в ходе исследовательской деятельности. Практически получается так, что обобщение осуществляется наряду со встречным процессом — интерпретацией, истолкованием или объяснением фактов с точки зрения уже сложившихся теоретических представлений и конструкций. Эти две линии, два встречных направления в отношении к фактам постоянно сопутствуют друг другу, зачастую их трудно вычлениить в ходе действительного исследования. Ни один ученый, ни один исследователь не могут начать свою деятельность с пустого места, они усваивают в процессе своего приобщения к миру науки определенные, сформировавшиеся до них теории и в силу этого стремятся истолковать факты в свете этих теорий. В индивидуальном сознании ученого ценностное и рациональное отношения к теориям и фактам оказываются в силу этого обстоятельства весьма тесно переплетающимися.

Приведем здесь пример интерпретации определенного фактического материала с точки зрения теоретических позиций разного уровня, различной степени проникновения в суть дела.

В качестве исходного материала — уровень фактов — при исследовании причин текучести рабо-

чей силы получено следующее распределение мотивов увольнения с прежнего места работы (%)¹.

Штурмовщина	1,3
Много простоев	0,9
Неправильное оформление нарядов	1,9
Несоответствие работы квалификации	3,3
Несоответствие прежней работы склонностям	2,6
Не было перспективы повышения разряда	1,7
Физически тяжелая работа	4,8
Грязная работа	2,2
Однообразная работа	2,0
Вредные условия труда	2,4
По состоянию здоровья	4,0
Наличие ночной смены	3,5
Небольшая продолжительность отпуска	0,7
Плохие отношения с мастером, грубость	0,9
Плохие отношения с административными работниками	1,4
Плохие отношения в коллективе	0,3
Не было условий для учебы	2,2
Неудовлетворенность заработком	21,4
Хотел перейти на повременную оплату	0,4
Не было надежды получить жилье	2,0
Отдаленность жилья от места работы	8,8
Перемена места жительства	7,7
Для ухода за детьми	9,0
Был уволен за нарушение трудовой дисциплины	1,2

Если следовать «фактам», как они представляются в непосредственных данных опроса, то следует признать, что самым сильным мотивом увольнения и главной причиной текучести рабочей силы является неудовлетворенность заработной платой. На этот фактор указывает 21,4% опрошенных. Следующий за ним фактор — невозможность устроить ребенка в детское учреждение. На это обстоятельство указывает 9% опрошенных. Следовательно, действие первого фактора сильнее второго более чем в 2 раза. Такая интерпретация фактов представляется возможной, однако она исходит из той предпосылки, что каждый из перечисленных мотивов имеет самостоятельное значение и действует, как бы не перекрещиваясь с дру-

¹ Данные взяты из кн.: Л. С. Бляхман, А. Г. Здравомыслов, О. И. Шкаратан. Движение рабочей силы на промышленных предприятиях. М., 1965.

гими. Такое допущение не соответствует реальному положению дел, а это означает, что интерпретация первого уровня недостаточно точна.

Переход к следующему уровню интерпретации связан с группировкой рядоположенных мотивов. При этом оказывается, что заработная плата отодвигается на третье место, уступая по силе своего влияния неудовлетворенности условиями трудовой деятельности и жилищно-бытовыми условиями.

При анализе выбора профессии, а также степени удовлетворенности работой и факторов, ее определяющих, выясняется, что главным моментом, воздействующим на эти процессы, оказывается не столько величина заработной платы, сколько содержание самой трудовой деятельности.

Возможная интерпретация этого обстоятельства состоит в том, что в социалистическом обществе на первое место выступают моральные факторы, или моральные стимулы к труду. Однако подобная интерпретация также слишком поспешна, она происходит в отрыве от обобщения действительного фактического материала. Одно из возражений, которое может быть выдвинуто против такой интерпретации данных, состоит в указании на их недостаточную достоверность, поскольку в ходе опроса действуют механизмы социального контроля. Так как указание на решающую роль заработка среди других мотивов признается нежелательным общественным мнением, то на это обстоятельство указывают при опросе гораздо реже, чем оно встречается в действительности.

Сторонники первой точки зрения, подчеркивающие приоритет моральных стимулов, обосновывают свои соображения тем, что в процедуру опроса включаются различные приемы контроля достоверности ответов, что опрашиваемый ставится как бы в различные ситуации, в которых заработок не выдвигается на первое место. Однако и этот аргумент оказывается не вполне убедительным, поскольку ситуации, о которых идет речь, суть ситуации опроса, а не реального выбора.

Более глубокая интерпретация связана с исследованием особенностей действия сравниваемых

факторов, как таковых. Обращает на себя внимание отмечавшаяся выше различная степень вариабельности сравниваемых факторов, которая, несомненно, связана с силой их воздействия. Заработная плата рабочего данной профессии и данной квалификации не может варьироваться в очень широких пределах; содержание труда и условия работы представляют гораздо больший диапазон для выбора. Именно это обстоятельство выдвигает на первый план содержание и условия труда в качестве главного мотива перемены места работы. При интерпретации фактического материала, далее, уместно заметить, что оба этих фактора относятся отнюдь не к моральной стороне трудовой деятельности. Из того факта, что один материальный фактор действует сильнее или слабее другого материального фактора, вовсе не следует усиление моральных стимулов.

Наконец, следует обратить внимание и на следующее соображение, связанное с объяснением мотивов выбора профессии. По данным новосибирских и ленинградских обследований получилось, что и при оценке профессий выпускниками средних школ размер заработка гораздо реже упоминается в качестве привлекательной характеристики в сравнении с рядом других обстоятельств, и прежде всего с содержательностью труда.

Вывод, который следует отсюда, состоит в том, что для значительной части молодежи заработок не имеет большого значения, во всяком случае он не выступает в качестве существенного мотива выбора профессии. Этот вывод также нуждается в определенной конкретизации, связанной с более детальным анализом семьи как экономической единицы общества и распределением ролей между ее членами. Дело в том, что материальная сторона жизни семьи остается зачастую скрытой для подрастающего поколения. Дети не приобщаются к заботам родителей об обеспечении семьи, и то, что для родителей является важным и существенным, вовсе не является таковым для детей. Причем, чем обеспеченнее семья в материальном отношении, тем вероятнее подобное различие в отношении к зара-

ботку между старшими и младшими членами семьи. Следовательно, чем меньше обнаруживается воздействие заработка в мотивах выбора профессии, тем сильнее его действие в качестве реального основания выбора. Эта последняя интерпретация заслуживает проверки и может быть выдвинута лишь в качестве гипотезы.

Главное, о чем свидетельствует приведенное рассуждение, заключается в том, что для полноты объяснения того или иного социального явления недостаточно останавливаться на уровне мотивов и ценностных ориентаций. Совокупность индивидуальных мотивов не может рассматриваться в качестве приемлемого объяснения того или иного социального процесса, так же как и совокупность индивидуальных поступков не есть еще полное описание этого процесса. Для полноты анализа и глубины обобщения необходимо переходить на иные уровни рассмотрения социальных проблем. Социологические исследования сейчас задержались на изучении мотивов и ценностных ориентаций, т. е. задержались на социально-психологическом уровне. Задача состоит в том, чтобы дать анализ взаимодействия институтов в социалистическом обществе и включить этот анализ в объяснение социально-психологической стороны исследуемых процессов. Система ценностей общества должна быть прослежена в ее нормативном и институциональном аспектах.

Приведенное рассуждение показывает, что интерпретация обязательно включает в себя элементы полемики. Различные уровни обобщения как бы полемизируют друг с другом. Возникает вопрос о критерии истинности той и другой точек зрения. Разумеется, окончательным критерием является практика. Однако, пока процесс не завершен, важны и промежуточные критерии истинности, к числу которых следует отнести убедительность рассуждения, последовательность и обоснованность выводов, обусловленных в свою очередь единством интерпретации и обобщения материала.

Заключение

Остановимся на некоторых вопросах, связанных с результатами прикладных социологических исследований. При оценке результатов важно четко уяснить себе, что могут и чего не могут в принципе дать эти исследования.

Результатом деятельности социолога в любом случае оказывается новое знание. Зачастую к социологам предъявляется требование дать практические рекомендации, подсказать, что именно следует делать по тому или иному вопросу. В общей форме подобное требование, разумеется, справедливо. Однако, чтобы результаты социологического исследования могли быть оценены по достоинству, то же самое требование должно быть предъявлено самому практику, организатору, руководителю. Пусть будет вначале сформулирована определенная программа действий до всякого исследования, а затем она может быть переформулирована или скорректирована на основании полученных в исследовании данных. Ведь практика руководства в любом случае исходит из определенной программы, она формулирует определенные цели и задачи относительно управляемых объектов и процессов, определяет последовательность разрешения тех или иных задач, выбирает средства их разрешения.

Если практик-руководитель не ставит своей задачей совершенствование своей собственной деятельности, то любые данные и любые рекомендации социолога окажутся неуместными. Формы отрицательной реакции на социологические исследования могут при этом быть самыми разнообразными. Наиболее распространенной оказывается

формула «и так все известно». Такая реакция основывается на том, что, действительно, многие соображения, высказываемые исследователем, как бы носятся в воздухе. Социолог не выдумывает их заново, а уточняет позиции практика, снабжая его определенным материалом для более полной, обоснованной, всесторонней и надежной оценки ситуации.

Если говорить о непосредственных и наиболее важных результатах социологического исследования, то они состоят в следующем:

1) в прикладном исследовании должна с наибольшей полнотой воспроизводиться картина того социального процесса, на который направлена управленческая деятельность;

2) эта картина должна быть выражена в количественной форме; желательно, чтобы ряд последовательных исследований фиксировали изменения картины через определенные промежутки времени;

3) что касается рекомендаций, то они должны быть строго сообразованными с первыми двумя результатами и сопоставлены с той системой практического воздействия, которое проводилось до сих пор или намечалось до исследования. В тех случаях, когда предшествующая программа управленческой деятельности оказывается неизвестной социологу, оценка результатов исследования затруднительна.

Обратимся для иллюстрации высказанных положений к результатам одного из исследований, связанного с теорией и практикой управления средствами массовой коммуникации,— к исследованию аудитории телевидения, проведенного в Ленинграде под руководством Б. М. Фирсова. Главные результаты этого исследования, если не останавливаться на деталях, сводятся к следующему. Во-первых, были получены данные о распространении телевидения среди населения города Ленинграда. Оказалось, что 86% ленинградцев имеют телевизионные приемники. Полученные данные о распространности телевидения дают возможность: а) оценить эффективность телевидения как средства массовой коммуникации; б) при наличии

аналогичных данных по другим средствам сравнить с ними телевидение; в) определить перспективы дальнейшего распространения телевидения по мере роста материального благосостояния населения и развития культурных потребностей.

Во-вторых, важным результатом исследования оказалась типология телезрителя в зависимости от «способа потребления» информации. Этот «способ потребления» наиболее отчетливо обнаруживается в массе времени, затрачиваемого на просмотр телевизионных передач. Типология эта представлена на следующей диаграмме.

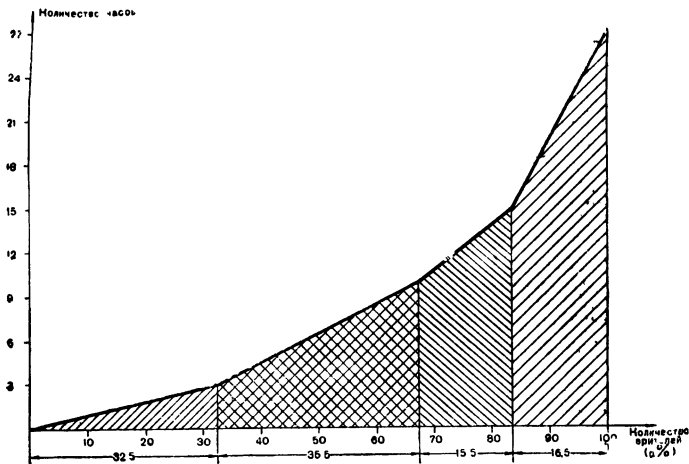

Рис. 6. Диаграмма распределения телезрителей в зависимости от времени, затрачиваемого на просмотр передач.

Как показывает диаграмма, зрители делятся на четыре категории в зависимости от количества «времени потребления» телевидения. Первая категория, составляющая 32,5% всей аудитории, смотрит телевизор менее трех часов в неделю, четвертая категория — от 14 до 27 часов в неделю.

Анализ каждого из типов телезрителей корректирует целенаправленность телевещания. Во всяком случае полученные данные полностью опровергают теорию «среднего телезрителя», имев-

шую распространение среди работников телевидения до проведения исследования.

Анализ типологии телезрителя и специфики восприятия им тех или иных передач служит единственной научной основой для определения политики в телевещании, разработки программ, точности ориентации этих программ на тот или иной тип зрителя.

Практическая значимость социологических исследований за последнее время резко возрастает в связи с задачами распространения комплексных планов социального развития производственных коллективов, населенных пунктов, районов, городов и т. д.

Что может дать социология в решении этой задачи? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно представить себе основные компоненты комплексного плана социального развития. Разумеется, основой социального планирования является планирование экономическое. Трудно определить развитие того или иного населенного пункта, не представляя перспектив его экономического развития. Но несомненно также и то, что план социального развития не может быть сведен к плану экономического развития. Планирование социального развития коллектива предполагает определенную перспективу изменения, совершенствования образа жизни населения данной местности или трудящихся данного предприятия.

Задача социологии состоит в том, чтобы определить основные параметры существующего образа жизни и наметить контрольные точки изменения этих параметров. Более конкретно план социального развития предполагает составление плана экономического развития, планирование архитектурно-территориального комплекса со всей совокупностью сферы услуг и коммуникаций, прогноз социально-демографической структуры населения, и прежде всего поло-возрастного состава, выяснение основных внешних и внутренних миграционных потоков и изучение перспектив их изменения, существующей структуры потребностей и интересов населения и степени соответствия этим потребностям действующих институтов и учреждений, выявление

статистики аморальных, нежелательных, отклоняющихся случаев поведения и также составления на этой основе прогноза дальнейших изменений в этой области. Даже простое перечисление основных компонентов плана социального развития показывает, насколько широки, разнообразны и ответственны дальнейшие задачи социологии в нашей стране.

Оглавление

Предисловие

стр. 3

Глава I.

Предмет, структура и функции социологического знания

стр. 7

1.

Социология: термин и содержание

стр. 7

2.

Дискуссия о предмете марксистской
социологии и ее некоторые итоги

стр. 14

3.

Функции социологии. Социальная
проблема как объект исследования

стр. 27.

Глава II.

Процедура исследования. Составление программы и плана

стр. 43

1.

Этапы социологического исследования.

Понятие процедуры

стр. 43

2.

Программа социологического исследования

стр. 54

3.

План исследования: разведывательный,
описательный, экспериментальный

стр. 86

Глава III.
Сбор материала
стр. 94

1.

Выборка в социологическом исследовании
стр. 94

2.

Общая характеристика и классификация способов
сбора материала
стр. 108

3.

Опрос и его виды
стр. 110

4.

Анализ документов
стр. 145

5.

Наблюдение как метод сбора
социологической информации
стр. 156

Глава IV.
Анализ и обобщение материала
в социологическом исследовании
стр. 165

1.

Шкалирование и методы латентного анализа
в социологическом исследовании
стр. 166

2.

К вопросу о единстве обобщения и интерпретации
данных в социологическом исследовании
стр. 189

Заключение

стр. 199

Здравомыслов, Андрей Григорьевич
МЕТОДОЛОГИЯ И ПРОЦЕДУРА
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Редактор *А. Ф. Русакова*
Оформление художника *Б. М. Рябышева*
Художественный редактор *М. Н. Сергеева*
Технический редактор *В. А. Кудрявцева*
Корректор *В. М. Антонова*

Сдано в набор 3 июля 1969 г. Подписано в печать 5 ноября 1969 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂, № 1. Усл печатных листов 10,92
Учетно-издательских листов 9,89. Тираж 15000 экз. А10725.
Заказ № 1614 Цена 62 коп.

Издательство «Мысль». Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография № 32 Главполиграфпрома.
Москва, Цветной бульвар, 26.

Здравомыслов А. Г.

Методология и процедура социологических исследований. М., «Мысль», 1969.

205 с.

В монографии рассматриваются наиболее существенные теоретические и методологические вопросы социологического исследования.

Автор разбирает вопросы соотношения философии и социологии, дает характеристику структуры социологического знания. В книге анализируются исходные положения составления программы социологического исследования. Третий раздел ее посвящен вопросам сбора материала в социологическом исследовании, а в заключении описываются способы его обработки и анализа.

В работе широко использованы материалы исследований, проведенных за последнее время в нашей стране ленинградскими, новосибирскими и московскими социологическими организациями и центрами.

1—5—3

127—69

1МИ

62 коп.

**Издательство
„Мысль“**